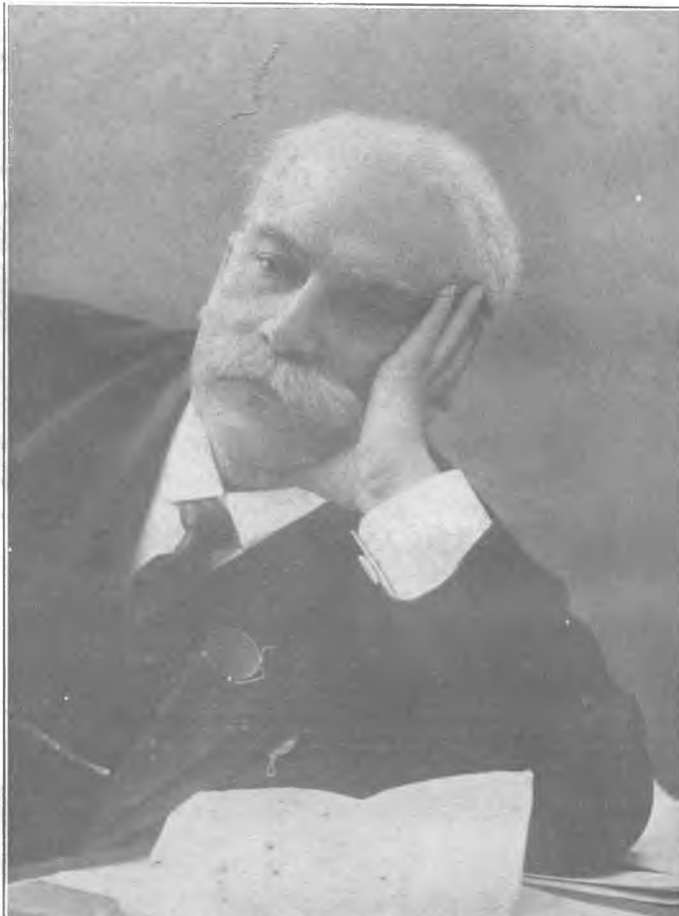
Я. Л. ТЕЙТЕЛЬ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ЗА СОРОКЪ ЛѢТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Я. ПОВОЛОЦКІЙ и Ко
ПАРИЖЪ
1925

Б. Г.

Я. Л. ТЕЙТЕЛЬ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ЗА СОРОК ЛѢТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Я. ПОВОЛОЦКІЙ и Ко
ПАРИЖЪ
1925

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XI°)

Посвящаю свѣтлой памяти моей жены — вѣрной спутницы моей жизни — Екатеринѣ Владимировнѣ Тейтель.

АВТОРЪ.

ОТЪ АВТОРА.

Наконецъ-то моя мечта осуществляется. Мемуары, посвященные памяти моего лучшаго друга, покойной моей жены, Екатерины Владимировны, выходятъ въ свѣтъ.

Не будетъ "смиреніемъ паче гордости", если я скажу, что мои воспоминанія — не мемуары большого человѣка, виднаго политическаго или общественнаго дѣятеля. Большими дѣлами я не занимался. Всю жизнь я и жена оказывали людямъ мелкія услуги, приходя на помощь, по мѣрѣ силъ, обращавшимся къ намъ въ трудную минуту ихъ жизни.

Въ концѣ 1918 года мы пріѣхали въ Кіевъ, гдѣ тогда жили мой сынъ съ своей женой. Пробыли мы тамъ до конца 1920 г. При насъ было чуть ли не 15 смѣнъ правительствъ. Каждое изъ нихъ своей жестокостью, насиліями, старалось перещеголять своего предшественника. При насъ на Украинѣ были и страшные погромы. Въ самомъ Кіевѣ, на нашихъ глазахъ, грабили, рѣзали людей, насиловали женщинъ, умерщевляли дѣтей. Человѣкъ озвѣрѣлъ.

Настоящее было мрачно, впереди никакого просвѣта. Оставалось одно прошлое, и вотъ я погрузился въ это прошлое, сталъ имъ жить и изложилъ на бумагѣ то изъ него, что сохранилось въ моей памяти. А вспомнить было о чемъ: цѣлый рядъ встрѣчъ съ видными политическими и общественными дѣятелями, художниками, пи-

сателями; служба моя, чуть ли не единственнаго еврея, по судебному вѣдомству въ теченіе 40 лѣтъ; полувѣковая собственная работа по общественнымъ дѣламъ.

Въ холодной, сырой комнатѣ, при трехградусномъ холодѣ, въ шубѣ, калошахъ, шапкѣ я диктовалъ свои воспоминанія группѣ молодежи, которая окружала меня и согрѣвала искренней любовью.

Выходящія нынѣ мои воспоминанія доведены до начала великой міровой войны. Продолженіемъ ихъ будетъ разсказъ о пребываніи моемъ въ Лондонѣ, въ самый разгаръ войны, свиданіе съ тамошними политическими и общественными дѣятелями, переѣздѣ въ Петербургъ и Москву, Февральской Революціи, Октябрьскомъ переворотѣ, переѣздѣ въ Кіевъ, переселеніи въ Берлинъ, о жизни русской бѣженской колоніи и о работѣ моей въ берлинскихъ эмигрантскихъ организаціяхъ.

Я буду счастливъ, если судьбѣ угодно будетъ продлить мою жизнь, чтобы я могъ увидѣть въ печати и вторую часть моихъ воспоминаній.

ДѢТСТВО.

«Подъ могильной плитой всякаго человѣка схоронена цѣлая всемірная исторія».

Гейне.

Я родился 1851 г. 2-го ноября въ м. Черномъ Островѣ, Под. губ. Проскуровскаго уѣзда. Дѣдъ мой по отцу ребъ Янкель Малишвецеръ,—назывался онъ такъ по имени села, въ которомъ онъ арендовалъ мельницу — извѣстенъ былъ своимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ. Въ Черномъ Островѣ у него былъ небольшой винокуренный заводъ: «Гарельня».

Онъ считался мѣстнымъ аристократомъ, встрѣчался съ польскими помѣщиками и дѣтямъ далъ приличное по тому времени образованіе. Отецъ мой зналъ польскій и прилично русскій языки, а на древне-еврейскомъ даже пописывалъ стихи и слылъ за свободомыслящаго: носилъ платье европейскаго покроя. Когда введены были винные откупа, отецъ мой служилъ по этимъ откупамъ «акцизникомъ». Акцизники считались либералами и даже атеистами, такъ какъ они нарушали чуть ли не всѣ 613 правилъ, обязательныхъ для правовѣрнаго еврея.

Помню я себя съ 6-лѣтняго возраста, когда меня носили въ хейдеръ — первоначальную школу. Помню изможденнаго меламеда съ рыженькой бородкой и его жену, несчастную женщину, окруженную многочисленной дѣтворой.

Помѣщался нашъ хейдеръ въ комнатѣ съ землянымъ поломъ, учениковъ было около 30, всѣ сидѣли на полу, тутъ же находилась и коза меламеда — учителя нашего, кормившая своимъ молокомъ

всю семью. Съ удовольствіемъ вспоминаю зимніе вечера, когда мы возвращались домой съ фонарями и пѣснями. Дома меня ожидали мать и сестры, и, такъ какъ я былъ единственнымъ сыномъ, меня сильно баловали. Мать моя была родомъ изъ пограничнаго мѣстечка Радзивилова. Отецъ ея былъ почтосодержателемъ, отпускалъ лошадей проѣзжимъ по казенной надобности, курьерамъ, фельдъегерямъ и друг. При проѣздѣ лицъ царской фамиліи онъ садился на козлы рядомъ съ ямщикомъ и правилъ лошадьми. Характера онъ былъ властнаго, считался гордецомъ. Властность унаслѣдовала отъ него дочь — моя мать. Въ Черномъ Островѣ устроила она свою квартиру по заграничному, съ нѣкоторымъ комфортомъ, что не особенно нравилось многочисленнымъ родственникамъ, особенно родственницамъ моего отца. Лишился я матери, когда мнѣ было лѣтъ 9. Она уѣхала изъ Чернаго Острова къ моей сестрѣ въ г. Ровно, гдѣ и умерла. Врѣзался въ мою память ея прощальный взглядъ, брошенный на меня, когда она садилась въ пролетку, взглядъ полный любви и горести, какъ будто она предчувствовала, что больше меня не увидитъ. Послѣ смерти матери воспитаніемъ моимъ занялась моя сестра Анна. Ей я многимъ въ жизни обязанъ. Надо удивляться, какъ ей, дѣвушкѣ, выросшей въ глухомъ мѣстечкѣ, удалось познакомиться съ произведеніями русскихъ и нѣмецкихъ писателей. Всѣми силами она стремилась дать мнѣ европейское образованіе. Какъ я сказалъ, отецъ мой служилъ по акцизу. Въ его вѣдѣніи было нѣсколько винокуренныхъ заводовъ. Въ одномъ изъ нихъ смотрителемъ былъ нѣкій Розенъ, изъ Кременца, Волынской губ., большой знатокъ Библіи. Тогда очень распространено было пятикнижіе съ древне-еврейскимъ и нѣмецкимъ текстами. Розенъ былъ большой знатокъ также нѣмецкаго язы-

ка. Отецъ помѣстилъ меня у него и тотъ занялся моимъ воспитаніемъ и образованіемъ.

Единственнымъ свѣтлымъ лучемъ тогдашней моей жизни былъ мой товарищъ Трохимъ, сынъ заводского ночного караульщика, мой ровесникъ. Съ нимъ мы дѣлили горе и радость. Полюбилъ я очень этого Трохима. Любилъ бывать въ землянкѣ его родителей. Отецъ его попивалъ, а мать горемыкала съ ребятишками. Особенно она любила бѣловолосаго Трохима, и часть любви переносила на меня, одинокаго сироту. Въ избѣ родителей Трохима я чувствовалъ себя какъ дома, и не понималъ, какъ можно не любить человѣка только потому, что онъ «гой» или «жидъ». Я многимъ обязанъ милому Трохиму и его матери, типичной хохлушкѣ.

Въ вѣдѣніи моего отца былъ также винокуренный заводъ въ м. Степань, Волынской губ. Въ Степани проживалъ ребъ Танхемъ Розенцвейгъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ мѣстнаго и окружнаго населенія.

Онъ уговорилъ моего отца отпустить меня съ нимъ въ Воложинъ, гдѣ онъ хотѣлъ опредѣлить меня въ «Ешиботъ», предсказывая блестящую карьеру раввина. Меня стали готовить къ отъѣзду. Сшили соотвѣтствующій костюмъ: длинный капотъ лапсердакъ, заказали пантофли и остальныя принадлежности. Къ счастью или къ несчастью поѣздка господина Танхема не состоялась и меня, вмѣсто Воложина, отвезли въ Немировъ, гдѣ я сталъ готовиться къ поступленію въ гимназію. Признаться, я былъ плохо подготовленъ и провалился на экзаменѣ. Отецъ отвезъ меня въ м. Черный Островъ, на мою родину. Въ этомъ мѣстечкѣ было 4-хкласное дворянское училище. Называлось оно «дворянскимъ», потому что содержалось на средства мѣстнаго польскаго дворянства. Послѣ польскаго воз-

станія 1863 г. правительство ввело въ училищѣ строгую дисциплину, увольняло учителей - поляковъ и назначало чистокровныхъ русскихъ, старавшихся не о толковомъ преподаваніи своихъ предметовъ, а о насажденіи русской государственности. Поступилъ я въ это училище въ 1865 году.

Не забуду скорбнаго лица учителя французскаго языка Качаровскаго, всю жизнь объяснявшагося съ учениками по польски, а затѣмъ вынужденнаго говорить по русски. Помню, какъ во время урока вбѣжалъ въ классъ смотритель училища и кричалъ на бѣднаго Кочаровскаго за то, что во время перемѣнъ Кочаровскій будто-бы говорилъ по польски съ какимъ-то мальчикомъ. Насъ, евреевъ, въ училищѣ было всего двое, я и Израиль Соболь, сынъ довольно зажиточныхъ и интеллигентныхъ, по тому времени, родителей. Съ Соболемъ мы подружились, жили на одной квартирѣ. Платили мы за все, — столъ и квартиру — 5 рублей въ мѣсяцъ. Сосѣди нашего квартирохозяина завидовали послѣднему, считая, что онъ насъ сильно эксплуатируетъ и переманивали насъ къ себѣ.

Къ намъ евреямъ учительскій персоналъ хорошо относился. Учитель русскаго языка Старевскій, въ 4-мъ классѣ, читалъ выдержки изъ рѣчи, произнесенной въ Житомирѣ раввиномъ Кулишеромъ и объяснялъ ученикамъ значеніе образованія для евреевъ. Поступилъ я въ третій классъ училища и при переходѣ въ четвертый получилъ первую награду.

По окончаніи четырехкласснаго училища, мы съ Соболемъ рѣшили продолжать наше образованіе въ Каменецъ - Подольской гимназіи.

Оказалось однако, что намъ ѣхать туда нельзя. Въ тамошней гимназіи преподавали естественную исторію съ третьяго класса. Мы рѣшили ѣхать въ Житомиръ. Но каково было наше огорченіе, когда,

пріѣхавъ туда, мы узнали, что для поступленія въ пятый классъ, мы должны держать экзаменъ, не только по естественной исторіи, но и по греческому языку. Положеніе наше было безвыходное. Мы узнали, что гдѣ-то въ полѣсьи Минской губерніи имѣется благодатный городъ Мозырь, что въ Мозырской гимназіи принимаютъ всѣхъ обиженныхъ судьбой, въ особенности хвалили тамошняго директора гимназіи Михаила Макаровича Изюмова.

Мы соединились съ компаніей такихъ же неудачниковъ какъ мы и на «балагулѣ» поѣхали туда.Съ нами ѣхали великовозрастные,бывшіе ученики житомирскаго раввинскаго училища, провалившіеся на экзаменахъ въ Житомирской гимназіи.

Въ Мозырѣ мы узнали, что гимназія, настоящая классическая. Мы съ Соболемъ явились къ директору Изюмову. Изюмовъ сталъ меня спрашивать по исторіи. Мои знанія оказались не особенно солидными. Повидимому, его тронули наши разсказы о мытарствахъ, перенесенныхъ нами и онъ согласился принять меня и Соболя не въ пятый, а въ четвертый классъ, съ тѣмъ, чтобы весною мы держали экзамены по греческому языку за два класса — за третій и четвертый.

Значительный процентъ состава учащихся гимназіи составляли дѣти лицъ духовнаго званія. Польскихъ дѣтей было очень мало, а евреевъ человѣкъ восемь.

Директоръ гимназіи относился ко всѣмъ ученикамъ одинаково корректно. Часто онъ обращался къ мозырскимъ евреямъ, указывая на пользу образованія и на желаніе правительства видѣть въ гимназіи побольше евреевъ.

Къ сожалѣнію евреи не шли на встрѣчу этому желанію. Еврейская масса — нищая, темная, забитая — еле-еле влачила свое жалкое существованіе

и не помышляла объ образованіи. Дѣтей мѣстныхъ евреевъ въ гимназіи не было.

Еврейское населеніе Мозыря занималось мелкой торговлей и ремеслами. Культурно - просвѣтительныхъ учрежденій, конечно, не было. Казеннымъ раввиномъ былъ Р. Кугель, отецъ извѣстнаго публициста, редактора журнала «Театръ и Искусство», А. Р. Кугеля. Раввинъ старался о насажденіи образованія среди евреевъ Мозыря. Добродушный, толерантный, онъ былъ связующимъ звеномъ между ненавидѣвшими другъ друга отцомъ протоіереемъ Тарнопольскимъ, и католическимъ ксендзомъ. Я часто бывалъ въ гостепріимной семьѣ Кугеля.

Зимою Мозырь засыпалъ, и лишь съ открытіемъ навигаціи по рѣкѣ Припяти, населеніе оживало. Пароходы курсировали между Пинскомъ и Кіевомъ. Мозырь до такой степени былъ заброшенъ, что даже лѣтомъ туда не заглядывали бродячія труппы, ни артисты. Когда я перешелъ въ шестой классъ, то поселился въ польской семьѣ Годецкихъ. Готовилъ я во второй классъ ихъ племянника. На Рождество и Пасху я ѣздилъ въ деревню Ширеки, недалеко отъ Мозыря къ родственнику моего ученика, помѣщику Доливѣ-Добровольскому. Отношенія между помѣщикомъ и крестьянами были крайне враждебныя. Помѣщики не могли мириться съ новыми порядками, въ особенности съ тѣмъ, что они должны были являться по требованію волостного суда. Самолюбіе ихъ много терпѣло отъ отношенія къ нимъ волостныхъ старшинъ и писарей, которые старались «досаждать» бывшему барину, уязвлять его самолюбіе. Живя у Доливо - Добровольскихъ, я весь проникся польскими тенденціями. На помѣщиковъ - поляковъ смотрѣлъ какъ на мучениковъ. Возможно, что на мое міровоззрѣніе имѣли, къ стыду моему, большое вліяніе красивая паненка Мальвина и пани Филомена — же-

на Доливо - Добровольскаго, изящная молодая женщина.

У Годецкихъ я жилъ до окончанія гимназіи. Учился я сначала очень хорошо, получалъ награды, а затѣмъ сталъ больше заниматься чтеніемъ и, считаясь первымъ ученикомъ по словесности, пользовался особеннымъ расположеніемъ директора Изюмова.

Обычно ученики послѣдняго класса гимназіи передъ окончаніемъ обсуждали, кому въ какой университетъ поѣхать и на какой факультетъ поступить? Особеннымъ уваженіемъ пользовался въ глухомъ Мозырѣ Московскій Университетъ.

Въ Москвѣ проживалъ мой двоюродный братъ Владиміръ Тейтель. Отецъ мой списался съ нимъ и я отправился въ Москву.

Матеріально я сильно нуждался. Кое-какъ сколотили мнѣ денегъ на дорогу, сшили мнѣ костюмъ и я поѣхалъ въ Москву.

Дорогой я познакомился съ молодежью тоже направлявшейся туда. Остановился я на Срѣтенкѣ въ меблированныхъ комнатахъ «Россія». Это было въ августѣ 1871 года. Я поѣхалъ къ моему родственнику Владиміру Исаевичу Тейтелю, жившему на Новинскомъ бульварѣ, въ домѣ Ахлестышева. Тащился я долго на «ванькѣ» и, кажется, за проѣздъ заплатилъ 15-20 коп.

Отворила мнѣ дверь старшая дочь моего родственника Катя, тринадцатилѣтняя дѣвочка. Она очень привѣтливо меня встрѣтила и я тутъ же почувствовалъ, что мы будемъ друзьями. Была она тогда гимназисткой четвертаго класса четвертой женской гимназіи, на Поварской. По приглашенію Владиміра Исаевича и его жены я на другой день къ нимъ переѣхалъ и сталъ хлопотать о пріемѣ меня на медицинскій факультетъ. Въ то время посту-

павшихъ въ Московскій Университетъ подвергали испытанію по русскому языку.

Насъ всѣхъ, подавшихъ прошенія о пріемѣ въ Университетъ, собрали въ большую аудиторію и предложили написать сочиненіе на тему: «Петръ Великій, какъ преобразователь русской литературы». Тема была задана извѣстнымъ ученымъ, профессоромъ Тихонравовымъ, присутствовавшимъ въ аудиторіи, когда мы писали на заданную тему. На третій день вернули намъ нашу работу, причемъ, я, единственный, получилъ за нее отмѣтку пять съ плюсомъ. Но Тихонравовъ усомнился, самъ ли я писалъ и предложилъ мнѣ на другой день прійти въ аудиторію и въ его присутствіи написать на новую тему. Объяснялось это тѣмъ, что работа моя была, въ общемъ, вполнѣ удовлетворительна, но профессора Тихонравова удивила грубая ошибка, допущенная мною въ словѣ «средніе». Я написалъ «ы» вмѣсто «і». Эта ошибка смутила Тихонравова и онъ хотѣлъ провѣрить мои знанія. Я написалъ сочиненіе на новую тему въ его присутствіи и удачно.

Поступивъ на медицинскій факультетъ, я пробылъ на немъ нѣсколько дней и перешелъ на юридическій. Это былъ самый модный факультетъ. Новые суды только что были введены. Имена выдающихся адвокатовъ пользовались большой популярностью. Спасовичъ, Лохвинскій, князь Урусовъ, Плевако, Арсеньевъ и др. имѣли массу поклонниковъ. Уголовные процессы привлекали много публики.

Мало было профессоровъ, которые захватывали бы меня. Живого слова не было. Я помѣстилъ въ «Петербургской Газетѣ» замѣтку подъ заглавіемъ: «Изъ Московскаго Храма Науки», въ которой я крайне отрицательно отнесся къ составу профессоровъ юридическаго факультета. Дѣйствительно, пребываніе мое на юридическомъ факультетѣ въ

1871 по 1875 г. совпало съ временнымъ упадкомъ юридическаго факультета.

Домъ В. И. былъ очень гостепріименъ. Собиралась учащаяся молодежь. На вечерахъ происходили горячіе споры по разнымъ вопросамъ общественной и политической жизни. Хотя либеральный періодъ царствованія Александра II уже заканчивался и реакція сильно стала поднимать голову, но крупныя реформы: всеобщая воинская повинность, земско - городскія положенія захватывали общество, и молодежь, конечно, не могла не интересоваться всѣмъ этимъ.

Самыми близкими моими товарищами были студенты кавказцы: Лордкипанидзе, Кикодзе, Чконіо, Здановичъ и др.

Родственникъ мой В. И. управлялъ домами и имѣніями московскаго большого барина Н. С. Камынина. При одномъ изъ домовъ Камынина, на Новинскомъ бульварѣ была его контора и въ ней я занималъ одну комнату. Тамъ у меня собирались мои товарищи кавказцы и пріѣзжавшіе изъ Петербурга и изъ другихъ городовъ студенты. Привозили они съ собой нелегальную литературу, переодѣвались у меня, гриммировались и отправлялись на фабрики агитировать среди рабочихъ. Самъ я не принималъ никакого участія, ограничивался ролью гостепріимнаго хозяина и хранителя литературы и костюмовъ. Самымъ активнымъ дѣятелемъ, человѣкомъ съ инициативой, былъ Здановичъ, сосланный впослѣдствіи на каторжныя работы за соціалъ - революціонную дѣятельность.

Барскій домъ Камынина, гдѣ запросто бывалъ московскій генералъ-губернаторъ В. А. Долгоруковъ, не внушалъ никакихъ подозрѣній полиціи, и нелегальныя сборища часто происходили у меня.

Я очень интересовался политикой и ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ въ библіотекѣ Ушa-

ковой, на Воздвиженкѣ, и увлекался чтеніемъ газетъ и журналовъ. Въ особенности, меня интересовали событія, касавшіяся французской республики.

Помню, я крайне волновался отношеніями Тьера и Гамбетты. Республиканскій образъ правленія во Франціи только что утверждался и я лихорадочно слѣдилъ за всѣми перипетіями борьбы между монархистами и республиканцами.

Свободные вечера я проводилъ въ семьѣ В. И., и главнымъ образомъ въ обществѣ его старшей дочери Кати. Мы занимались чтеніемъ, я репетировалъ съ ней уроки по исторіи и засиживался съ нею вдвоемъ до часу - двухъ ночи.

Мы любили другъ друга и соединились на всю жинзь. Она была въ большой дружбѣ съ многими моими товарищами, интересовалась политической дѣятельностью послѣднихъ, поддерживала меня морально въ студенческіе годы и такой же поддержкой она служила всю мою жизнь.

По окончаніи университета, мы съ Екатериной Владимировной рѣшили издавать ежедневную газету, которая правильно освѣщала бы еврейскій вопросъ.

Попытка изданія газеты

После медоваго періода либерализма въ Россіи, въ концѣ 60-хъ годовъ и въ особенности въ началѣ 70-хъ годовъ, началась реакція. Сначала она робко, съ оглядкой, осторожно стала поднимать голову, а затѣмъ, къ концу 70-хъ годовъ, заняла почетное мѣсто въ правительственныхъ и въ общественныхъ сферахъ. Какъ всегда и вездѣ, первыми жертвами реакціи стали евреи и еврейскій вопросъ началъ обсуждаться въ печати подъ разными соусами: научнымъ, славянофильскимъ и т. д.

Особенно много вниманія удѣляли евреямъ извѣстный публицистъ - славянофилъ И. С. Аксаковъ и редакторъ «Современныхъ Извѣстій» Гиляровъ-Платоновъ. Послѣднія имѣли большой тиражъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ провинціи; изъ нихъ дѣлали перепечатки многіе органы печати. Въ Петербургѣ было много мелкихъ газетъ антисемитическаго направленія, но особенно странно держалъ себя органъ либераловъ «Голосъ», издававшійся Краевскимъ.

Въ то время, какъ въ передовыхъ отдѣлахъ этой газеты были либерально - прогрессивныя статьи, въ нижнемъ этажѣ помѣщались часто статьи хлесткаго фельетониста «Нилъ Адмирари», крайне антисемитическаго направленія. Надлежащаго отпора этому опасному теченію не было. Курьезно, что отповѣдь нападкамъ на евреевъ давали часто только «Московскія Вѣдомости» крайне реакціонная газета по всѣмъ вопросамъ русской

жизни, но въ лицѣ талантливаго редактора Каткова она являлась усердной защитницей евреевъ, ратовала за представленіе имъ права жительства, свободы образованія и т. д.

Катковъ былъ того убѣжденія, что евреи, только-что допущенные къ источнику знанія, къ промышленной жизни бѣдной духовно и экономически Россіи, своей энергіей, своими способностями будутъ весьма полезны.

Живя у своихъ родственниковъ, я не стоялъ въ сторонѣ отъ еврейства. Передъ Пасхой 1875 года въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» появилась передовая статья по поводу корреспонденціи изъ Перми о похищеніи евреями христіанскаго мальчика съ ритуальной цѣлью. Перепечатки изъ этой статьи на другой день были во всѣхъ уличныхъ газетахъ. Эти статьи и разговоры въ обществѣ по поводу ихъ произвели на меня тяжелое впечатлѣніе. Я пришелъ къ выводу, что надо съ антисемитизмомъ бороться печатнымъ словомъ, что отдѣльные еврейскіе органы на какомъ-бы то ни было языкѣ не помогутъ, такъ какъ ихъ читаютъ только евреи, что нужно имѣть ежедневный общерусскій органъ, не посвященный исключительно еврейскому вопросу, который правильно освѣщалъ бы всѣ стороны еврейской жизни. Нужно, чтобы этотъ органъ былъ серьезный, но не скучный и доступный для массы, чтобы, подписываясь на газету, подписчики не считали, что жертвуютъ, какъ обыкновенно практиковалось по отношенію къ еврейскому органу, а чтобы онъ за небольшую плату имѣлъ хорошую, интересную газету. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, я въ 1875 году, по окончаніи университета, принялся за осуществленіе своей мысли.

Единственный человѣкъ, который зналъ о моемъ планѣ, принималъ участіе въ его осуществле-

ніи была дочь моего родственника, Екатерина Владимировна, на которой я впослѣдствіи женился.

Я написалъ воззваніе ко всѣмъ еврейскимъ общественнымъ дѣятелямъ во всѣ города, къ общественнымъ раввинамъ, даже духовнымъ и къ нѣкоторымъ христіанскимъ общественнымъ дѣятелямъ о необходимости создать такой органъ. Въ этихъ воззваніяхъ я указывалъ на ростъ антисемитизма, на опасное его вліяніе, на впечатлѣніе, которое онъ производитъ на темныя массы, на необходимость путемъ печатнаго слова бороться съ нимъ, на необходимость правильно освѣщать передъ русскимъ обществомъ всѣ стороны еврейской жизни, какъ хорошія, такъ и дурныя, объясняя причину послѣднихъ.

Помню какъ я пришелъ съ написаннымъ мною воззваніемъ къ нынѣ покойному Кушнареву, крупному книгоиздателю и извѣстному владѣльцу типоргафіи.

Довольно тучный, добродушный Кушнаревъ посмотрѣлъ иронически на меня, спрашивалъ какими средствами я обладаю для изданія газеты, кто намѣченъ въ редакторы, какіе сотрудники, и сотрудничалъ ли я самъ въ какихъ нибудь органахъ печати?

Получивъ отрицательные отвѣты на всѣ вопросы, онъ задумался, улыбнулся и...обѣщалъ напечатать это воззваніе.

Много хлопоталъ онъ въ цензурѣ для разрѣшенія и, наконецъ, оно было напечатано, конечно, безплатно.

Въ числѣ лицъ, которымъ я послалъ свое воззваніе, былъ Г. И. Богровъ, авторъ «Записокъ еврея», печатавшихся тогда въ «Отечественныхъ Запискахъ», издававшихся Краевскимъ и Некрасовымъ.

Эти талантливые очерки производили сильное впечатлѣніе на русское общество.

Спустя нѣкоторое время я сталъ получать отвѣты на мое воззваніе отъ многихъ лицъ изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Во всѣхъ полученныхъ мною письмахъ красной нитью проходило сознаніе необходимости бороться путемъ печатнаго слова съ возродившимся антисемитизмомъ, и именно въ такой формѣ, въ какой я предлагалъ.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстечекъ прислали списокъ подписчиковъ съ просьбой сообщить, сколько и куда выслать денегъ за газету.

Весьма интересенъ былъ отвѣтъ Богрова, раздѣлявшаго мою точку зрѣнія и приглашавшаго меня пріѣхать въ Петербургъ.

Спустя нѣкоторое время я поѣхалъ туда, остановился въ меблированныхъ комнатахъ «Рига», кажется на Садовой улицѣ, и немедленно повидался съ Богровымъ.

Министромъ внѣшнихъ дѣлъ былъ тогда всесильный Тимашевъ, ярый врагъ печати и такой же антисемитъ. О полученіи разрѣшенія на изданіе новой газеты нечего было и думать. Богровъ и Слонимскій взяли на себя переговоры съ издателями нѣкоторыхъ газетъ и, по совѣту Богрова, я долженъ былъ черезъ мѣсяцъ снова вернуться въ Петербургъ для дальнѣйшихъ хлопотъ.

Подписчики будущей газеты изъ провинціи стали спрашивать меня, когда выйдетъ, наконецъ, газета. Я ихъ успокаивалъ, что газета непремѣнно выйдетъ, а между тѣмъ изъ Петербурга друзья мнѣ писали, что придется повременить, что политическій курсъ не даетъ никакихъ основаній надѣяться на разрѣшеніе новой газеты, но что они ведутъ переговоры съ Трубниковымъ и др. издателями и на-

дѣются пріобрѣсти какой-нибудь изъ существующихъ органовъ.

Видя, что моей мечтѣ не скоро осуществиться, я зачислился въ кандидаты на судебныя должности при Московской Судебной Палатѣ.

Съ болью въ сердцѣ вспоминаю о моей неудавшейся попыткѣ. Я убѣжденъ, что надобность въ такомъ органѣ постоянно была и есть, и именно въ существованіи живой, серьезной ежедневной газеты, которая бы не была еврейскимъ національнымъ органомъ, а общерусскимъ.

САМАРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Въ маѣ 1875 г. я окончилъ юридическій факультетъ Московскаго университета. Предстояло рѣшить вопросъ: чему себя посвятить — адвокатурѣ или магистратурѣ? Дѣятельность адвоката тогда еще была окружена нѣкоторымъ ореоломъ. Адвокатская трибуна была почти единственнымъ мѣстомъ, откуда могло раздаваться свободное слово. Подъ флагомъ защиты виновныхъ въ нарушеніи законовъ, нѣкоторые,— идейные, — адвокаты смѣло указывали на тѣ болѣзни общества и государства, которыя порождали преступленія.

Къ рѣчамъ такихъ ораторовъ общество и государственная власть прислушивались. Помню, съ какимъ вниманіемъ залъ уголовнаго засѣданія слушалъ рѣчи извѣстнаго адвоката Спасовича.

Въ первое время, послѣ введенія судебной реформы, адвокатура могла гордиться тѣмъ, что въ ея рядахъ было много честныхъ, идейныхъ дѣятелей. Но съ теченіемъ времени въ адвокаты пошли, въ значительномъ количествѣ, люди далеко не идейные. Званіе адвоката стало уже не такъ почетно. Въ статьяхъ Щедрина и многихъ, менѣе видныхъ публицистовъ, адвокатура рисовалась въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Рядомъ съ адвокатурой стояла магистратура. Хотя дѣятели, въ родѣ Стояновскаго, Ровинскаго и др., тоже не часто попадались, но судебное вѣдом-

ство тогда еще не было развращено, надъ нимъ еще не оперировали Манасѣины, Муравьевы, Щегловитовы и др.

Не считая себя способнымъ быть въ числѣ адвокатовъ, которые «глаголомъ жгли сердца людей», я рѣшилъ посвятить себя скромной дѣятельности — службѣ по судебному вѣдомству. Къ этому меня особенно побуждало мое глубокое убѣжденіе, что евреямъ не слѣдуетъ гоняться за крупными адвокатскими кушами, а нужно имѣть своихъ представителей въ рядахъ скромныхъ, честныхъ судей. На государственную службу евреевъ тогда, хотя и принимали, но неохотно. Въ первое время судебной реформы, нѣсколько евреевъ попали въ секретаріатъ сената, въ прокуратуру, а нѣкоторые и въ магистратуру, но почти всѣ или вышли въ присяжные повѣренные, или приняли православіе.

Родственникъ мой, В. И. Тейтель, познакомилъ меня съ членомъ Московской Судебной Палаты С.М. Гулькевичемъ и, при его содѣйствіи,я былъ зачисленъ въ кандидаты на судебныя должности при Московской Судебной Палатѣ. Когда Гулькевичъ былъ назначенъ прокуроромъ Казанской судебной палаты, я былъ туда переведенъ. Изъ Казани, въ маѣ 1876 г., я откомандированъ былъ въ Пермскую губ. Евреевъ по судебному вѣдомству въ большомъ Казанскомъ Округѣ, въ составъ котораго вошли восемь обширныхъ губерній, на службѣ было всего двое: Дилонъ, впослѣдствіи членъ Казанскаго окружнаго суда, да еще исполняющій должность судебнаго слѣдователя въ городѣ Красноуфимскѣ, Пермск. губ., Илья Яковлевичъ Троцкій. Такъ какъ въ Пермскомъ Округѣ только что были введены новыя судебныя учрежденія, то для ликвидаціи дѣлъ старыхъ судовъ къ слѣдователямъ прикомандировывались въ помощь кандидаты на судебныя должности. Я какъ разъ попалъ къ Троцкому.

И. Я. Троцкій, невысокаго роста, плотный, добродушный, добросовѣстный труженникъ, былъ крайне религіозенъ и набоженъ.

По предписанію окружнаго суда, мы съ Троцкимъ раздѣлили слѣдственный участокъ. Мнѣ отвели нѣсколько волостей съ правомъ самостоятельно производить слѣдствіе. Поселился я сначала на Суксунскомъ заводѣ, а затѣмъ въ большомъ селѣ «Ключи», на Сибирскомъ трактѣ, по которому слѣдовали всѣ приговоренные къ ссылкѣ въ Сибирь. Гостепріимство жителей Пермской губ., ихъ религіозная терпимость совершенно исключительны.

Съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное среди этого хорошаго, здороваго населенія. Изъ Пермскаго Округа я назначенъ былъ и. д. судебнаго слѣдователя въ Самарскій Округъ. Въ то время министерство юстиціи не утверждало судебныхъ слѣдователей въ должности; оно не желало имѣть несмѣняемыхъ, независимыхъ слѣдователей, и мы всѣ считались причисленными къ министерству юстиціи и командированными къ исправленію должности судебныхъ слѣдователей. Я назначенъ былъ въ село Старый-Буянъ, Самарскаго уѣзда, куда я, только что женившись, пріѣхалъ съ женой въ декабрѣ 1877 г. За неимѣніемъ другого помѣщенія, мы сняли большой помѣщичій домъ въ 18 комнатъ со старинной обстановкой: вольтеровскія кресла, клавесины, часы Екатерининскихъ временъ. Этотъ домъ принадлежалъ извѣстному баснописцу Дмитріеву, бывшему министру Александра I-го. Кабинетъ былъ украшенъ портретами царственныхъ особъ конца XVIII и начала XIX столѣтій, грамотами на имя Дмитріева. За помѣщеніе съ отопленіемъ платили 25 рублей въ мѣсяцъ. Эта сумма считалась очень большой въ то время и всѣ знакомые настаивали на томъ, что мы должны писать наслѣдникамъ Дмитріева въ Петербургъ съ просьбой умень-

шить плату. Домъ помѣщался въ большомъ саду съ выходомъ къ мосту черезъ рѣку. Какъ только доносился звукъ колокольчика, что означало приближеніе какого-нибудь проѣзжаго къ мосту, мы или сами выбѣгали, или посылали прислугу тащить проѣзжаго къ намъ. Эти проѣзжіе угощались чаемъ, обѣдомъ, а иногда оставались на день, на два гостить. Случайно въ Старомъ-Буянѣ оказалась довольно интересная компанія: судившіеся по извѣстному процессу 193-хъ, земскій врачъ И. И. Гауэнштейнъ, молодой и интеллигентный социалъ - демократъ, находившійся въ перепискѣ съ вождемъ социалъ - демократіи въ Германіи, Бебелемъ, фельдшеръ Юнеевъ со своей женой. Эти лица имѣли большое вліяніе на маленькій кружокъ интеллигенціи. Къ нимъ примкнули учитель съ учительницей, дочери священника и самъ священникъ Полурясскинскій, необыкновенно симпатичный, толерантный человѣкъ.

Живя въ селѣ, мы часто наѣзжали въ Самару и въ 1881 г., когда меня перевели туда, я быстро сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ. Въ 1880 г., во время «диктатуры сердца» Лорисъ - Меликова, я былъ, въ числѣ трехъ отъ Самарскаго округа, утвержденъ въ должности судебнаго слѣдователя. Личныя хорошія отношенія мои съ судомъ, прокуратурой и товарищами, болѣе или менѣе независимое положеніе утвержденнаго судебнаго слѣдователя — давали мнѣ возможность все свое свободное время посвящать общественнымъ дѣламъ. Мы съ женой принимали участіе во всѣхъ просвѣтительно-культурныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ Самары. Особенно насъ занималъ вопросъ о помощи учащимся и дѣтямъ улицы.

Понятно, что, занимая мѣсто судебнаго слѣдователя въ большомъ городѣ, куда наѣхало много евреевъ, я не могъ не принимать самаго дѣятель-

наго участія въ судьбѣ послѣднихъ. Чтобы пользоваться жалкимъ правомъ дышать самарскимъ воздухомъ, евреи прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ. Иногда для этого привозили съ собой курьезныя ремесленныя свидѣтельства. Какъ-то разъ при мнѣ въ полицейское управленіе явилась еврейская семья, изможденные мужъ съ женой и трое худосочныхъ дѣтей, и предъявили свои ремесленныя свидѣтельства. Оказалось, что ремесленный староста мѣстечка Крынки, Гродненской губ., по ошибкѣ, выдалъ мужу свидѣтельство на званіе «бѣлошвейки», а маленькой, худой его женѣ, находившейся «въ положеніи», на званіе «кровельщика». Въ то время полиція могла провѣрять евреевъ-ремесленниковъ. Секретарь полиціи, считавшій себя очень остроумнымъ, распорядился поселить этого «кровельщика» на крышу сосѣдняго дома, — произвести починку. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось освободить эту семью отъ пытки.

Самара въ началѣ 70-хъ годовъ изъ небольшого уѣзднаго города стала превращаться въ довольно значительный торгово - промышленный центръ. Изъ всѣхъ городовъ Поволжья, она заняла, если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ. Удобно расположенная на берегу Волги, Самара, съ постройкой Самара - Оренбургской, а впослѣдствіи Самара - Златоустовской ж. д., сдѣлалась транзитнымъ пунктомъ, соединявшимъ Россію съ Сибирью и съ Средней Азіей. По быстрому росту, Самару стали звать американскимъ городомъ.

Нигдѣ не было столько милліонеровъ, какъ въ Самарѣ. Шихобаловы и др. извѣстны были всей Россіи. Эти милліонеры были очень типичны. Шихобаловъ, къ которому перешли всѣ имѣнія разорившихся помѣщиковъ, владѣлъ чуть ли не пятьюстами тысячъ десятинъ земли. У него была масса хуторовъ, управлявшихся приказчиками. Платилъ

онъ послѣднимъ мизерное жалованіе, но они безсовѣстно его обкрадывали. Приказчики, ожидая его пріѣзда, готовили ему обѣдъ изъ тухлаго мяса, доказывая этимъ свою бережливость, что очень Шихобалову нравилось. Въ то же время, эти приказчики на краденные деньги скупали участки у башкиръ и, черезъ нѣсколько лѣтъ службы у Шихобалова, сами дѣлались крупными землевладѣльцами. Занималъ этотъ богобоязненный Шихобаловъ роскошную квартиру, чуть ли не въ 20 комнатъ, причемъ самъ помѣщался въ темной комнаткѣ, выходившей во дворъ, а жена его, молодая красавица, на которой онъ женился послѣ смерти своей первой жены, уже старикомъ, спала въ комнатѣ при входѣ въ переднюю. Парадныя комнаты сохранялись для торжественныхъ случаевъ и губернаторскихъ посѣщеній.

Наплыву евреевъ въ Самару благопріятствовало проведеніе Самарско - Оренбургской ж. д. Строилась она евреями: Варшавскимъ, Горвицемъ. Они же, въ теченіе многихъ лѣтъ, были ея хозяевами. Главныя мѣста на дорогѣ занимали евреи: начальникъ тракціи или подвижнаго состава Л. Л. Зелихманъ, начальникъ матеріальной службы, главный бухгалтеръ Айзенштатъ. Много второстепенныхъ должностей тоже были заняты евреями. Къ нимъ пріѣзжали изъ еврейск. черты осѣдлости родственники, знакомые и, такимъ образомъ, образовалась довольно порядочная еврейская колонія. Евреи оживили этотъ край. Первый пивоваренный заводъ, макадонная фабрика, сахарный заводъ—построены были евреями. Экспортъ пшеницы изъ богатой Самарской губ. за-границу, взяли на себя евреи. Интересно, что вывозъ яицъ изъ Россіи въ Западную Европу впервые сталъ практиковаться самарскими евреями. Всѣмъ этимъ занимались «мнимые» ремесленники, на которыхъ, въ благодарность за

пользу, оказанную ими краю, часто составлялись протоколы о выселеніи ихъ, за неимѣніемъ правожительства.

Губернаторы г. Самары, по отношенію къ евреямъ, были очень корректны: Бильбасовъ, Свербеевъ, Брянчаниновъ и полицмейстеръ Праведниковъ, уволенный изъ Петербургскаго университета за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ 1863 г. — всѣ они снисходительно относились къ мнимымъ ремесленникамъ, но, не будучи сильны въ законахъ, боялись «Юсовъ» съ ихъ толкованіемъ сенатскихъ рѣшеній. Надо было такъ дѣйствовать, чтобы полиція не входила съ рапортомъ по еврейскимъ дѣламъ въ губернское правленіе, такъ какъ, если таковой рапортъ попадалъ туда, то никто, даже губернаторъ, не могъ помочь бѣдѣ и высылка еврея была рѣшена. Въ такихъ случаяхъ приходилось обжаловать постановленіе губернскаго правленія въ сенатъ.

У меня завязалась живая корреспонденція по этимъ дѣламъ, часто телеграфная, съ людьми, о которыхъ я съ удовольствіемъ вспоминаю. Пришлось мнѣ сноситься съ покойнымъ Германомъ Исааковичемъ Трахтенбергомъ, бывшимъ оберъ-секретаремъ сената. По внѣшнему виду, онъ былъ настоящимъ сановникомъ. Высокаго роста, бритый, съ бакенбардами, въ очкахъ, съ высокимъ лбомъ и умными, добрыми глазами, онъ очаровывалъ всѣхъ, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Ко всѣмъ онъ относился благожелательно. Въ сенатѣ онъ пользовался большимъ уваженіемъ. Помощникомъ у него былъ Генрихъ Борисовичъ Сліозбергъ. Въ кабинетѣ нынѣ покойнаго Трахтенберга Г. Б. пріобщался къ еврейскимъ дѣламъ. Въ лицѣ Трахтенберга онъ имѣлъ опытнаго, гуманнаго руководителя.

Но особенно живая переписка завязалась у ме-

ня съ нынѣ здравствующимъ Г. Б. Сліозбергомъ. Когда я жилъ въ Саратовѣ, я обращался также къ Л. М. Айзенбергу, который весьма сердечно относился къ моимъ ходатайствамъ за безправныхъ евреевъ.

Я могъ принимать дѣятельное участіе въ оказаніи помощи евреямъ, потому что, какъ я сказалъ, у меня были хорошія отношенія какъ съ судомъ, такъ и съ прокуратурой, въ особенности съ предсѣдателемъ суда, Владимиромъ Ивановичемъ Анненковымъ, который при мнѣ предсѣдательствовалъ въ Самарѣ въ теченіе 18 лѣтъ. Сынъ декабриста, Ивана Александровича Анненкова, Владимиръ Ивановичъ былъ незаурядный человѣкъ. Когда отецъ его, извѣстный красавецъ, былъ сосланъ по дѣлу декабристовъ на каторгу, невѣста Ивана Александровича, Полина Гебель, дочь французскаго полковника испанской службы при Наполеонѣ I, съ особаго разрѣшенія Николая I-го, послѣдовала за своимъ женихомъ Анненковымъ. Николай I-й, пораженный гордостью и красотой Полины Гебель, ея юной пылкой любовью къ своему жениху, далъ ей на дорогу 3 тысячи рублей. Прибывъ, послѣ долгихъ мученій и мытарствъ въ Нерчинскъ, она въ церкви повѣнчалась съ Анненковымъ, причемъ на время вѣнчанія, съ Ивана Александровича были сняты кандалы. Спустя нѣсколько лѣтъ, командированный въ Сибирь для ревизіи гамошнихъ учрежденій, Муравьевъ отыскалъ хижину, гдѣ жила Полина Анненкова (Прасковья Егоровна) и сказалъ, что Николай приказалъ отыскать ее и передать «привѣтъ той, которая не сомнѣвалась въ его сердцѣ». Отбывъ двѣнадцатилѣтнюю каторжную работу, Иванъ Александровичъ поселился съ семьей въ Тобольскѣ. Сыновья его, въ томъ числѣ Владимиръ Ивановичъ, поступили въ мѣстную гимназію, директоромъ которой былъ извѣстный ав-

торъ сказки «Конекъ - Горбунокъ» Ершовъ. По окончаніи гимназіи, Владимиръ Ивановичъ хотѣлъ поступить въ университетъ. На прошеніи, поданномъ на Высочайшее Имя о разрѣшеніи, Николай I собственноручно написалъ: «Сыну государственнаго преступника Анненкову довольствоваться гимназическимъ образованіемъ, разрѣшивъ поступить ему въ лейбъ-гвардію съ званіемъ унтеръ-офицера и съ правомъ выслуги».

Владимиръ Ивановичъ въ гвардію не поступилъ, а началъ служить при тобольскомъ губернаторѣ, — извѣстномъ впослѣдствіи своей гуманной и просвѣтительной дѣятельностью — Викторѣ Антоновичѣ Арцымовичѣ. Въ 1856 г. при Александрѣ II-омъ, Иванъ Александровичъ съ семьей переѣхалъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ до конца жизни былъ предводителемъ дворянства и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Одинъ разъ Владимиръ Ивановичъ чуть снова не поплатился. Проѣздомъ черезъ Нижній Новгородъ у него былъ, кажется, симбирскій губернскій предводитель дворянства. Восторженно разсказывая, какъ его обласкалъ на аудіенціи Александръ II-ой, онъ сказалъ:

— Царь крѣпко жалъ мнѣ руку, — на что Иванъ Александровичъ замѣтилъ:

— Да, Романовы крѣпко жмутъ.

Объ этомъ было донесено, началась переписка, но все кончилось благополучно.

Владимиръ Ивановичъ въ Нижнемъ Новгородѣ получилъ мѣсто судебнаго слѣдователя, а затѣмъ прокурора и предсѣдателя Харьковскаго суда, откуда переведенъ былъ, съ тѣмъ же званіемъ, въ Самарскій окружной судъ, гдѣ, какъ я сказалъ, онъ пробылъ около 18 лѣтъ. Не получивъ высшаго образованія, Владимиръ Ивановичъ восполнялъ его

серьезнымъ чтеніемъ и любознательностью. Его предсѣдательское резюмэ производило сильное впечатлѣніе, въ особенности на сѣрый составъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствуя по нѣкоторымъ дѣламъ, въ особенности по бытовымъ, напримѣръ, по дѣламъ объ убійствѣ забитыми женами своихъ мужей, снохами свекровъ или свекровей, онъ художественно обнажалъ передъ присяжными засѣдателями душу этихъ невольныхъ преступниковъ и, забывая роль предсѣдателя, вступалъ въ бесѣды съ подсудимыми, выясняя условія, подъ вліяніемъ которыхъ совершены эти преступленія. Помню, какъ одинъ разъ судился бродяга, бѣжавшій изъ Сибири. Владиміръ Ивановичъ, забывая, что онъ предсѣдательствуетъ, будучи большимъ знатокомъ Сибири, вступилъ съ подсудимымъ въ пререканія, доказывая послѣднему, что, если бы онъ бѣжалъ по другой дорогѣ, ему удобнѣе было бы выбраться изъ Сибири. Подсудимый, тоже забывъ свою роль, оспаривалъ, доказывая, что его путь былъ самый правильный. И наконецъ, уступивъ Владиміру Ивановичу, сказалъ:

— Ваше Превосходительство, мнѣ еще много придется бѣгать въ жизни, я воспользуюсь вашими указаніями.

Онъ былъ ходячей исторіей царствованія Павла I, Александра I и Николая I, котораго зналъ какъ по разсказамъ декабристовъ, съ которыми въ Сибири онъ лично былъ знакомъ, такъ и по своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Въ кабинетѣ Анненкова лежалъ громадныхъ размѣровъ альбомъ, съ портретами и автографами почти всѣхъ декабристовъ, а на стѣнѣ висѣли кандалы, снятые съ его отца, по отбытіи послѣднимъ каторжныхъ работъ.

Съ Владиміромъ Ивановичемъ мы были очень дружны и не было дня, когда бы его мощная фигура не появлялась въ нашей квартирѣ.

Въ особенности любилъ онъ бывать на нашихъ вечерахъ - «ассамблеяхъ». Нашъ домъ въ Самарѣ былъ чуть ли не единственнымъ открытымъ домомъ, гдѣ запросто бывали люди всевозможныхъ направленій. Самара была тогда еще мѣстомъ ссылки для политическихъ. Въ Самарѣ часто задерживались политическіе ссыльные, возвращавшіеся изъ Сибири по отбытіи ими наказанія; задерживались они на предметъ провѣрки ихъ благонадежности. Въ Самарѣ же сталъ выходить единственный въ провинціи соціалъ - демократическій органъ «Самарскій Вѣстникъ», подъ редакторствомъ А. К. Клафтона, кристаллически-честнаго человѣка и публициста. Всю жизнь онъ боролся за свободу, былъ въ ссылкѣ и въ концѣ концовъ, къ великому огорченію всѣхъ знающихъ его былъ въ 1920 г. разстрѣлянъ въ Омскѣ какъ «контръ-революціонеръ». Въ этомъ вѣстникѣ также участвовалъ извѣстный экономистъ с.-д. П. П. Масловъ, покойный Циммерманъ (Гвоздевъ) и др. Выходила еще вторая газета съ соціалъ - революціоннымъ оттѣнкомъ, въ которой сотрудничали Дробышевскій, Ешинъ. Чешихинъ, Чириковъ, Ашешовъ, Горькій, Скиталецъ и мѣстный общественный дѣятель А. А. Смирновъ, написавшій нѣсколько очерковъ (о Горькомъ, Чеховѣ и Леонидѣ Андреевѣ) подъ псевдонимомъ «Треплевъ». Всѣ они часто бывали у насъ.

Бывалъ и П. П. Румянцевъ, впослѣдствіи редакторъ журнала «Вѣстникъ Жизни» въ Петербургѣ, бывали Елизаровъ и Шлихтеръ, впослѣдствіи народные коммиссары Совѣтскаго правительства.

В. И. Ульяновъ (Ленинъ) бывалъ у насъ въ концѣ 90-хъ г., когда мать его, вдова съ дѣтьми, переѣхала изъ Симбирска въ Самару. Онъ былъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, нынѣ покойнаго извѣстнаго земскаго дѣятеля, человѣка кристаллической чистоты, А. Н. Хардина. Ленинъ, тогда

совсѣмъ еще юный, не вмѣшивался въ разговоры, человѣкъ замкнутый, онъ любилъ прислушиваться къ спорамъ. Объединяющимъ центромъ на этихъ вечерахъ былъ сначала Владимиръ Ивановичъ Анненковъ, а затѣмъ, гораздо позднѣе, Николай Георгіевичъ Михайловскій-Гаринъ, авторъ трилогіи «Дѣтство Темы», «Гимназисты» и «Студенты».

О личности Н. Г. не берусь писать, его характеристику дали такіе художники слова, какъ Купринъ, Станюковичъ и др. Вес было въ немъ обоятельно: внѣшняя красота гармонировала съ внутренней. Большой любитель природы и дѣтей, онъ художественно описывалъ и природу, и дѣтскую душу. Во всемъ у него былъ широкій размахъ и какъ метеоръ пролетѣлъ онъ надъ землей. Не любить его нельзя было. Талантливый инженеръ - изыскатель, онъ работалъ также вмѣстѣ съ незауряднымъ московскимъ милліонеромъ, меценатомъ литературы и искусства, строителемъ жел. дор. С. И. Мамонтовымъ, который очень любилъ его. Зарабатывалъ онъ чуть ли не сотни тысячъ, но легко ихъ тратилъ; давалъ онъ литераторамъ, политическимъ дѣятелямъ на изданіе газетъ, журналовъ, устройство театровъ. Всю жизнь Михайловскій проводилъ или на пароходахъ, или на жел. дор. и оттуда посылалъ телеграммы въ тыясчу и больше словъ въ редакціи журналовъ «Міръ Божій», «Русское Богатство», прося вносить исправленія въ его статьи. Онъ былъ большой фантазеръ, въ особенности въ сельскомъ хозяйствѣ. Его имѣніе «Гундуровка» въ Самарской губ. поглощало всѣ его доходы. Онъ влѣзалъ въ долги и былъ каждый годъ увѣренъ, что урожай обогатитъ не только сосѣднихъ крестьянъ, но чуть ли не всю Россію. Откапывалъ онъ геніальныхъ, по его мнѣнію, управляющихъ, лѣсоводовъ, выписывалъ изъ за границы разныя сѣмена и вообще хотѣлъ вести сельское хо-

зяйство на новыхъ западно - европейскихъ началахъ. Засѣялъ 40 десятинъ макомъ, любовался какъ онъ цвѣтетъ, но собрать не умѣлъ.

Всю землю свою онъ засѣивалъ чечевицей и экспортировалъ ее въ Кенигсбергъ, но ни онъ самъ, ни его «геніальные» сотрудники не были практическими дѣятелями, а посредники, транспортировавшіе его чечевицу, дававшіе ему деньги подъ большіе проценты взаймы, пользовались его ошибками, эксплоатировали его и, въ концѣ концовъ, имѣніе его продано было съ молотка. Всѣмъ этимъ Н. Г. не огорчался. Онъ умѣлъ подчинять себѣ самыхъ черствыхъ ростовщиковъ. Придетъ, бывало, къ нему кредиторъ съ мыслью чуть ли не задушить его, но стоило только Н. Г. заговорить, начать рисовать дальнѣйшіе свои планы и суровый кредиторъ смягчался и уходилъ умиленный этой бесѣдой. Онъ такъ сильно вѣрилъ въ свои фантастическіе планы, такъ художественно рисовалъ ихъ, что самые умные дѣльцы, большіе практики стали ему вѣрить. Проѣздомъ въ свое имѣніе, Н. Г. часто останавливался въ Самарѣ и по недѣлямъ жилъ у меня. Человѣкъ кипучаго темперамента, онъ заставлялъ кипѣть и все вокругъ себя.

Конечно, онъ былъ большой сердцеѣдъ, и во многихъ его разсказахъ, въ описаніяхъ любовныхъ похожденій, легко узнать самого автора. Фигурируетъ онъ также въ романѣ Станюковича «Черноморская сирена».

На нашихъ вечерахъ бывали наиболѣе интересные представители прокуратуры и суда.

Среди постоянныхъ нашихъ посѣтителей былъ Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ; онъ недавно умеръ, достигнувъ 82-лѣтняго возраста. Это былъ большой другъ Л. Н. Толстого. Многіе говорили, что не Толстой повліялъ на него, а онъ имѣлъ большое вліяніе на міровоззрѣніе Толстого. Богатый по-

мѣщикъ, мировой посредникъ перваго призыва, онъ по Каракозовскому дѣлу былъ сосланъ въ Вологодскую губ., гдѣ были въ то время ссыльными: Шелгуновъ, Лавровъ-Миртовъ и др. Еще до освобожденія крестьянъ, онъ далъ волю крѣпостнымъ, отдавъ имъ, къ ужасу всѣхъ дворянъ, всю свою землю. Вернувшись изъ ссылки, онъ женился на простой крестьянкѣ, сѣлъ на свою землю въ Самарской губ., рядомъ съ хуторомъ Л. Н. Толстого.

Онъ самъ обрабатывалъ землю; хлѣбъ они на продажу возили въ Самару. Главнымъ помощникомъ его былъ извѣстный эмигрантъ Алексѣевъ. На своемъ хуторѣ Бибиковъ устроилъ лѣчебный курортъ, исключительно для представителей третьяго элемента и простого народа. Трудовое начало проводилось имъ и на курортѣ. Пріѣзжіе, если только они не были больными, сами себѣ ставили шалаши, къ чужому труду не прибѣгая. Платилъ кто и сколько хотѣлъ, трапеза была общая. Бибиковъ, его жена, а впослѣдствіи и дѣти, по очереди, какъ и остальные обитатели курорта, подавали кушанье на столъ; нерѣдко всѣ собирались у шалаша, гдѣ жилъ киргизъ, приготовлявшій кумысъ, и начиналось круговое питье кумыса, причемъ каждый долженъ былъ чокаться съ Бибиковымъ. Часто Алексѣй Алексѣевичъ снабжалъ лѣчившихся деньгами, платьемъ и т. д. Преимущественно на курортъ пріѣзжали учителя земскихъ школъ, фельдшера, фельдшерицы, учащіеся.

На нашихъ вечерахъ или,какъ ихъ въ шутку называли, «ассамблеяхъ», бывало отъ 150 - 200 человѣкъ; устраивались они очень часто по всякому поводу. Такъ какъ квартира была небольшая, то кровати и гостинная мебель выносились, не щадили зимой даже горшковъ съ цвѣтами, а изъ сосѣднихъ домовъ приносились столы и стулья. Двери въ кор-

ридорѣ часто не затворялись, такъ какъ вездѣ стоялъ народъ.

На этихъ вечерахъ происходили интересные споры по разнымъ политическимъ и литературнымъ вопросамъ. Нѣкоторые изъ гостей были ярыми спорщиками: Чириковъ, Смирновъ, Ашешовъ, Вакаръ, Чешихинъ, Масловъ; а нѣкоторые любили слушать, въ числѣ послѣднихъ былъ Горькій. Горькій любилъ вставлять мѣткое словечко, чисто народное, и одной фразой какъ бы резюмировалъ весь споръ. Каждый вечеръ былъ свой «гвоздь»: то пріѣздъ извѣстнаго изслѣдователя раскола А.С. Пругавина, то визитъ описаннаго Пругавинымъ въ «Русской Мысли» за 1882 г. подъ заглавіемъ «Апостолъ Зосима Шировъ», интереснаго сектанта Широва, и такъ какъ составъ интеллигенціи въ Самарѣ часто мѣнялся и политическіе ссыльные, возвращаясь изъ Сибири, останавливались въ Самарѣ, то поводовъ для вечеровъ было достаточно.

Особенно интересовались пріѣздомъ извѣстнаго путешественника Потанина, праздновавшаго недавно свой 80-лѣтній юбилей и одно время стоявшаго во главѣ Сибирскаго Правительства. Потанинъ пріѣзжалъ со своей женой въ Самару разъ въ 2-3 года. Жена его была сестрой мѣстнаго протоіерея Лаврскаго, незауряднаго священника, высоко-образованнаго, товарища И. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевскаго. Потанинъ былъ небольшого роста, все лицо обросло волосами, изъ подъ которыхъ виднѣлись лишь большіе умные глаза. Говорилъ онъ медленно и когда разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по Китаю и на Гималайскій хребетъ, уносился въ особый міръ и не зимѣчалъ окружающаго. Онъ не любилъ споровъ и только изрѣдка вставлялъ въ нихъ свое слово.

Нѣсколько вечеровъ было посвящено застрявшему въ Самарѣ испанскому путешественнику

Донъ-Хименесу, читавшему докладъ въ Петербургскомъ Географическомъ Обществѣ. Донъ - Хименесъ, по приглашенію строителя Закаспійской жел. дор. и генералъ-губернатора, отправлялся къ нему, но застрялъ въ Самарѣ.

О нашей жизни въ Самарѣ писалъ Н. Г. Михайловскій - Гаринъ въсвоихъ очеркахъ «Въ суто-локѣ провинціальной жизни», помѣщавшихся въ журналѣ «Міръ Божій» за 1900 г. и затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи, въ 9-мъ томѣ его сочиненій.

ГЛАВА ВТОРАЯ

27 лѣтъ я былъ уѣзднымъ слѣдователемъ, изъ нихъ четыре года жилъ въ селѣ Старомъ Буянѣ, Самарскаго уѣзда, а 23 года въ Самарѣ. Въ мой слѣдственный участокъ входила лишь часть города, остальная территорія простиралась отъ Самары внизъ по Волгѣ, ниже города Сызрани, а по жел. дор. до ст. Батраки, въ 16 верстахъ отъ того же города; такъ что въ своей дѣятельности я сталкивался почти исключительно съ крестьянскимъ населеніемъ. Нерѣдко я временно завѣдывалъ городскими участками и одно время исполнялъ обязанности судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ. Окружной судъ неоднократно избиралъ меня въ члены своей коллегіи, но всѣ представленія отклонялись Министерствомъ юстиціи, которое не находило возможности меня, какъ еврея, назначить въ члены суда.

Кажется, въ 1889 г., послѣ повторнаго, энергичнаго представленія меня судомъ, предсѣдатель суда Анненковъ получилъ отъ министра юстиціи Манасеина, съ которымъ онъ лично былъ знакомъ, запросъ: считаетъ ли онъ, Анненковъ, возможнымъ настаивать на моемъ назначеніи въ то время, какъ въ министерствѣ юстиціи имѣются свѣдѣнія, что, благодаря моему вліянію на администрацію, въ Самарѣ проживаетъ больше 300-тъ еврейскихъ семействъ, не имѣющихъ правожительства, и что въ

моемъ домѣ происходятъ сборища неблагонадежныхъ элементовъ? Предсѣдатель суда далъ достойный отвѣтъ, подробно описавъ мою дѣятельность, какъ служебную, такъ и общественную; въ доказательство моего судейскаго безпристрастія, онъ указалъ на нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ были замѣшаны евреи. Но назначеніе мое все таки не состоялось. Спустя нѣкоторое время, я былъ въ Министерствѣ юстиціи и тамъ, по просьбѣ одного знакомаго, наводилъ какія то справки. Директоромъ департамента былъ въ то время всесильный А. А. Каземъ-Бекъ; онъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и, между прочимъ, сказалъ, что онъ, какъ казанскій помѣщикъ, знакомъ съ дворянами и земскими дѣятелями сосѣдней Самарской губерніи и что онъ отъ нихъ слышалъ много хорошаго обо мнѣ, что онъ объ этомъ неоднократно докладывалъ министру Манасеину, при чемъ, по словамъ Каземъ-Бека, если бы Манасеинъ улучилъ добрую минуту расположенія государя, онъ, будтобы, ею воспользовался бы, чтобы провести меня, какъ еврея, въ члены суда. Манасеинъ тѣмъ болѣе сдѣлалъ бы это, что онъ цѣнитъ и уважаетъ предсѣдателя суда Анненкова. Въ бесѣдѣ Каземъ-Бекъ, между прочимъ, сказалъ, что вслѣдствіе неоднократныхъ представленій меня судомъ и палатой, Манасеинъ поручилъ ему предложить мнѣ принять православіе.

Я ему отвѣтилъ:

—Передайте министру: мое еврейство я не продамъ.

Самарскій окружной судъ при другихъ предсѣдателяхъ и министрахъ продолжалъ представлять меня въ члены суда, но вплоть до 1904 года все было безуспѣшно.

Какъ я сказалъ выше, въ теченіе 27 лѣтъ, хотя я сталкивался какъ съ городскимъ, такъ въ особен-

ности съ крестьянскимъ и помѣщичьимъ элементами, конфликтовъ изъ-за моего вѣроисповѣданія почти не было. Между тѣмъ, всѣ знали, что я не только числюсь евреемъ, но и принимаю дѣятельное участіе во всѣхъ еврейскихъ общественныхъ дѣлахъ. Если возникали какія-нибудь тренія, то въ самой Самарѣ, а не въ уѣздѣ. Съ крестьянствомъ у меня были самыя простыя, хорошія отношенія.

О моемъ еврейскомъ происхожденіи мнѣ напоминали при производствѣ слѣдствія очень рѣдко. Я хочу упомянуть о нѣкоторыхъ случаяхъ. Когда я еще былъ судебнымъ слѣдователемъ въ селѣ Старомъ-Буянѣ, какъ-то разъ, вернувшись изъ поѣздки по участку домой, я узналъ, что въ волостномъ правленіи подъ арестомъ содержится неизвѣстнаго званія человѣкъ, высокаго роста, атлетическаго тѣлосложенія, называющій себя бродягой. Говорили, что онъ бѣглый каторжникъ. Волостное начальство съ нетерпѣніемъ ждало моего пріѣзда. Я немедленно послалъ за арестованнымъ. Нѣсколько полицейскихъ десятскихъ, казавшихся пигмеями въ сравненіи съ арестованнымъ, привели этого «каторжника». Послѣдній свысока и иронически смотрѣлъ на свою стражу. Удаливъ этихъ караульныхъ, я сталъ допрашивать неизвѣстнаго. На всѣ мои вопросы онъ уклончиво отвѣчалъ и все говорилъ «не наше». Наблюдая, какъ я составляю протоколъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы все изъ бѣлаго дѣлаете черное, а не то чтобы черное, котораго такъ много, сдѣлать бѣлымъ; вѣдь вы еврей, а ваши предки — апостолы, они то всю черноту изводить хотѣли, чтобы все было бѣло и чисто.

Сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ моя жена, Екатерина Владимировна, слышала его отвѣты «не наше» и вообще его разговоръ. Она вызвала меня и гооврить, что въ послѣдней книжкѣ «Отечествен-

ныхъ Записокъ» имѣются свѣдѣнія о новой сектѣ, появившейся въ Сибири, подъ названіемъ «Ненашенцевъ». Послѣдователи этой секты ничего общаго не хотятъ имѣть съ существующимъ строемъ и все говорятъ «это не наше». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было описано столкновеніе генералъ-губернатора Синельникова съ однимъ изъ «Ненашенцевъ». Синельниковъ, посѣщая Иркутскую тюрьму, на всѣ вопросы, предложенные имъ одному арестанту, получалъ отвѣтъ «не наше», причемъ упорный арестантъ не снялъ шапки передъ Синельниковымъ, за что и былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Мы съ Екатериной Владимировной взяли этого «ненашенца» въ столовую и стали съ нимъ душевно говорить. Екатерина Владимировна прочла ему выдержку изъ статьи «Отечественныхъ Записокъ». «Суровый каторжникъ» смягчился, заплакалъ и сказалъ, что онъ крестьянинъ села Кандабулака, Самарскаго уѣзда, что за постоянную оппозицію, по отношенію къ волостному начальству, и къ міроѣдамъ, его, по приговору общества, сослали въ Сибирь, что въ Кандабулакѣ осталась его старушка мать и бѣжалъ онъ изъ Сибири, именуя себя бродягой, чтобы только взглянуть на свою старушку.

— Я только взгляну на нее, да опять отдамся въ руки, какъ это у васъ называется, «закона». Эхъ, вамъ бы и вашей барынѣ слѣдовало бы къ намъ, «ненашенцамъ».

Я его отправилъ, съ возможными удобствами для арестованнаго, въ село Кандабулаки, предписавъ предъявить его мѣстнымъ жителямъ, а также матери, а затѣмъ его немедленно прислать обратно. Частнымъ образомъ я писалъ земскому врачу Колпину, весьма симпатичному человѣку, съ просьбой устроить такъ, чтобы мать арестованнаго могла бы вмѣстѣ съ нимъ переѣхать ко мнѣ. Черезъ нѣсколь-

ко дней они пріѣхали, пробыли дня два, затѣмъ я далъ возможность матери уѣхать въ Кандабулаки, а сына отправилъ въ Самару.

Въ Самарѣ въ то время временно находился незадолго до этого гостившій у насъ въ селѣ, извѣстный изслѣдователь раскола, нашъ другъ Александръ Степановичъ Пругавинъ. Я ему написалъ объ этомъ интересномъ сектантѣ. А. С. видѣлся съ нимъ въ Самарѣ, ходилъ къ губернатору, много содѣйствовалъ облегченію участи, удобному возвращенію его въ Сибирь, при лестныхъ отзывахъ высшей администраціи.

Въ концѣ октября (дѣло было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ), въ Самарѣ застряло нѣсколько сибиряковъ, возвращавшихся съ Нижегородской ярмарки. Я временно завѣдывалъ тогда городскимъ слѣдственнымъ участкомъ. Ночью за мною пріѣхалъ полицейскій приставъ и доложилъ, что обнаруженъ амбаръ съ массой краденнаго товара: мануфактурнаго, бакалейнаго, галантерейнаго, что раскрыта шайка лицъ, совершавшихъ кражи изъ магазиновъ и скрывавшихъ краденное въ этомъ амбарѣ и что у амбара находятся: губернаторъ, прокуроръ, вся полиція и требуется мое немедленное присутствіе.

Я поѣхалъ и засталъ слѣдующую картину: въ амбарѣ, наполненномъ разными товарами, находились крупные мѣстные купцы, владѣльцы магазиновъ и ихъ главные приказчики. Полиція предъявляла послѣднимъ найденные товары для опредѣленія, изъ какихъ магазиновъ и какіе товары украдены. Въ сторонѣ стояли члены «шайки», молодые приказчики мѣстныхъ магазиновъ и нѣсколько чужихъ, въ томъ числѣ два молодыхъ еврея. Среди купцовъ былъ владѣлецъ самаго крупнаго бакалейнаго магазина А. И. Егоровъ, женитьба котораго на дочери мѣстнаго богача должна была скоро со-

стояться. Я приступилъ къ составленію протокола. Е., имѣвшій претензію на краснорѣчіе, обратился къ губернатору со словами:

— Ваше Превосходительство, спасайте Самару отъ жидовъ, вѣдь во главѣ шайки воровъ, обкрадывавшей насъ, стоятъ евреи; они, конечно, много краденнаго сбывали своимъ единовѣрцамъ, которыхъ такъ много наѣхало сюда; мы просимъ Ваше Превосходительство войти въ положеніе русскаго народа, вѣдь это развратъ.

Я продолжалъ составлять протоколъ, а на другой день утромъ приступилъ къ слѣдствію. Оказалось: застрявшіе въ Самарѣ сибиряки, среди которыхъ было два еврея, недостигшіе 21-лѣтняго возраста, вошли въ сдѣлку съ нѣкоторыми приказчиками самыхъ крупныхъ магазиновъ и устроили такую комбинацію: въ магазинъ является одинъ изъ этой компаніи, замаскированный сельскимъ лавочникомъ, проситъ отпустить ему 20 ф. мыла и столько же, допустимъ, крахмала, а приказчикъ, тоже членъ этой компаніи, отпускаетъ вмѣсто мыла чаю или другого цѣннаго товара; вмѣсто холста, приказчикъ отпускалъ сукна, драпа, бархата, шелка и т. д. Все это свозилось въ снятый амбаръ, а затѣмъ изъ этого амбара сибиряки, тоже замаскированные, продавали его самарскимъ же купцамъ, заявляя, что этотъ товаръ остался у нихъ послѣ Нижегородской ярмарки и что, застрявши въ Самарѣ, они продаютъ его за полъ цѣны. Жадные покупатели, конечно, догадывались, что товаръ должно быть краденный, но, прельстившись дешевизной, покупали. Вся компанія состояла изъ молодыхъ людей, всѣ они, сознавшись, принесли сами деньги, вырученныя отъ продажи краденнаго. Сами обвиняемые помогли мнѣ раскрыть все это дѣло, причемъ выяснилось, что самый Е., такъ возмущавшійся «жидами», купилъ у этихъ сибиряковъ два ящика чая,

украденнаго и его конкуррента. Я объяснилъ обвиняемымъ - евреямъ, что они должны сказать мнѣ правду, такъ какъ неосновательное привлеченіе Е. будетъ зачтено мнѣ, какъ месть еврея, оскорбленнаго отзывами послѣдняго о «жидахъ».

На второй день, на вторичномъ допросѣ, обвиняемые подтвердили, что лично продали Е. два ящика чая С., что на боковой сторонѣ ящиковъ имѣется клеймо Санина и что при нихъ ящики изъ подъ чая, по приказанію Е., были вынесены во дворъ магазина, гдѣ, по всей вѣроятности, они и теперь находятся. Это подтвердили и русскіе обвиняемые. Не давъ знать полиціи, такъ какъ я зналъ, что почти все чиновничество — должники Е., а будущій тесть послѣдняго — крупный хлѣботорговецъ Угловъ, — вліятельный гласный и играетъ крупную роль въ Самарѣ, я прибылъ въ магазинъ Е. и только оттуда послалъ за полиціей и понятыми. Туда же привели всѣхъ обвиняемыхъ. До прибытія всей этой публики, я въ магазинѣ допрашивалъ Е. и его главнаго приказчика: не покупали ли они случайно чего-нибудь у какихъ-нибудь пріѣзжихъ? Этотъ допросъ не могъ смущать Е., такъ какъ всѣ купцы были по этому поводу спрошены. Не предвидя возможности производства у него обыска, тѣмъ болѣе, что дворъ былъ занесенъ снѣгомъ, онъ гордо и возмущенно отвѣчалъ, что онъ, Е., у случайныхъ людей не покупаетъ, а имѣетъ дѣло съ крупными, серьезными фирмами. Показаніе Е. было запротоколировано и имъ же подписано. Когда явилась полиція и понятые, приступили къ обыску. Долго разрывали снѣгъ на дворѣ, вытаскивали разный хламъ, ящики не обнаруживались. Мое положеніе было незавидное. Я боялся, не обманули ли меня обвиняемые. Перспектива была довольно непріятная. Е., понятые и нѣкоторые полицейскіе иронически улыбались; обвиняемые, какъ евреи,

такъ и двое русскихъ приказчиковъ, усердно продолжали искать и въ концѣ концовъ два ящика съ клеймомъ С. были обнаружены. Краденый товаръ обнаруженъ былъ также у другого мѣстнаго купца Ф. Оба они были привлечены мной къ отвѣтственности въ самомъ мягкомъ предступленіи — въ покупкѣ завѣдомо краденнаго, хотя имъ можно было предъявить обвиненіе болѣе строгое, какъ къ соучастникамъ «шайки».

Свадьба Е. была отложена и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло слушалось въ Самарскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Приглашены были лучшіе мѣстные адвокаты. Послѣдніе много и краснорѣчиво говорили; значительную часть присяжныхъ засѣдателей составляли мѣстные купцы. Е. и Ф. были оправданы, остальные подсудимые, хотя и признаны были виновными, но такъ какъ они чистосердечно сознались, и никто изъ нихъ не достигъ 21-лѣтняго возраста, то они приговорены были къ самому легкому наказанію. Противъ Е и Ф. я принялъ самую мягкую мѣру пресеченія, — подписку о неотлучкѣ, вмѣсто позорнаго полицейскаго надзора. Я не стѣснялъ ихъ, Е. часто получалъ у меня разрѣшенія на поѣздки въ Москву, Казань, Петербургъ, по своимъ торговымъ дѣламъ. По окончаніи суда надъ нимъ, Е. женился, построилъ громадный домъ, былъ избранъ соборнымъ старостой, сдѣлалъ какое-то крупное пожертвованіе и въ торжественныхъ случаяхъ облачался въ мундиръ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Это дѣло, хотя и создало мнѣ многихъ недоброжелателей, но временно. Впослѣдствіи все изгладилось.

***

Обращено было вниманіе на мое еврейское происхожденіе и по слѣдующему дѣлу: въ Самарскомъ уѣздѣ становымъ приставомъ былъ нѣкій К.,

женатый на сестрѣ совѣтника губернскаго правленія князя К. Имѣя такое родство, онъ не только халатно относился къ своимъ обязанностямъ, третировалъ населеніе, какъ большинство полицейскихъ того времени, но проявлялъ особенную жестокость. Въ маѣ 1879 г. я получаю сообщеніе Каменскаго волостного правленія, что въ селѣ Каменкѣ, гдѣ временно помѣщалась становая квартира К., въ мѣстномъ арестномъ домѣ, умеръ крестьянинъ Николаевъ, арестованный за буйство. Меня удивило, что о такомъ происшествіи, не заключавшемъ въ себѣ признаковъ преступленія, мнѣ сообщаютъ. Заподозривъ что-то неладное, я въ 5 час. утра поѣхалъ въ Каменку, расположенную всего въ 20-ти верстахъ отъ села Стараго-Буяна, гдѣ я жилъ. Велѣвъ ямщику завязать колокольчикъ у дуги, я подъѣхалъ прямо къ арестному дому и засталъ такую картину: полы и стѣны оказались только что вымытыми, изъ стѣнъ выдергивали крюкъ, на которомъ висѣла цѣпь. Старикъ сторожъ, трясясь, почти со слезами на глазахъ, разсказывалъ, что накунѣ на базарѣ мѣстный крестьянинъ, портной, выпивши, распѣвалъ пѣсни недалеко отъ становой квартиры. Приставъ съ семьей на балконѣ въ это время чайничали. Пѣніе не понравилось становому и онъ велѣлъ портного Николаева арестовать. Будучи выпивши, Николаевъ сопротивлялся. Сотскій и десятскій набросились на него, стали его избѣвать и, по приказанію К., отвели его въ арестное помѣщеніе. Тамъ приковали его къ стѣнѣ. Жена портного приходила хлопотать за мужа, но приставъ велѣлъ и ее посадить въ сосѣднюю съ мужемъ комнату. Избитый, прикованный къ стѣнѣ, Николаевъ всю ночь мучился, умолялъ дать ему напиться. Жена все это слышала, но ничего не могла сдѣлать; стучала въ дверь, кричала, плакала, на помощь никто не приходилъ. Сторожъ докладывалъ становому о кри-

кахъ арестованныхъ, но тотъ не обратилъ внимания на это заявленіе. Любопытно, что въ то время у К. былъ его старшій сынъ, студентъ 5-го курса Казанскаго медицинскаго факультета, который зналъ о страданіяхъ арестованныхъ, но не считалъ нужнымъ прійти имъ на помощь. Къ утру арестованный умеръ. Не подозрѣвая, что волостное правленіе собщитъ мнѣ объ этомъ происшествіи, становой приставъ, узнавъ объ этомъ лишь поздно вечеромъ, распорядился немедленно уничтожить всѣ подозрительные слѣды, смыть всѣ кровяныя пятна, выдернуть крюкъ съ цѣпью. Когда я внезапно пріѣхалъ, приставъ и его семья наслаждались пріятнымъ сномъ. Разбудили его, когда я уже успѣлъ произвести осмотръ арестнаго помѣщенія, допросить нѣкоторыхъ свидѣтелей и жену умершаго. Днемъ ко мнѣ на квартиру явились допрошенные мною утромъ въ арестномъ помѣщеніи свидѣтели, полицейскіе, сотскіе и стали говорить, что утромъ они дали невѣрныя показанія, а что въ дѣйствительности умершій портной былъ молъ арестованъ не по приказанію станового, а по ихъ собственному усмотрѣнію. Однако, они сознались, что явились ко мнѣ съ такимъ объясненіемъ подъ вліяніемъ угрозъ станового. По судебно - медицинскому вскрытію установлено было, что Николаеву нанесены тяжкіе побои съ переломами костей и онъ умеръ отъ потери крови.

Прокуроромъ Окружнаго суда въ Самарѣ былъ тогда Владимиръ Романовичъ Завадскій, талантливый, энергичный человѣкъ, боровшійся съ полицейскимъ произволомъ и злоупотребленіями.

Высшая администрація его недолюбливала; съ большимъ трудомъ и только благодаря его энергіи, ему удалось добиться отъ губернатора удаленія пристава К. отъ должности и преданія его суду. Предварительное слѣдствіе было произведено

мною. К. судился и былъ приговоренъ къ 8-ми мѣс. тюремному заключенію съ ограниченіемъ правъ.

Это дѣло, которое, какъ говорили тогда въ сферахъ, «создано евреемъ», доставляло мнѣ много непріятностей, въ особенности, всякій разъ, когда мнѣ приходилось хлопотать за безправныхъ евреевъ въ томъ же губернскомъ правленіи. Не имѣя возможности лично мнѣ вредить, администрація мстила несчастнымъ евреямъ.

Недовльныя исходомъ дѣла К., чиновничество и дворянство стали распространять вздорные слухи о томъ, что я съ женой стоимъ во главѣ какой-то политической партіи и что безправные евреи скрываются у меня въ селѣ Старомъ-Буянѣ. Но энергичный прокуроръ Завадскій, котораго администрація побаивалась, не давалъ возможности лично мнѣ вредить и на всѣ доносы, посыпавшіеся на меня, энергично отписывался. Впослѣдствіи, время все сгладило.

Въ концѣ 90-хъ г.г. изъ-за меня чуть не разыгрались еврейскія безпорядки въ Самарѣ. Завѣдывалъ я тогда временно городскимъ участкомъ. Незадолго до Троицына дня, изъ Троицкаго собора, на Троицкомъ базарѣ, совершена была кража со взломомъ. Я производилъ внутренній осмотръ собора. Наканунѣ праздника узнаю, что купечество заволновалась: еврей былъ въ соборѣ, въ святая святыхъ, а между тѣмъ предстоитъ храмовой праздникъ и вотъ духовенство и купечество, оскорбленные, будто бы, въ своемъ религіозномъ чувствѣ, начали волноваться. Протоіерей съ соборнымъ старостой поѣхали къ архіерею преосвященному Гурію. Онъ, хотя и былъ ставленникъ Побѣдоносцева, столпъ реакціи и ревнивый исполнитель указа объ отобраніи у сектантовъ дѣтей, трезво вяглянулъ на дѣло и сказалъ, что хотя храмъ, дѣйствительно, оскверненъ присутствіемъ иновѣр-

ца, но что освящать не слѣдуетъ, такъ какъ этотъ актъ можетъ породить массу слуховъ, возбудить чернь и дать поводъ къ погрому. Архіерей пригласилъ къ себѣ предсѣдателя суда Трандофилова и прокурора Смирнова, состоялось совѣщаніе, и рѣшено было прекратить всякіе разговоры объ освященіи храма. Я и нѣкоторые самарскіе евреи, знавшіе объ этомъ инцидентѣ, пережили непріятныя минуты.

***

Коснулись моего еврейскаго происхожденія и по слѣдующему дѣлу: въ селѣ Ершовка, Липовской волости, Самарскаго уѣзда, лѣтомъ пропалъ работникъ мѣстнаго зажиточнаго крестьянина Базыкина — Яковъ Кормяковъ; искали его вездѣ, — въ полѣ, въ лѣсу, въ сухихъ колодцахъ. Нигдѣ его не было. Стали говорить, что Кормяковъ убитъ своимъ хозяиномъ и гдѣ-нибудь имъ спрятанъ. Были довольно основательныя причины для такого предположенія. Какъ-то разъ передъ вечеромъ, когда пригоняли скотину съ поля, слышенъ былъ сильный крикъ Базыкина, неистово ругавшаго Кормякова за то, что одна изъ лошадей отстала отъ табуна, и одинъ изъ проходившихъ видѣлъ, какъ Базыкинъ на задахъ двора набрасывался на Кормякова. Спустя двѣ недѣли, въ полѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Липовки, на помѣщичьей землѣ, въ сухомъ колодцѣ найдено было сильно разложившееся тѣло, въ которомъ братья признали Якова Кормякова. Въ колодцѣ была солома нѣсколькихъ сортовъ: овсянная, пшеничная, ржаная. То, что тѣло обнаружено случайно мальчиками пастухами, а между тѣмъ раньше, когда старики и полиція тамъ искали, — тѣла не было найдено, дало основаніе заключить, что Кормяковъ, убитый Базыкинымъ, былъ гдѣ-нибудь спрятанъ, а затѣмъ свезенъ въ этотъ колодецъ. Полиція приступила къ дознанію и

всѣ предположенія какъ будто оправдались: на заднемъ дворѣ Базыкина, подъ навѣсомъ у стѣны оказалась засыпанной яма въ ростъ человѣка, въ этой ямѣ были слѣды тѣхъ же трехъ сортовъ соломы, что и въ сухомъ колодцѣ; въ чуланѣ найдена шапка, повидимому со слѣдами крови. Я приступилъ къ слѣдствію. Базыкинъ произвелъ на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Спрошенные мню жители села давали самые неутѣшительные отзывы о Базыкинѣ. Характера онъ былъ крутого, вспыльчиваго, дурно обращался съ работниками. Дядя и одинъ изъ его братьевъ за дурное поведеніе сосланы были по приговорамъ общества въ Сибирь. «Туда и ему дорога!» — говорили жители про него. Такъ какъ время было жаркое, трупъ успѣлъ также сильно разложиться, то вмѣсто приглашенія изъ Самары уѣзднаго врача, я пригласилъ временно исполнявшаго обязанности земскаго врача В. Д. Орлова, впослѣдствіи профессора Кіевскаго университета по гигіенѣ. Кормяковъ былъ признанъ своими братьями по осбой примѣтѣ: у него кисть была выворочена наружу, что оказалось и у трупа. Врачъ Орловъ пришелъ къ заключенію, что, хотя, вслѣдствіе сильнаго разложенія, трудно узнать личность убитаго, но, по имѣющемуся разрѣзу въ полости живота, можно полагать, что разрѣзъ могъ быть произведенъ найденной у Базыкина шашкой, которую, однако, надлежитъ послать во врачебное отдѣленіе, для изслѣдованія имѣющихся на ней пятенъ. Базыкинъ о ямѣ и шашкѣ далъ такое объясненіе: яма вырыта для храненія лѣтомъ провизіи, шашка давно валяется въ чуланѣ, чуть не десять лѣтъ, привезена она кѣмъ-то изъ родственниковъ-солдатъ. На Кормякова хотя онъ, Базыкинъ, кричалъ, но не былъ «въ сердцахъ»; куда дѣлся Яшка, не знаетъ. Онъ самъ участвовалъ въ поискахъ послѣдняго, но не былъ въ той группѣ, которая иска-

ла въ полѣ и въ сухихъ колодцахъ, онъ искалъ въ лѣсу.

Цѣлую недѣлю я возился съ этимъ дѣломъ. Съ одной стороны, всѣ улики какъ будто были на лицо, а съ другой чувствовалось невиновность Базыкина. Разрѣзъ полости живота, покрытая ржавчиной шашка — тоже внушали сомнѣніе. Я распорядился перевести Базыкина въ село Липовку, гдѣ я рѣшилъ остаться до окончательнаго выясненія дѣла. Оправдалась поговорка «Богъ устами младенцевъ глаголетъ». На въѣзжей въ Липовкѣ дежурилъ вмѣсто отца, помню, сотскаго Соврова, его 14-тилѣтній шустрый мальчуганъ — Ванюша. Базыкинъ содержался при волостномъ правленіи недалеко отъ въѣзжей. Вечерами я посылалъ узнавать, что дѣлаетъ Базыкинъ, и получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Стоитъ на колѣняхъ и молится Богу.

Какъ то разъ, передъ вечеромъ, на дворѣ лилъ дождь словно изъ ведра, я, лежа на кровати, сталъ бесѣдовать съ Ванюшей:

— Что, — я говорю, — по твоему, Базыкинъ убилъ Яшу Кормякова?

— Не знаю, — говоритъ, — баринъ.

— Ну, — говорю, — сходи въ послѣдній разъ, посмотри, что дѣлаетъ Базыкинъ.

Онъ вернулся.

— Все, — говоритъ, — молится, — а затѣмъ: «Ну и грязь, утопленника и то въ пору закопать куда-нибудь.

— А что тогда будетъ? — спрашиваю я.

— Вѣстимо, — отвѣчаетъ, — на чьей землѣ зарытъ утопленникъ, тамъ и засуха и неурожай. Спроси у попа.

Нервы у меня были такъ напряжены, что этотъ ничтожный разговоръ навелъ меня на мысль о томъ, что тѣло можетъ быть не Кормякова, а какого-ни-

будь самоубійцы, и, такъ какъ къ обвиненію Базыкина больше данныхъ нельзя было добыть, я рѣшилъ избрать другой путь. Немедленно послалъ я за волостнымъ старшиной и писаремъ и поручилъ доставить свѣдѣнія, какіе несчастные случаи смерти или самоубійства были въ этой волости. Такіе же требованія были съ нарочнымъ посланы мною въ сосѣднее волостное правленіе. Не довѣряя волостному начальству, я самъ отправился въ мѣстное волостное правленіе, пересмотрѣлъ всѣ книги и нашелъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, недалеко отъ этого села, къ берегу рѣки приплыло мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка; тѣло это было вскрыто уѣзднымъ врачемъ и предано землѣ въ деревнѣ, врестахъ въ 20-ти отъ Липовки. Несмотря на дождь и темноту, я велѣлъ подать лошадей и поѣхалъ въ эту деревню, взявъ съ собою волостное начальство, а также и Базыкина. Подъѣхали къ сельскому старостѣ. Онъ вышелъ къ намъ и на вопросъ гдѣ похороненъ покойникъ - утопленникъ, онъ сказалъ, что на кладбищѣ у ограды, что могилу рыли такіе-то и такіе-то крестьяне, что при немъ, сельскомъ старостѣ, а также полицейскомъ сотскомъ, рывшіе могилу похоронили покойника. Послано было за могильщикомъ, за полицейскимъ сотскимъ и, всѣ мы отправились на кладбище. По указанію могильщиковъ и властей, разрыли могилу. Тѣла не оказалось. Я велѣлъ продолжать рыть. Картина была жуткая: темная ночь, льетъ дождь, крестьяне съ фонарями, а Базыкинъ стоитъ на колѣняхъ и молится Богу. Могильщики перестали рыть, говоря, что дальше нельзя, идетъ уже грунтъ; я сталъ спрашивать, гдѣ же покойникъ. А могильщики, стоя въ могилѣ, говорятъ:

— Гдѣ же ему, чай, быть, здѣсь, не убѣгъ же.

— Ну, — говорю, — если здѣсь, ройте, можетъ найдется.

Тогда я объявилъ, что ѣду въ Липовку и велѣлъ старостѣ и могильщикамъ пріѣхать ко мнѣ завтра утромъ. Усталый я вернулся на въѣзжую и легъ спать. Когда я на слѣдующій день проснулся, мнѣ сказали, что пришли «старики», т. е. крестьяне той деревни, гдѣ я ночью былъ. Одѣвшись, я вышелъ въ сѣни. Солнышко свѣтило, дверь изъ сѣней во дворъ была раскрыта, въ сѣняхъ былъ съ десятокъ бородатыхъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ держалъ бумагу на головѣ. Увидавъ меня, они стали кланяться и сказали, что утопленника нѣтъ въ землѣ. Оказалось, что уѣздный врачъ довольно поверхностно произвелъ вскрытіе утопленника, приплывшаго къ берегу, сдѣлалъ небольшой надрѣзъ въ брюшной полости, ушелъ и велѣлъ фельдшеру зашить животъ, а сельскому начальству поручилъ похоронить покойника; а фельдшеръ, извѣстный горькій пьяница, выпивъ водку, принесенную для мытья рукъ, не зашилъ живота. Тѣло утопленника похоронили на кладбищѣ, а на другой день ночью, дабы избавить деревню «отъ глада и мора, отъ неурожая и засухи», вынули тѣло и свезли въ степь, въ сухой колодецъ, на землю купца Шихобалова, считая, что лучше пусть будетъ неурожай на землѣ Шихобалова, чѣмъ на крестьянской. Что касается розысковъ, сдѣланныхъ по поводу пропажи Кормякова, то, хотя, дѣйствительно, искавшіе были у колодца, гдѣ впослѣдствіи найдено тѣло утопленника, но хорошенько внутрь не смотрѣли. Относительно соломы выяснилось, что когда вскрывали для подстилки принесли съ поля солому, съ разныхъ мѣстъ и оказалась солома разныхъ сортовъ. Возвращаясь домой изъ Липовки (Базыкина я, конечно, еще наканунѣ освободилъ) и проѣзжая черезъ село, гдѣ жилъ Базыкинъ, я былъ ошеломленъ картиной: почти по всей улицѣ у воротъ стояли

крестьяне съ иконами. Ко мнѣ подошли нѣкоторые, стали кланяться и говорятъ:

— Спасибо, что избавили насъ отъ грѣха, вѣдь чуть-чуть мы не загубили невинную душу.

Впослѣдствіи я узналъ, что крестьяне хотѣли отслужить въ церкви молебенъ за мое здравіе, но духовенство не считало возможнымъ молиться за еврея. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ получается письмо со ст. «Смышляевка», Самаро - Оренбургской жел. дор., верстахъ въ 200-хъ отъ села, гдѣ пропалъ Кормяковъ. Письмо было отъ Яшки Кормякова, въ которомъ онъ земно всѣмъ кланяется и спрашиваетъ: не серчаетъ ли на него хозяинъ Базыкинъ, что онъ, испугавшись его крика, убѣжалъ, боясь отвѣтственности за отставшую лошадь и почему онъ до сихъ поръ о себѣ знать не давалъ; а теперь, если «старики» найдутъ возможнымъ, — онъ вернется домой. Хотя дѣло было уже прекращено Окружнымъ судомъ, но переписка съ письмомъ Кормякова мною была отослана въ судъ и пріобщена къ покоившемуся въ архивѣ дѣлу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чуть-чуть не разыгрался конфликтъ изъ-за моего іудейства по слѣдующему дѣлу, послужившему писателю Михайловскому - Гарину матеріаломъ для его пьесы: «Деревенская драма».

Въ селѣ Купинѣ, Екатерининской волости, Самарскаго уѣзда, въ 1896 г. ремонтировалась церковь и возводилась новая ограда; работу приняли на себя крестьяне Ярославской губ. Николаевъ и племянникъ его Кузьма. Николаевъ былъ высокаго роста, съ окладистой бородой, лѣтъ подъ 50, здоровый, довольно красивый, говорилъ медленно, съ достоинствомъ, отчеканивая каждое слово. Племянникъ его Кузьма, лѣтъ 25 - 30, — не такой представительный, но тоже здоровый и веселаго нрава. Поселились они въ домѣ караульщика Иванова; у послѣдняго была жена Татьяна, лѣтъ подъ 40, здоровая, довольно миловидная, словоохотливая и веселая. Иванову было лѣтъ подъ 60, Татьяна была его вторая жена. На дворѣ Иванова, съ выходомъ на задній дворъ, была мазанка - глиняная избушка, въ которой жилъ Степанъ, племянникъ Иванова съ молодой женой своей, Марфой. Степанъ, лѣтъ 28-29, болѣзненный, хилый, постоянно страдалъ какими-то нарывами, жилъ въ бѣдности; его Марфуша, лѣтъ около 25-ти, довольно изящная, молчаливая, грустная, вѣчно о чемъ-то думала. Лишившись еще въ дѣтствѣ родителей, она жила въ домѣ своихъ

родственниковъ, которые ею помыкали и, не имѣя приданнаго, да и крестьянскаго здоровья, она не противилась замужеству съ этимъ хилымъ, больнымъ Степаномъ и тянула свою горькую лямку, находясь подъ полнымъ вліяніемъ разбитной Татьяны.

Поселившіеся плотники довольно удобно устроились; старшій сошелся съ теткой Татьяной, а племянникъ съ Марфой. Ивановъ замѣтилъ эту связь, пожаловался обществу, плотниковъ выселили изъ его дома, но они скоро снова вернулись къ нему; Ивановъ снова жаловался, плотники поселились въ другомъ домѣ, но недалеко отъ него. Казалось, что все уладилось, тѣмъ болѣе, что умная Татьяна умѣла разговорами успокоить своего мужа. На караулъ Ивановъ отправлялся, обычно, часовъ въ 10-11 вечера. Предъ зарей, кажется 20 августа, Татьяна прибѣгаетъ къ брату своего мужа и говоритъ, что сердце у нее болитъ, что не случилось ли что-нибудь съ ея мужемъ, такъ какъ въ это время онъ обыкновенно всегда уже дома, а теперь его нѣтъ. Братъ сталъ ее успокаивать, говорить, что нѣтъ причины волноваться. Она отъ него ушла, но дорогой говорила всѣмъ, кого ни встрѣтитъ, что чувствуетъ, что случилось что-то недоброе съ ея мужемъ. Черезъ часъ послѣ этого разнесся слухъ, что у амбаровъ найденъ убитымъ караульщикъ Ивановъ. Амбары помѣщались на окраинѣ у выѣзда изъ села. Когда туда прибыла власть съ понятыми, то оказалось слѣдующее: недалеко отъ одного изъ амбаровъ лежалъ окровавленный мертвый Ивановъ, около него валялась жердь съ сосѣдней ограды, на жерди были кровяныя пятна; у одного изъ амбаровъ, недалеко отъ мѣста гдѣ лежалъ убитый, замокъ оказался сломаннымъ и отъ него шли слѣды просыпанной пшеницы.

Предположеніе было такое: воры хотѣли по-

хитить пшеницу, но, застигнутые караульщикомъ Ивановымъ, — убили его. Я прибылъ на мѣсто происшествія на слѣдующій день вмѣстѣ съ врачемъ. По судебно - медицинскому вскрытію выяснилось, что Ивановъ умеръ отъ пролома черепа, что ударъ нанесенъ былъ ему сзади, когда онъ убѣгалъ отъ убійцъ, что изъ амбара кража въ дѣйствительности совершена не была, а только для симуляціи кражи натеряно было немного пшеницы. Дѣло оказалось въ высшей степени загадочнымъ. Обращено было вниманіе на поведеніе Татьяны и плотниковъ. Экспансивная Татьяна послѣ допросовъ и очныхъ ставокъ, сидя противъ меня за столомъ, обратилась ко мнѣ:

— Ты, баринъ, думаешь, что Татьяна плохая, все вретъ. Я измучилась, опостыло мнѣ все, хочу свою душу выложить. Да, я знала, что этотъ чортъ, плотникъ Николаевъ, шелъ убивать моего мужа.

Стала она разсказывать обо всемъ очень подробно и все выяснилось. Планъ былъ такой: плотники должны убить Иванова, симулировать кражу и, такимъ образомъ, всѣ будутъ считать, что Ивановъ убитъ ворами. Когда все успокоится, они всѣ уѣдутъ въ далекіе края и по новому начнутъ семейно жить. Этотъ планъ тѣмъ болѣе казался заманчивымъ, что мужъ Марфы незадолго до этого умеръ отъ своей хронической болѣзни и она, ставши свободной, вмѣстѣ съ кузиной мужа и Кузьмой могла приосединиться къ компаніи. Давая подробныя показанія, Татьяна разсказала, что по выработанному ею сообща съ плотниками плану, когда мужъ ея пойдетъ на караулъ, она откроетъ окно и свистомъ дастъ знать плотникамъ, что мужъ ушелъ и, такъ какъ ночь была выбрана темная, то предполагалось, что плотники встрѣтятъ Иванова около амбаровъ, онъ ихъ не признаетъ, они сзади

ошеломятъ его ударомъ дубины, онъ упадетъ, они его добьютъ, затѣмъ симулируютъ кражу и когда все успокоится, — всѣ уѣдутъ изъ Кипина. По словамъ Татьяны, какъ разъ въ этотъ вечеръ мужъ заспался, не хотѣлось ему идти на караулъ; она его разбудила, заставила встать и говорила, что пора идти, что хозяева амбаровъ и такъ сердятся на него за его халатное отношеніе. Ивановъ лѣниво вставалъ, она помогла ему одѣваться, проводила его и, когда онъ скрылся изъ виду, она раскрыла окно и дала знать плотникамъ, что мужъ ея ушелъ. Она видѣла, какъ плотники пошли вслѣдъ за мужемъ. Марфа спала на полу и проснулась, когда она заставляла мужа идти на караулъ. Она, конечно, все знала, но она такая молчаливая и странная, что ее не разберешь. Далѣе, по ея словамъ, послѣ ухода мужа, сердце у нея затосковало, она стала бѣгать по комнатѣ, заговаривала съ Марфой, но та ко всему относилась равнодушно. Не находя себѣ покоя, она побѣжала къ брату мужа, голосила. На поддевкѣ плотника оказались кровавыя пятна, происхожденіе которыхъ онъ не могъ объяснить.

Ни онъ, ни племянникъ, ни Марфа ни въ чемъ не сознались. На очныхъ ставкахъ Николаевъ продолжалъ держать себя степенно и уличаемый Татьяной, презрительно на нее смотрѣлъ, называя ее болтушкой. Племянникъ Кузьма, не сознаваясь, давалъ очень сбивчивыя показанія, а Марфа лишь подтвердила картину выпроваживанія Татьяной своего мужа и больше ни въ чемъ не признавалась. Когда я предъявлялъ Татьянѣ слѣдственное производство, она облокотившись на столъ говоритъ мнѣ:

— Вотъ ты считаешь, что я, молъ, плохая, убійство сдѣлала, а Марфушка, молъ, хорошая, а не знаешь, что въ тихомъ омутѣ черти водятся.

Говорила, что Марфа отравляла своего мужа

мышьякомъ, а когда она и ея любовникъ видѣли, что онъ все не умираетъ, они его задушили, и тутъ же около покойника совершили плотскій грѣхъ. Степана-то похоронили, считали, что онъ отъ хворости умеръ.

Я былъ ошеломленъ этимъ сообщеніемъ. Спрашиваю Марфу, она, конечно, все отрицаетъ. Остался одинъ оговоръ. Я рискнулъ приступить къ слѣдствію. Экстренно вызвалъ врача и вырылъ Степана. Все село было противъ меня. Какъ это, человѣкъ умеръ по христіански, жилъ честно, а его тревожатъ, да еще безъ священника, да еще еврей! Мнѣ передавали, что мое еврейское происхожденіе особенно раздражало всѣхъ. Священника какъ разъ въ это время не было въ селѣ, я торопился вскрытіемъ, боясь, какъ бы вслѣдствіе разложенія не исчезли слѣды преступленія, тѣмъ болѣе такіе тонкіе, какъ слѣды удушенія. Судебно- медицинскимъ вскрытіемъ былъ установленъ переломъ хрящей гортани, обнаружены язвы желудка и врачъ призналъ, что Степана медленно отравляли и что онъ умеръ отъ удушенія. Внутренности Степана я послалъ въ Самарское врачебное отдѣленіе, гдѣ по изслѣдованію оказалось, что Степанъ отравленъ мышьякомъ. Слѣдствіе по второму дѣлу установило участіе всей компаніи, т. е. Татьяны, Марфы и плотниковъ въ этомъ преступленіи. Все дѣлалось по выработанному плану: хилаго Степана отравить, Иванова убить и затѣмъ, какъ выше сказано, зажить по новому. Покойный Степанъ все время хворалъ, какъ я сказалъ у него были нарывы, сыпь и въ тоже время онъ мучилъ Марфушу, требуя отъ нея исполненія супружескихъ обязанностей. Жизнь ея была невеселая. Познакомившись съ бойкимъ, здоровымъ Кузьмой, она ему вся отдалась. Хотя Марфа знала о планахъ поѣздки въ далекіе края, но безучастно къ нимъ относилась. Марфа на вопросы

мои въ отравленіи и удушеніи мужа созналась и показала: что Степанъ своими нарывами, хворостью и назойливыми требованіями опостылъ ей, но объ убійствѣ его она не помышляла, что эту мысль ей подала Татьяна, что по совѣту послѣдней она мужу въ кушаніе подсыпала мышьякъ, при чемъ указала даже лавку, гдѣ она купила мышьякъ будто бы для мора таракановъ, что мужъ, подозрѣвая ея связь съ Кузьмой, боялся брать отъ нея кушанія, но Татьяна уговаривала его и одинъ разъ принесла ему два куска сахара обсыпанныхъ мышьякомъ и дала ему чашку чая съ этимъ сахаромъ. Степанъ выпилъ и сталъ еще болѣе хирѣть; что хотя Степанъ умирать то умиралъ, но слишкомъ медленно, а между тѣмъ надо было спѣшить, работа по ремонту церкви кончалась, плотники должны были уѣхать изъ села. Иванова рѣшили убить, а съ Степаномъ что дѣлать? Надо покончить и съ нимъ. И вотъ, разсказываетъ Марфа, какъ-то разъ днемъ Степанъ себя плохо чувствовалъ, видно было, что онъ умираетъ. Она побѣжала внизъ за водой, на всякій случай, чтобы холодная вода была въ домѣ. Ее увидѣлъ Кузьма и кричитъ ей: «Марфуша, подь сюда!» Она отвѣтила: «Некогда, мужъ околѣваетъ». Кузьма подошелъ къ ней и вмѣстѣ вошли въ избу. Степанъ лежалъ на полу съ открытыми злобными глазами и, увидѣвъ вошедшихъ, онъ пробовалъ подняться. Боясь, что онъ не такъ скоро умретъ, и что медленное отравленіе можетъ обнаружиться, такъ какъ Степанъ, повидимому, убѣдился въ томъ, что его отравляютъ, она съ Кузьмой рѣшили покончить съ нимъ. Кузьма накинулся на больного, схватилъ его за горло и задушилъ; когда тотъ скончался, они тутъ же на полу около покойника имѣли плотскую связь, при этомъ Марфа приговаривала:

— Всю жизнь ты меня мучилъ, окаянный, гнилой ты этакой, хочу теперь жить!

Дѣло слушалось въ Самарскомъ окружномъ судѣ, всѣ были обвинены, кромѣ Марфы. Присяжные засѣдатели послѣ мнѣ говорили, что на нихъ повліяла вся жизнь Марфы, безвольный ея характеръ, несчастная ея судьба...

Съ этимъ дѣломъ я познакомилъ Н. Г. Гарина и оно, какъ я сказалъ, послужило матеріаломъ для его пьесы «Деревенская драма». Впослѣдствіи, какой-то критикъ высказалъ, что Н. Гаринъ сочинилъ всю эту исторію въ подражаніе «Власти Тьмы» Толстого. Гаринъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ маѣ или іюнѣ 1904 г. опровергъ это предположеніе, ссылаясь на меня, какъ на слѣдователя, производившаго слѣдствіе по дѣлу, послужившему ему матеріаломъ для его пьесы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Какъ я уже писалъ, меня интересовалъ вопросъ о положенiи дѣтей улицы. Этотъ вопросъ до сихъ поръ болѣе или менѣе удовлетворительно нигдѣ не разрѣшенъ. Имѣются исправительныя дѣтскiя колонiи, прiюты, но вездѣ берутъ на свое попеченiе дѣтей, проявившихъ въ чемъ нибудь порочность. На массу же безпрiютныхъ дѣтей, дѣтей улицы, создающихъ кадры алкоголиковъ и преступниковъ, общество и государство не обращало достаточнаго вниманiя. Случай поработать въ пользу дѣтей улицы скоро представился. Послѣ введенiя винной монополiи, торговля водкой перешла къ казнѣ, создались «царскiе кабаки», дававшiе правительству почти 2/3 всѣхъ государственныхъ доходовъ. Съ одной стороны, министерство финансовъ требовало отъ своихъ агентовъ, акцизныхъ чиновниковъ, стремиться къ извлеченiю какъ можно большихъ доходовъ отъ пьянства, награждая за эту дѣятельность чинами и орденами, а съ другой стороны, эти же чиновники должны были отвлекать народъ отъ пьянства, — устраивать народныя столовыя чайныя, библiотеки. Созданъ былъ цѣлый институтъ: «Попечительства о народной трезвости». Средства на борьбу съ пьянствомъ отпускало министерство финансовъ черезъ акцизныхъ чиновниковъ. Хотя во главѣ городскихъ попечительствъ стояли городскiе головы, но въ комитетѣ большин-

ство было изъ представителей министерства финансовъ и главныя средства давало это министерство. Понятно, что руководящую роль играли акцизные чиновники. Городскимъ головой въ 1902 г въ Самарѣ былъ мой добрый знакомый, бывшій членъ окружн. суда П. А. Араповъ. По его приглашенію, условившись съ нимъ о программѣ нашей дѣятельности, я былъ избранъ городской думой и получилъ званіе участковаго попечителя о народной трезвости. Долженъ сказать, что въ Самарѣ нѣкоторые акцизные дѣятели, какъ напр. покойный Котельниковъ, впослѣдствіи библіотекарь Государственной Думы, Н. Н. Гладышевъ, впослѣдствіи членъ той же Государственной Думы, чувствовали всю ложность совего положенія и искренно хотѣли работать въ ущербъ главной своей задачѣ — извлеченію доходовъ отъ пьянства; но ихъ усилія были безуспѣшны. Кончилось тѣмъ, что Котельниковъ переведенъ былъ въ наказаніе изъ крупнаго центра — Самары, въ глухой Оренбургъ, а затѣмъ онъ и Гладышевъ были уволены. Я пришелъ къ убѣжденію, что хотя и нужна борьба со взрослыми алкоголиками, но преимущественное вниманіе должно быть обращено на дѣтей, развращаемыхъ улицей. Съ предсѣдателемъ и нѣкоторыми членами комитета, мы подали записку, въ которой настаивали на открытіи сада для дѣтей улицы. Въ комитетѣ возникли споры, — одни были за наше предложеніе, другіе же признали существованіе такого сада не только безполезнымъ, но даже вреднымъ.

«Помилуйте, — говорили мнѣ, — вы будете собирать этихъ воришекъ, хулигановъ, забавлять ихъ, какія-то игры устраивать. Это тѣмъ болѣе недопустимо, что вмѣстѣ съ этими испорченными дѣтьми будутъ и честныя дѣти, которыя подъ ихъ вліяніемъ тоже развратятся».

Послѣ многократныхъ засѣданій, наше предложеніе было, однако, принято.

Это было въ первыхъ числахъ февраля. Необходимо было торопиться къ веснѣ открыть садъ. Главнымъ образомъ, конечно, нужно было позаботиться о средствахъ. Министерство финансовъ ихъ не давало. Городское самоуправленіе не могло дать, такъ какъ высшая администрація не утвердила бы такихъ расходовъ. Нужно было обратиться къ частной благотворительности. Въ данномъ случаѣ «Самарская Газета» оказала намъ большую услугу. Печатая отчеты о засѣданіяхъ комитета, она энергично защищала наше предпріятіе и все время, почти каждый день, въ томъ или другомъ отдѣлѣ, помѣщала замѣтки о предполагаемомъ къ открытію садѣ. По просьбѣ городского головы Арапова, владѣлецъ самаго крупнаго на Волгѣ пивовареннаго Жигулевскаго Завода, А. Ф. Вакано, отвелъ намъ для сада большую площадь на одной изъ окраинныхъ улицъ, недалеко отъ Молоканскаго сада, губернской земской больницы и тюрьмы. На счетъ сосѣдства съ послѣдней многіе острословили. Приверженцы сада говорили:

— Надо дѣтей посылать въ садъ, а не готовить для тюрьмы.

А противники говорили:

— Подъ вліяніемъ сада, дѣтямъ прямая дорога въ тюрьму; слава Богу, туда недалеко и казна будетъ меньше расходовать на отправку ихъ туда.

Какъ я сказалъ, на мою работу, на возню съ евреями, высшая администрація смотрѣла косо, но вредить мнѣ сильно не могла. Кромѣ мѣстныхъ вліятельныхъ судейскихъ, меня сильно поддерживалъ прокуроръ Саратовской Судебной Палаты Ф. Ф. Арнольдъ.

Большую услугу оказалъ мнѣ Ф. Ф. при опредѣленіи моего сына Александра въ московскій уни-

верситетъ. Это было въ концѣ 90-хъ г. г., когда министромъ народнаго просвѣщенія былъ Боголѣповъ. По существовавшимъ тогда правиламъ, сынъ мой, какъ окончившій Самарскую гимназію, могъ быть принятымъ, и то съ соблюденіемъ процентной нормы, лишь въ Казанскій университетъ. Мнѣ же хотѣлось опредѣлить его непремѣнно въ Московскій, въ тотъ самый, гдѣ я получилъ образованіе. Особенное тяготѣніе я питалъ къ Москвѣ еще и потому, что тамъ у меня было много знакомыхъ въ литературныхъ и художественныхъ кружкахъ. Какъ разъ въ то время, когда мой сынъ кончилъ гимназію, прибылъ въ Самару министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ. Арнольдъ, къ которому министръ особенно благоволилъ, взялся хлопотать передъ нимъ о принятіи мѣръ къ исполненію моего желанія. Муравьевъ любилъ помпу. Въ залѣ общихъ собраній суда, окруженный свитой, онъ принималъ просителей. Вѣчный чиновникъ особыхъ порученій при всѣхъ министрахъ юстиціи, Малама, пригласилъ меня къ Муравьеву. Послѣдній, выслушавъ мою просьбу, сказалъ, что слышалъ обо мнѣ, знаетъ мою дѣятельность и напишетъ Боголѣпову. Поблагодаривъ Муравьева, я просилъ его, чтобы принятіе моего сына внѣ правилъ не отразилось на процентномъ отношеніи учащихся евреевъ Московскаго округа. Муравьевъ обѣщалъ хлопотать о пріемѣ моего сына сверхъ нормы на юридическій факультетъ Московскаго университета, который онъ и кончилъ.

Чаша губернаторскаго терпѣнія, какъ я выше писалъ, переисполнилась когда моя жена, Екатерина Владимировна устроила «каплю молока» для бѣдныхъ дѣтей, преимущественно рабочихъ Самары. Случай избавиться отъ меня скоро представился. Самарскій окружной судъ вошелъ съ ходатайствомъ въ министерство юстиціи о предостав-

леніи моему сыну Александру свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ, т. е. на занятіе адвокатурой. Въ то время евреямъ выдавали такія свидѣтельства лишь съ разрѣшеніемъ министра юстиціи, который почти въ теченіи 20-ти лѣтъ не выдалъ ни одному еврею такого свидѣтельства. Въ началѣ декабря 1903 г., предсѣдатель Самарскаго окружнаго суда, А. В. Филипповъ, взявъ съ собою ходатайство окружнаго суда, повезъ его въ числѣ прочихъ бумагъ въ Петербургъ. Съ Филипповымъ поѣхалъ и я. На пріемѣ въ министерствѣ, когда очередь дошла до меня, министръ Муравьевъ въ сопровожденіи директора департамента Н. Н. Чаплина и двухъ секретарей, подошелъ ко мнѣ и обратившись къ Чаплину сказалъ, указывая на меня, что онъ Муравьевъ, хорошо знаетъ мою дѣятельность и такъ какъ въ Саратовскомъ окружномъ судѣ открывается новое отдѣленіе, то онъ желалъ бы меня видѣть тамъ членомъ суда. Относительно свидѣтельства моему сыну онъ ничего не сказалъ и я не говорилъ, и вотъ почему. Передъ пріемомъ у министра, Чаплинъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ, что при всемъ своемъ желаніи Муравьевъ, не выдавши за все время своего министерства, т. е. за 10 лѣтъ, ни одному еврею свидѣтельства, не можетъ сдѣлать даже для меня исключенія, тѣмъ болѣе, что Муравьевъ отклонилъ ходатайство всякихъ князей, и что, если я буду ходатайствовать лично, министръ долженъ отказать, хотя это будетъ ему непріятно.

Узнавъ, что министръ предполагаетъ назначить меня членомъ суда въ Саратовѣ, А. В. Филипповъ лично ходатайствовалъ передъ Муравьевымъ объ оставленіи меня въ Самарѣ, гдѣ предвидѣлась вакансія члена окружнаго суда, причемъ Филипповъ сказалъ, что избраніе меня окружнымъ судомъ вполнѣ обезпечено. Муравьевъ на назначеніе мое

въ Самарѣ не соглашался, сказавъ, что удобнѣе будетъ, если я уѣду оттуда.

7-го января 1904 г. я получилъ телеграмму отъ Чаплина о моемъ назначенiи членомъ суда въ Саратовѣ. Надо было подчиниться. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, начались проводы, рѣчи, наконецъ, послѣ 27-ми лѣтней жизни въ Самарѣ, мы ее оставили.

Разставаясь въ воспоминанiяхъ съ Самарой, мнѣ хотѣлось-бы упомянуть о нашихъ близкихъ друзьяхъ, о цѣломъ рядѣ интересныхъ лицъ, о кристаллически чистомъ покойномъ Алексѣѣ Ивановичѣ Самойловѣ, миломъ Константинѣ Павловичѣ Молгачевѣ, такъ трагически кончившемъ свою жизнь докторѣ С. О. Ярошевскомъ, докторѣ Капелянскомъ, докторѣ Крыловѣ, впослѣдствiи членѣ Государственной Думы, интересной Александрѣ Леонтьевнѣ Бостромъ (по первому мужу графиня Томская, урожденная Тургенева) — матери писателя графа Алексѣя Николаевича Толстого, да и о самомъ А. Н., который часто, будучи подросткомъ, гостилъ у насъ въ Самарѣ.

Самарскiй уѣздъ, въ особенности его сѣверная часть, крайне интересенъ въ этнографическомъ отношенiи; населенiе въ немъ самое пестрое, — русскiе, нѣмцы - лютеране, чуваши, мордва и татары. Еще былъ одинъ элементъ, однодворцы, такъ называемые «панки», т. е. потомки обѣднѣвшихъ дворянъ, которымъ правительство отвело землю въ Самарскомъ уѣздѣ. Эти панки сами обрабатывали землю, жили крестьянской жизнью и нѣкоторые изъ нихъ даже были неграмотны, но носили древнiя, родовитыя фамилiи: Шаховскiе, Черкасскiе, Трубецкiе, Ромодановскiе и т. д. Мужчины большею частью теряли свой дворянскiй обликъ, среди женщинъ же часто попадались лица, свидѣтельствовавшiя о расѣ и дворянскомъ происхожденiи.

«Панки» пользовались правомъ участія въ дворянскихъ выборахъ. Жаждавшіе пробраться въ предводители дворянства (напр., гр. Н. А. Толстой, отецъ нынѣшняго писателя А. Н.) ко дню дворянскихъ выборовъ посылали за ними лошадей, приводили ихъ въ Самару, наряжали въ взятые на прокатъ фраки, въ которыхъ они торжественно являлись въ дворянское собраніе, голосовали за кого велѣли, угощались; а потомъ, по окончаніи собранія, съ нихъ снимались фраки и ихъ отдавали обратно, отославъ «панковъ» домой. Они жили въ моемъ участкѣ. Я часто съ ними сталкивался, такъ какъ они пользовались еще одной, довольно печальной льготой. За малѣйшую кражу, мошенничество, хотя бы на сумму одного рубля, они имѣли честь судиться высокимъ судомъ присяжныхъ засѣдателей; и подвергались большимъ наказаніямъ, чѣмъ простые смертные, судившіеся въ волостномъ судѣ.

Какъ я сказалъ, Самарскій уѣздъ былъ очень пестръ въ этнографическомъ отношеніи, но такое же разнообразіе было и въ религіозной массѣ, много сектъ, начиная со старообрядцевъ и кончая хлыстовщиной. Были даже огнепоклонники среди чувашей. Послѣдніе оффиціально, по принужденію, считались православными, ихъ заставляли строить церкви, содержать духовенство; но искренно они поклонялись своимъ богамъ. Добродушный, крайне - темный, забитый народъ жилъ буквально въ темныхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ топили « по черному»: дымъ у нихъ не выходилъ изъ трубы, а прямо въ избу, отчего всѣ почти чуваши страдали глазами; они пуще всего боялись власти и кокардъ. Слово «чиновникъ» приводило ихъ въ трепетъ. Этому способствовало все старое чиновничество, полиція прежнихъ временъ. Засѣдатели судовъ неимовѣрно ихъ обирали.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ с. Кошки, Самарскаго уѣзда, то о бывшемъ самарскомъ исправникѣ разсказывали массу анекдотовъ и между прочимъ, одинъ дѣйствительно происшедшій фактъ. Проигравшись въ карты и нуждаясь сильно въ деньгахъ, онъ отправился въ большое чувашское село. Предварительно, онъ на двухъ лошадяхъ послалъ туда большой столбъ. Столбъ привезли ночью и свалили его на площади. Утромъ чуваши узнали объ этомъ столбѣ и о томъ, что исправникъ собирается къ нимъ. Стали гадать, для чего, молъ, этотъ столбъ? Одни говорили, что будутъ подвѣшивать неаккуратныхъ плательщиковъ податей, другіе, что будутъ произведены обыски, найдутъ боговъ и развѣсятъ ихъ на этомъ столбѣ.

Когда исправникъ пріѣхалъ, чуваши, собравъ порядочную сумму денегъ, поднесли ему этотъ подарокъ и онъ уѣхалъ. Оказалось, что въ этомъ селѣ долженъ былъ быть базаръ, и къ этому столбу имѣлось въ виду придѣлать вѣсы и мѣры. Интересная черта — желая мстить своимъ врагамъ, чуваши вѣшались у нихъ на воротахъ, считая, что этимъ они причиняютъ своимъ непріятелямъ самыя тяжкія страданія: начнется тасканіе по полиціи, по судамъ, а это медленное истязаніе, по ихъ мнѣнію, куда тяжелѣе смерти.

Начали они относиться съ довѣріемъ къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ еще задолго до моего пріѣзда. Они рады были, когда дѣло уходило отъ полиціи и поступало къ «слѣдующему» (такъ они называли судебнаго слѣдователя). Многолѣтнее знакомство мое съ чувашскимъ народомъ дало мнѣ возможность видѣть всѣ его хорошія черты и еще разъ я пришелъ къ заключенію, что нѣтъ плохихъ народовъ,что у каждаго народа есть хорошія и плохія качества, что все дурное не зависитъ отъ наро-

да, а прививается ему всей его исторіей и разными государственными институтами.

Противоположность чувашамъ составляли нѣмцы менониты. Переселенные при Екатеринѣ II они получили по большому надѣлу земли, обзавелись хорошимъ инвентаремъ, строили дома съ черепичными крышами и удобными конюшнями, причемъ послѣднія помѣщались подъ одной крышей съ домомъ. Держали они себя съ большимъ достинствомъ, власть признавали, но сама власть чувствовала, что съ менонитами нужно говорить по человѣчески. Колоніи менонитовъ: Александръ-Таль, Ниденъ-Таль и др. расположены были между Бормой съ мордовско-русскимъ населеніемъ и большимъ торговымъ селомъ Кошками съ русскимъ населеніемъ. Борма и Кошки поражали своей грязью, соломенными крышами; но какъ только начинаешь приближаться къ нѣмецкимъ колоніямъ, чувствуется, что ѣдешь въ какой-то другой міръ. Кончаются русскія селенія со своими мазанками или разваливающимися избами. Кончаются кое-какъ вспаханныя поля, начинаются сады, огороды, громадные дома и хорошо одѣтый и обутый народъ.

Присяги они на судахъ не принимали, а ограничивались подачей руки предсѣдателю и словами: «Покажу правду».

Замѣчательно, что, несмотря на почти столѣтнее пребываніе въ Россіи, они никакого вліянія на сосѣдей не имѣли, а между тѣмъ, по мысли Екатерины II-ой, они то должны были быть культуртрегерами этого края.

Работниками у нихъ были татары изъ сосѣднихъ селеній. Эти татары часто наводили конокрадовъ татаръ-же, и тѣ уводили у менонитовъ лучшихъ лошадей.Рядомъ съ хорошими чертами, у менонитовъ, какъ ярыхъ собственниковъ, была жесто-

кость. Иногда возникали дѣла о пыткахъ, учиненныхъ ими надъ заподозрѣнными въ кражѣ татарами. Интересная психологическая черта: будучи ярыми собственниками, — въ особенности, когда дѣло касалось кражи лошадей, — они свои принципы ставили выше всего. Помню характерный случай. У колониста Эро украли пять самыхъ лучшихъ его лошадей, чѣмъ нанесли страшный вредъ его хозяйству. Э. отъ кого-то узналъ, кто совершилъ эту кражу, но такъ какъ онъ далъ слово лицу, сообщившему ему эти свѣдѣнія, никому объ этомъ не разсказывать и не выдавать его, то онъ на всѣ мои вопросы отвѣчалъ, что ничего не можетъ сказать, такъ какъ далъ слово. Такъ онъ виновныхъ и не выдалъ, и дѣло за необнаруженіемъ виновныхъ было прекращено. Впослѣдствіи я узналъ, что татары, узнавшіе этихъ лошадей, пригнали ему двухъ измученныхъ, отощавшихъ, а остальныя, самыя лучшія, такъ и пропали.

А. С. Пругавинъ знакомился съ этими менонитами, и много бесѣдовалъ съ ними. Пріѣзжая въ какое-нибудь село, А. С. отыскивалъ сектантовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Какъ то разъ встрѣтилъ меня на улицѣ въ Самарѣ мѣстный общественный дѣятель, о которомъ я говорилъ выше, А. Н. Хардинъ, и говоритъ:

— Хотите познакомиться съ интереснымъ человѣкомъ, да и онъ этого хочетъ.

Я изъявилъ живѣйшее согласіе. На другой день ко мнѣ пришелъ Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ, нынѣ покойный, бывшій редакторъ журнала «Недѣля». Это былъ типъ русскаго интеллигента. Журналъ «Недѣля» за все время своего существованія, въ особенности въ 80-хъ годахъ,пользовался необыкновенной популярностью, преимущественно въ провинціи,среди «третьяго» элемента, — земскихъ врачей, учителей и вообще земскихъ дѣятелей.

Съ П. А. Гайдебуровымъ мы подружились и до конца его жизни мы поддерживали хорошія сердечныя отношенія. Пріѣзжая въ Петербургъ я неизмѣнно посѣщалъ редакціонные вечера «Недѣли», на Ивановской ул. Тамъ я имѣлъ возможность познакомиться съ массой литераторовъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю о знакомствѣ съ милой Ватсонъ, Ольгой Шапиръ.

На этихъ же вечерахъ я познакомился съ пріобрѣвшимъ впослѣдствіи извѣстность М. О. Меньшиковымъ, будущимъ столпомъ газеты «Новое Время», Это было въ 80, 84, 85-хъ годахъ. Меньши-

ковъ носилъ тогда форму мичмана,былъ большимъ поклонникомъ Л. Н. Толстого. Интересовался «мужикомъ». Съ литературныхъ вечеровъ Гайдебурова мы съ Меньшиковымъ вмѣстѣ возвращались, такъ какъ жили въ одномъ районѣ. Шли пѣшкомъ и всю дорогу бесѣдовали. Любилъ онъ разспрашивать о бытовыхъ крестьянскихъ дѣлахъ. О евреяхъ онъ отзывался очень корректно, ничего антисемитическаго въ его сужденіяхъ не было. Напротивъ, онъ интересовался дѣятельностью евреевъ въ Самарѣ и признавалъ пользу послѣднихъ въ торгово - промышленной области. Меньшиковъ любилъ больше слушать, чѣмъ говорить, а говорилъ онъ тихо, медленно и мягко. Мы разстались съ нимъ, когда онъ ушелъ послѣ смерти Гайдебурова изъ «Недѣли» къ Суворину въ «Новое Время». Сдѣлалъ онъ быстрый скачекъ вправо. Сталъ проводникомъ самыхъ человѣконенавистническихъ идей. Все еврейское, какъ хорошее, такъ и худое (впрочемъ хорошаго онъ, кажется, за евреями ничего не признавалъ) онъ безпощадно осуждалъ и, можно сказать, на его фельетонахъ воспиталось много специфическихъ общественныхъ дѣятелей.

Не видѣлся я съ нимъ въ теченіи чуть ли не 10 лѣтъ. Въ 1902 г., будучи въ Петербургѣ, я зашелъ къ А. Ф. Кони. При мнѣ пришелъ туда Меньшиковъ. Я еле-еле его узналъ. Вмѣсто мичманской тужурки на немъ былъ длинный довольно поношенный черный сюртукъ. Онъ облысѣлъ. А. Ф. хотѣлъ насъ познакомить, но мы оба сказали: «Мы знакомы». Обратившись къ Меньшикову, я сказалъ: «Какъ вы измѣнились, Мих. Осип.! Какая перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ редакціи «Недѣля»!

Я имѣлъ въ виду исключительно перемѣну его наружности. Меньшиковъ, должно быть, понялъ иначе, счелъ, что я намекаю на перемѣну его образа мыслей и на сотрудничество его въ «Но-

вомъ Времени». Онъ что-то пробормоталъ въ отвѣтъ и тутъ же удалился.

Отъ Кони мы вышли вмѣстѣ съ управлявшимъ короткое время министерствомъ путей сообщенія, человѣкомъ либеральнаго образа мыслей, Евреиновымъ. Дорогой Евреиновъ мнѣ говорилъ:

— Однако, вы очень сконфузили Меньшикова.

Редакціонные вечера «Недѣли» были весьма интересны. Постоянными посѣтителями этихъ вечеровъ были, между прочимъ: А. Ф. Кони, Петръ Исаичъ Вейнбергъ (переводчикъ Гейне, Шиллера и др.), Н. С. Таганцевъ, поэтъ Случевскій, артисты и др. Кони, Вейнбергъ и Случевскій перекидывались импровизированными юмористическими стихами.

Кстати, разъ я упомянулъ о столпѣ «Новаго Времени» Меньшиковѣ, то мнѣ хочется упомянуть о другомъ сотрудн. той же газеты, В. В. Розановѣ. Съ Розановымъ я познакомился у сестры Гарина - Михайловскаго, Слободинской. Николай Георгіевичъ Михайловскій - Гаринъ нарочно завелъ разговоръ о евреяхъ, желая вызвать, какъ онъ выразился впослѣдствіи, Розанова на поединокъ. Розановъ произвелъ на меня впечатлѣніе, какого я не ожидалъ. Ярый антисемитъ на столбцахъ «Новаго Времени», онъ тогда въ домѣ Слободинскихъ по еврейскому вопросу высказывалъ крайне корректные взгляды на историческую роль евреевъ въ настоящее время, а также и въ будущемъ. Ни малѣйшей злобы, никакой вражды по отношенію къ евреямъ не наблюдалось. Но чувствовалось какое-то философское, оригинальное міровоззрѣніе.

— Евреи — говорилъ онъ — дали христіанство, они еще много хорошаго дадутъ.

Держалъ онъ себя скромно, говорилъ просто и въ общемъ производилъ очень хорошее впечатлѣніе.

Отъ сотрудниковъ «Новаго Времени» мнѣ пріятно перейти къ двумъ другимъ литераторамъ: къ Г. И. Успенскому и Н. Н. Златовратскому. Ихъ имена теперь забываются, а для насъ это были символы чистой любви къ народу. Г. И. Успенскій жилъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ г. г. со своей семьей въ селѣ Скольковѣ, Богдановской волости, Самарскаго уѣзда, у извѣстнаго мецената Сибирякова, владѣльца этого имѣнія. Глѣбъ Ивановичъ и жена его все время отдавали крестьянамъ. Открыли кооперативную лавку, сберегательную кассу, очень были любимы населеніемъ. Но власти крайне подозрительно къ нимъ относились. Всѣ эти сближенія съ народомъ, бесѣды съ нимъ очень не нравились администраціи и Г. И. часто безпокоили обысками и допросами. Знакомство съ ними считалось предосудительнымъ и аттестовывалось, какъ неблагонадежность политическая. Богдановская волость не входила въ мой слѣдственный участокъ, но какъ-то разъ за болѣзнью мѣстнаго судебнаго слѣдователя, я, исполняя его обязанности, пріѣхалъ въ село Скольково. Прибылъ туда вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ Василіемъ Ивановичемъ Поповымъ. Найдено было тѣло неизвѣстнаго человѣка съ признаками насильственной смерти. Вскрытіе мертваго тѣла прозиводило сенсацію въ селѣ. Почти все село собиралось, какъ на какое-то интересное зрѣлище. Когда мы собрались приступить къ вскрытію, мнѣ сказали, что въ толпѣ находится Г. И. Успенскій. Я подошелъ, познакомился съ нимъ. Онъ изъявилъ желаніе подробнѣе познакомиться съ дѣломъ и присутствовать при вскрытіи въ качествѣ понятого. Онъ очень добросовѣстно отнесся къ этимъ обязанностямъ, интересовался малѣйшими подробностями вскрытія и подписалъ протоколъ. Послѣ вскрытія мы съ Василіемъ Ивановичемъ

пошли къ Г. И. Успенскому, по его приглашенію. Жены его тогда въ Скольковѣ не было. Мы много говорили съ нимъ о крестьянской жизни, нравахъ мѣстнаго населенія.

Николай Николаевичъ Златовратскій, авторъ повѣсти «Золотыя сердца» — самъ былъ золотое сердце. Въ своихъ бесѣдахъ и частныхъ разговорахъ онъ всегда затрагивалъ крестьянскій вопросъ. Очень любилъ онъ «нутро» крестьянина и, если въ его произведеніяхъ идеализація мужика отдаетъ иногда нѣкоторой слащавостью, то въ бесѣдахъ, въ немъ чувствовалось его глубокое, любовное отношеніе къ простому русскому человѣку, къ мужику-пахарю.

Онъ былъ высокаго мнѣнія о присяжныхъ засѣдателяхъ-крестьянахъ. Въ Самару онъ пріѣзжалъ каждое лѣто, по дорогѣ на кумысо-лѣчебные курорты. Вообще онъ любилъ путешествовать по Волгѣ, ѣздилъ часто въ четвертомъ классѣ, на палубѣ, любилъ заводить знакомство съ «народомъ».

Николай Николаевичъ останавливался у насъ по недѣлѣ и больше. Онъ былъ средняго роста, съ большой бородой. Носилъ онъ длинное пальто, всегда изрядно поношенное, наглухо застегнутое, а на головѣ шляпу поповскаго образца, съ широкими полями. Издали его принимали за сельскаго священника или дьякона.

Это сходство причиняло ему иногда много непріятностей. Какъ то разъ, когда Н. Н. гостилъ у меня, мнѣ нужно было экстренно отправиться въ село Дубовый Уметъ, въ сорока верстахъ отъ Самары. Н. Н. просилъ меня взять его съ собою. Я, конечно, согласился и мы поѣхали. Когда мы пріѣхали въ это село, въ послѣднемъ былъ тогда базаръ и много пріѣзжихъ. Въ селѣ я поѣхалъ на въѣзжую квартиру, а Н. Н. сказалъ, что идетъ на

базаръ, «народъ» смотрѣть. Едва онъ успѣлъ показаться на базарѣ, какъ къ нему подошли сотскіе и хотѣли его арестовать. Они приняли его за бѣглаго попа - разстригу, розыскиваемаго духовной консисторіей. На его заявленіе, что онъ пріѣхалъ съ судебнымъ слѣдователемъ, они отвѣтили:

— Съ кѣмъ же тебѣ пріѣзжать? Вѣстимо, съ слѣдователемъ пріѣхалъ; ты и есть бѣглый, онъ тебя привезъ, а ты отъ него и убѣгъ.

Это было недалеко отъ священническаго дома. Н. Н. просилъ отвести его къ священнику и мнѣ дали знать. Его повели... Священникомъ тамъ былъ нѣкій Г., — типичный сельскій священникъ бѣднаго прихода, который не брезгалъ водкой. Когда привели Н. Н., Г. спрашиваетъ его:

— Кто такой вы будете?

На отвѣтъ Н. Н., что онъ писатель Златовратскій, священникъ отвѣтилъ:

— Писатель Златовратскій? Не слыхалъ такого, батюшка! Вотъ Ломоносова знаю, Державина почитывалъ, — хорошій былъ писатель! И баснописца Крылова тоже, да вотъ этотъ Помяловскій, что-ли, хорошо нашу бурсу описывалъ, спасибо ему! А вотъ вашу милость — Златовратскій — нѣтъ, не слыхалъ!

Полицейскіе стояли у дверей, ухмыляясь. Жена священника знакома была съ мѣстной интеллигенціей, которую представлялъ земскій врачъ, да земскій учитель съ учительницей. Докторъ давалъ ей хорошія книги и, между прочимъ, «Отечественныя Записки». Услышавъ разговоръ мужа съ Златовратскимъ, она выбѣжала и объяснила священнику, кто такой Н. Н. Сотскіе удалились, подали самоварчикъ. Когда я пришелъ къ священнику выручать Н. Н., онъ за стаканомъ чаю мирно бесѣдовалъ со священникомъ, особенно съ его женой. Н. Н. любилъ разсказывать эту исторію; разска-

зывалъ онъ ее, когда вернулся со мной обратно изъ Дубоваго Умета, моей женѣ. При этомъ присутствовалъ мой сынъ Александръ, былъ онъ тогда, кажется, въ первомъ или второмъ классѣ гимназіи. Въ своемъ дневникѣ мой сынъ описалъ этотъ случай, озаглавивъ его «Литературная попадья».

Съ евреями Н. Н. мало былъ знакомъ, но онъ, какъ народникъ, преклонялся передъ народомъ, какъ передъ таковымъ, считая, что каждый народъ несетъ въ себѣ искру божью и является источникомъ правды и истины.

Мнѣ особенно пріятно возстановить въ моей памяти знакомство, къ сожалѣнію кратковременное, съ А. П. Чеховымъ. Это было въ октябрѣ 1903 года въ Ялтѣ на его дачѣ. Рѣдко кого онъ принималъ, да и всѣ щадили его, берегли его здоровье, не хотѣли его утомлять. Въ Ялтѣ мы гостили вмѣстѣ съ Н. Г. Михайловскимъ, какъ я сказалъ, на дачѣ Елпатьевскаго. Какъ-то разъ говоритъ онъ мнѣ, что А. П. желаетъ познакомиться со мной и что онъ поѣдетъ со мной къ нему. А. П. произвелъ на меня чарующее, но въ то же время щемящее душу впечатлѣніе. Чувствовалось, что видишь передъ собою человѣка, заканчивающаго, быть можетъ, послѣднюю строку своей жизни. Высокаго роста, худой, съ вдумчивыми страдальческими глазами, вполнѣ гармонировавшими съ продолговатымъ изможденнымъ лицомъ, онъ быстро преображался, какъ только начиналъ говорить. Не знаю какъ выразиться, — какая то «добрая грусть» была въ немъ.

Въ то время въ большой силѣ былъ министръ Плеве. А. П. интересовали и возмущали послѣднія потуги Плеве, его борьба со всѣмъ живымъ въ русскомъ обществѣ и въ русской жизни. Говорилъ, что знаетъ меня и что самъ черезъ Н. Г. выразилъ же-

ланіе со мной познакомиться. Говорилъ съ особой любовью объ Алексѣѣ Максимовичѣ Горькомъ и, узнавъ, что я ѣду въ Москву, совѣтовалъ непремѣнно посмотрѣть въ Художественномъ Театрѣ «На днѣ» Горькаго, при чемъ вызвался написать своей женѣ О. Л. Книпперъ письмо съ просьбой достать мнѣ хорошій билетъ на эту пьесу. Между прочимъ, говоря о русскихъ либералахъ, онъ, указавъ на стулъ у своего письменнаго стола, сказалъ:

— Вотъ недѣли двѣ тому назадъ, сидѣлъ на этомъ стулѣ извѣстный сенаторъ, который очень много и либерально говорилъ, но я смущалъ его вопросами о его прошлой судебной дѣятельности.

Въ разговорѣ А. П. оживлялся, юмористическая улыбка не сходила съ его устъ.

Пріѣхавъ въ Москву, я зашелъ къ Книпперъ. Она сказала, что получила письмо отъ А. П. и что билетъ для меня готовъ. Передала она мнѣ, что она показала Горькому письмо А. П., что тотъ познакомилъ ее съ нашей жизнью въ Самарѣ, съ нашими ассамблеями, и просилъ Книперъ дать ему знать, когда я буду, чтобы со мной повидаться.

Въ Художественномъ Театрѣ, конечно, я былъ и къ великому моему удовольствію вмѣстѣ съ милой сестрой А. П. — Маріей Павловной Чеховой. У Книперъ я нѣсколько разъ обѣдалъ. Въ противоположность А. П., Ольга Леонидовна производила впечатлѣніе здоровой, жизнерадостной женщины. Невольно напрашивалось сравненіе съ медленно умиравшимъ Ант. Павл. Марія Павловна Чехова — учительница городского училища въ Москвѣ, — интересная собесѣдница. Пока, послѣ обѣденнаго чая, О. Л. одѣвалась, готовилась въ театръ, мы съ Маріей Павловной проводили время въ ея комнатѣ. Любила она говорить и, вполнѣ понятно, говорила о своемъ братѣ, А. П., собщала малѣйшія подробности о его жизни. Сердечная и вдумчивая, она въ

то же время любила шутить, смѣяться и дѣлала остроумныя замѣчанія о литераторахъ. Какъ то разъ я ей сказалъ:

— Вотъ моя жена пріѣдетъ, полюбите вы ее; я убѣжденъ, что вы натурами сойдетесь.

Она смѣясь отвѣтила:

— Когда еще ваша жена пріѣдетъ, а пока я васъ полюблю.

Вскорѣ А. П. умеръ. Черезъ продолжительное время, будучи въ Москвѣ, я зашелъ къ Книпперъ. Все показалось мнѣ въ мрачномъ видѣ: невеселая О. Л. и грустная, грустная М. П.

***

Евгеній Николаевичъ Чириковъ, милый, дорогой, типично - русскій хорошій человѣкъ. Средняго роста, съ высокимъ лбомъ, длинными волосами, неправильными чертами лица. Простота, задушевность, прямолинейность — отличительныя черты характера Евгенія Николаевича. Добродушный юморъ, никого не оскорбляющій, но мѣтко попадающій въ цѣль. Все русское, но въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — не квасное, не шовинистское — дорого ему. Е. Н. Чириковъ, онъ же милый Женя, не молодой, но вѣчно юный и его милая жена Валентина Георгіевна. Какіе пріятные вечера проводили мы съ Екатериной Владимировной въ ихъ обществѣ въ Самарѣ, затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Спорщикъ до крайности и хрипоты, онъ, по окончаніи спора превращался въ веселаго гостепріимнаго хозяина. Нигдѣ гости, самые разнообразные, конечно, больше всего писатели, артисты, такъ себя хорошо не чувствовали, какъ въ квартирѣ Чирикова. Особую прелесть придавала этимъ вечерамъ «бабушка» Анна Михайловна Григорьева, мать Валентины Георгіевны. Она была высокаго роста, красивая, съ выразительными умны-

ми глазами, похожая на Екатерину II. Я любилъ смотрѣть на нее вечеромъ, когда она, окруженная дѣтьми Евгенія Николаевича, сидѣла за большимъ самоваромъ и разливала чай. Дочь казанскаго старообрядца, человѣка твердаго характера и строгихъ правилъ, она противъ его воли вышла замужъ и самостоятельно повела жизнь, унаслѣдовавъ отъ отца твердую волю и практическій умъ. У нея былъ хорошій литературный вкусъ, она правильно оцѣнивала писателей.

Лѣтомъ 1916 г. Чириковы уѣхали на Югъ, а я съ Екатериной Владимировной поселились въ ихъ квартирѣ по Церковной ул. д. ном. 15. Съ нами оставалась Анна Михайловна. Много мы говорили съ нею по еврейскому вопросу, много она разсказывала о писателяхъ. Горькаго она очень любила и считала его своимъ духовнымъ сыномъ; но до такой степени огорчалъ ее взглядъ послѣдняго на русскій народъ, на русскую душу, что, разойдясь съ нимъ, она оплакивала его какъ покойника. Съ семьей Чирикова мы поддерживали самыя дружескія, сердечныя отношенія до октябрьскаго переворота 1917 года.

Евгеній Николаевичъ Чириковъ — «антисемитъ», такъ одно время было пущено въ печати. Всѣми силами души протестую противъ этого. Чирикова я знаю чуть ли не 30 лѣтъ, знаю всю исторію, изъ-за которой этотъ слухъ былъ пущенъ. Всѣ мало знавшіе его и потому повѣрившіе этому, въ концѣ концовъ измѣнили свой взглядъ. Лѣтомъ 1916 г. М. Горькій просилъ меня написать Евгенію Николаевичу и просить его прислать статью для сборника «Еврей», который группа евреевъ, во главѣ съ М. М. Винаверомъ, хотѣли издать подъ его редакціей. Чириковъ, какъ я сказалъ, разошелся съ Горькимъ, но А. М. конечно не переставалъ уважать Чирикова и считалъ весьма желательнымъ

имѣть его статью по еврейскому вопросу. Я, конечно, написалъ Е. Н. и въ отвѣтъ получилъ отъ него большое интересное письмо, въ которомъ онъ упоминаетъ объ исторіи съ обвиненіемъ его въ антисемитизмѣ. Его, автора пьесы «Евреи», его, никогда не кривившаго душою, говорившаго всегда правду, не признававшаго никакихъ національныхъ, религіозныхъ перегородокъ! Какъ то въ жизни рѣдко бываетъ, чтобы дѣти по своему складу ума и душевнымъ качествамъ походили на своихъ родителей. Семья Чириковыхъ — исключеніе. Дѣти также милы и симпатичны, какъ и юные душою Е. Н. и В. Г. Когда-то я увижу снова эту группу, во главѣ съ милой, славной, жизнерадостной бабушкой...

Съ Алексѣемъ Максимовичемъ Пѣшковымъ (М. Горькимъ) я познакомился въ началѣ 90-хъ годахъ, когда онъ пріѣхалъ въ Самару сотрудничать въ мѣстной «Самарской Газетѣ». Еще задолго до его пріѣзда въ Самару въ редакціи разсказывали о немъ, какъ самородкѣ - писателѣ, подающемъ большія надежды. По существовавшему обычаю, новое лицо въ редакціи черезъ насъ знакомилось съ мѣстнымъ обществомъ. Горькаго привелъ къ намъ кто-то изъ редакціи. А. М. сразу всѣмъ понравился. Простой, душевный, подходившій къ людямъ искренно и сердечно, онъ сталъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ вечеровъ, и запросто бывалъ у насъ во всякое время.

А. М. очень интересовался еврейскимъ вопросомъ. Интересовался какъ-то особенно, не слегка, не по обязанности либеральнаго писателя, а старался понять самую суть жизни еврея и, чтобы вѣрнѣе понять, старался познакомиться съ его языкомъ и бралъ уроки древне - еврейскаго языка. Говорилъ онъ просто, вдумчиво и частью крайне ѣдко. Въ спорахъ онъ рѣдко принималъ участіе, любилъ прислушиваться, облокотясь обѣими руками

о столъ и, когда спорщики доходили до бѣлаго каленія, онъ вставлялъ свое красное чисто - народное слово и фразу, нерѣдко заставлявшую затихнуть весь споръ.

Обывательскую жизнь, мѣщанство съ его сытостью и самодовольствомъ онъ ярко рисовалъ въ фельетонахъ о самарской жизни, подъ псевдонимомъ «Егудиилъ Хламида». Выбралъ онъ этотъ псевдонимъ потому, что носилъ широкую накидку вродѣ халамиды и шляпу съ широкими полями. Этими фельетонами, талантливо написанными, многіе вліятельные и видные дѣятели, узнававшіе въ нихъ себя, были очень недовольны.

Критикой Горькій тогда еще не былъ отмѣченъ. Если не ошибаюсь, первое свое крупное произведеніе въ столичные журналы Горькій послалъ изъ Самары.

Интересенъ былъ слѣдующій случай. Горькій послалъ свой разсказъ въ редакцію журнала «Недѣля». Редакторомъ послѣдней былъ сынъ покойнаго Гайдебурова — Павелъ Павловичъ Гайдебуровъ. Зная о моемъ знакомствѣ съ Гайдебуровымъ, Горькій просилъ написать послѣднему о томъ, чтобы онъ или напечаталъ этотъ разсказъ или вернулъ его. Гайдебуровъ сообщилъ мнѣ, что разсказъ будетъ напечатанъ, но что въ виду массы матеріала въ редакціи, онъ не знаетъ когда очередь дойдетъ до Пѣшкова (Горькаго). Отвѣтъ получился чуть ли не наканунѣ моей поѣздки въ Петербургъ. По просьбѣ Горькаго, я его рукопись взялъ отъ Гайдебурова и передалъ ее въ редакцію журнала «Міръ Божій», гдѣ, въ ближайшемъ номерѣ, разсказъ былъ напечатанъ. Серьезная критика обратила вниманіе на эту работу и о Горькомъ заговорила столичная печать. Гайдебуровъ не могъ простить себѣ, что онъ не былъ на высотѣ званія редактора, что онъ не «понялъ» Горькаго.

Тогда я познакомился съ редакторомъ-издателемъ журнала «Міръ Божій», Александрой Аркадьевной Давыдовой. «Міръ Божій» только что началъ выходить и сразу завоевалъ симпатіи широкаго круга интеллигенціи, въ особенности земской. Александра Аркадьевна привлекала въ свой журналъ молодыя литературныя силы. Знакомилась она со всѣми провинціальными газетами и журналами, какъ только замѣчала въ комъ-нибудь изъ сотрудниковъ «искру Божію». Она много бесѣдовала о Горькомъ, только что появившемся въ печати, и Чириковѣ, просила передать имъ свое страстное желаніе видѣть ихъ произведенія въ ея журналѣ

Въ Москвѣ со мной приключилась непріятность. По просьбѣ Чирикова, я зашелъ въ редакцію журнала «Артистъ», наводилъ какую-то справку; въ карманѣ пальто у меня лежала довольно объемистая рукопись Горькаго, которую онъ просилъ сдать въ Петербургѣ въ редакцію журнала. Эта рукопись у меня пропала. Я долго ее розыскивалъ но не нашелъ. Горькій былъ сильно огорченъ, тѣмъ болѣе, что копіи разсказа у него не было. Такимъ образомъ, этотъ разсказъ такъ и не появился въ печати.

На нашихъ вечерахъ Горькій познакомился съ милой Екатериной Павловной Волжиной, хорошенькой, только что кончившей гимназію, дѣвушкой. Катя Волжина, какъ мы ее звали, получила мѣсто корректорши въ «Самарской Газетѣ» и ближе познакомилась съ Горькимъ; они полюбили другъ друга и поженились. Живая, веселая, въ тоже время скромная и сердечная Катя имѣла массу поклонниковъ, но любила «Егудиила Хламиду», къ великому огорченію ея родителей, обѣднѣвшихъ дворянъ, которые никакъ не могли примириться съ мыслью, что ихъ дочь выходитъ замужъ за какого-то «Хламиду».

Какъ всякій выдающійся человѣкъ, Горькій имѣлъ массу поклонниковъ и вѣроятно столько же, если не больше, въ особенности въ послѣднее время, противниковъ.

Я, какъ средній человѣкъ, говорю о немъ лишь по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія онъ на меня лично производилъ и производитъ. Знаю лишь то, что всѣ, побесѣдовавши съ нимъ, даже въ самое послѣднее время восхищаются его прямотой, искренностью и любовью, которую онъ проявляетъ къ человѣку. А. М., по моему мнѣнію, искренно любитъ русскій народъ. Какъ сынъ народа, онъ хорошо знаетъ его и понимаетъ. Это не преклоненіе передъ народомъ Н. Н. Златовратскаго и другихъ народниковъ. Онъ не скрываетъ темныхъ сторонъ его, онъ желалъ бы видѣть русскій народъ, занимающимъ почетное мѣсто среди западно-европейскихъ культурныхъ націй.

Горькаго я не видѣлъ почти 10 лѣтъ, а именно все время, проведенное имъ въ Финляндіи и въ Европѣ. Когда я въ концѣ 1915 г. вернулся въ Петербургъ, я отъ своего друга Е. Н. Чирикова узналъ, что онъ разошелся съ Горькимъ. Разошелся онъ съ нимъ по поводу статей Горькаго въ журналѣ «Лѣтопись», въ которыхъ, по словамъ Чирикова, Горькій отрицательно относится къ русской душѣ, къ русскому народу. Объ отношеніяхъ Чирикова и Горькаго, или, правильнѣе сказать, о разрывѣ ихъ отношеній я упомянулъ выше въ моихъ «Воспоминаніяхъ». Этотъ разрывъ перешелъ въ послѣднее время почти во вражду. Горькій энергично,страстно проповѣдовалъ прекращеніе войны.Чириковъ держался діаметрально - противоположныхъ взглядовъ. Въ 1916 г. я видѣлся съ Горькимъ въ Петербургѣ на его квартирѣ на Кронверскомъ проспектѣ. Говоря со мной о войнѣ, онъ страстно

порицалъ ее. Былъ я еще какъ-то разъ у него; помню его фразу:

— Эхъ, сколько времени я изъ Европы, а не могу примириться съ жизнью здѣсь. Мнѣ больно видѣть эту инертность, отсутствіе иниціативы у русскаго народа, хочется дѣлать, создать что - нибудь, вездѣ косность, ничего живого.

Хотя онъ долго жилъ за границей, но онъ не отошелъ отъ русскаго народа и отъ русской жизни. Онъ остался тѣмъ же М. Горькимъ, прикрѣпленнымъ всѣми фибрами души къ русскому народу. Горькій тогда уже разошелся съ Екатериной Павловной.

Говорятъ о любви, которую Горькій питаетъ по настоящее время къ Е. П. Я этому вѣрю, ее нельзя не любить. Е. П. вся отдалась общественной дѣятельности. Мы съ ней встрѣчались какъ въ Парижѣ, такъ и, въ послѣдніе 16-17 лѣтъ въ Москвѣ. Е. П. осталась той же милой Катей Волжиной съ большими синими глазами, чарующей улыбкой и хорошей душой.

Лѣтомъ 1916 г. Горькій прислалъ мнѣ свои сочиненія съ надписью на многихъ томахъ. Одна изъ нихъ гласитъ: «Старымъ друзьямъ въ благодарность за хорошіе дни, проведенные въ Самарѣ».

Кто могъ предвидѣть, что члены самарскаго кружка, окажутся, одни въ лагерѣ якобы контръ - революціонеровъ, а другихъ будутъ обвинять въ неискреннемъ увлеченіи идеями соціализма. Могъ ли я себѣ представить, что Евгеній Николаевичъ и Алексѣй Максимовичъ, такъ страстно жаждавшіе наступленія свободы, такъ дружно работавшіе для ея достиженія, изъ-за этой свободы очутятся въ противоположно-враждебныхъ лагеряхъ, а искренняго Евгенія Николаевича, всю жизнь проведшаго между жандармами и тюрьмами изъ-за стремленія

къ свободѣ, будутъ считать контръ-революціонеромъ.

*
**

Въ калейдоскопѣ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться особенно пріятно вспомнить о встрѣчѣ съ В. С. Соловьевымъ. Въ самое мрачное время, когда все прекрасное какъ будто исчезло и исчезаетъ, на утѣшеніе человѣчества является личность, сосредоточивающая въ себѣ богатыя духовныя силы, тѣ крупицы добра и красоты, безъ которыхъ народъ и общество не могутъ существовать. Въ самый разгаръ циркуляровъ о «кухаркиныхъ дѣтяхъ», въ темное время процвѣтанія человѣконенавистничества и яраго преслѣдованія евреевъ, является В. С. Соловьевъ. Познакомился я съ нимъ въ Москвѣ, въ университетѣ, на засѣданіи философскаго общества. Какое удовольствіе и нравственное удовлетвореніе я получилъ отъ этого знакомства! Сама наружность В. С. была обаятельна. Чистая душа отражалась въ его большихъ, дѣтскихъ и, въ то же время, задумчивыхъ глазахъ. В. С. считали «юдофиломъ». Онъ таковымъ не былъ. Мы, евреи, не желаемъ имѣть юдофиловъ, мы только желаемъ, чтобы въ насъ видѣли людей со всѣми достоинствами и недостатками, присущими каждому народу. Если В. С. былъ юдофиломъ, то развѣ потому, что признавалъ за еврейскимъ народомъ извѣстныя историческія заслуги, что относился съ глубокимъ уваженіемъ къ духу еврейской религіи, этой «праматери» христіанства. В. С. въ своей частной и общественной жизни былъ до такой степени чистъ, что самые ярые юдофобы не смѣли на него клеветать и именовать его «еврейскимъ наймитомъ».

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ случая познакомиться съ В. С. Передалъ я ему привѣтъ

отъ И. И. Бакста и просьбу послѣдняго повидаться съ нимъ въ Петербургѣ. В. С. много со мной бесѣдовалъ по еврейскому вопросу, по поводу преслѣдованія еврейскихъ дѣтей, стремившихся къ знанію, удивлялся слѣпотѣ руководителей высшей политики. Мы уединились съ нимъ въ комнатѣ, сосѣдней съ залой, гдѣ происходило засѣданіе.

В. С. интересовался русской общественной жизнью въ провинціи. Интересовался онъ живымъ элементомъ общества, положеніемъ народнаго образованія, отношеніемъ крестьянъ къ школѣ. Распрашивалъ о дѣятельности судебныхъ слѣдователей, о томъ, какъ они смотрѣли на принципъ: «Не судите, да не судимы будете». В. С. обѣщалъ пріѣхать лѣтомъ въ Самару, посѣтить Самарскую губернію, гдѣ такъ много сектантовъ — людей, по его словамъ, «жадно ищущихъ Бога». Но, не успѣвъ выполнить этого намѣренія, онъ вскорѣ скончался. Какъ извѣстно, В. С. на смертномъ одрѣ молился Богу объ облегченіи участи евреевъ. Преслѣдованія евреевъ всю жизнь удручали В. С. Соловьева — этого гостя съ неба, пролетѣвшаго метеоромъ надъ русской землей.

Кстати упомяну я объ отцѣ В. С. — извѣстномъ историкѣ Сергѣѣ Михайловичѣ Соловьевѣ, читавшемъ намъ, юристамъ перваго курса, въ 1871 г., исторію Россіи. Выше средняго роста, довольно красивой наружности, съ голубыми глазами и окладистой бородой, онъ былъ замѣчательнымъ лекторомъ привлекавшимъ въ свою аудиторію даже студентовъ другихъ факультетовъ. Онъ былъ большимъ поклонниковъ Петра I и его реформъ.

Первый разъ я увидѣлъ С. М. Соловьева вскорѣ послѣ моего поступленія въ университетъ, въ концѣ сентября 1871 г. По случаю посѣщенія университета извѣстнымъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ, въ актовомъ залѣ

университета собрались всѣ студенты, вновь поступившіе, ректоръ С. М. Соловьевъ, проректоръ Минхъ и нѣкоторые профессора. Толстой, замѣтивъ одного изъ вновь поступившихъ студентовъ-евреевъ, сказалъ ему:

— Вы кончили Шавльскую гимназію — я помню васъ, — и прибавилъ, обратясь къ Соловьеву и другимъ профессорамъ: «Я объѣхалъ сѣверо - западный край и, представьте себѣ, самые лучшіе ученики по словесности и русскому языку — это евреи, хотя въ краѣ очень значителенъ русскій элементъ.

Соловьевъ пробовалъ объяснить это тѣмъ, что для еврея русскій языкъ — чужой языкъ, которому онъ обучается, а русскій не считаетъ нужнымъ изучать свой языкъ. Проректоръ Минхъ вставилъ свое замѣчаніе. Толстой тутъ же замѣтилъ:

— Да, я съ вами согласенъ: способный народъ, — причемъ спросилъ Соловьева, много ли евреевъ поступило и на какіе факультеты.

Какой выводъ слѣдовало сдѣлать изъ этого обмѣна мнѣній? Практика вскорѣ показала этотъ выводъ: поменьше евреевъ пускать въ университетъ и на государственную службу.

Теперь перехожу къ знакомству съ нынѣ здравствующимъ и, несмотря на преклонный возрастъ, продолжающимъ свою литературную работу А. Ф. Кони. Братъ А. Ф. — бывшій мировой судья въ Варшавѣ, — по выходѣ въ отставку, служилъ въ Самарѣ на желѣзной дорогѣ. Какъ то разъ, садясь въ вагонъ поѣзда, отправлявшагося изъ Самары въ Сызрань, я увидѣлъ на перронѣ вокзала группу лицъ, въ числѣ коихъ были высшіе представители жел.-дор. администраціи. Узналъ я, что съ этимъ поѣздомъ ѣдетъ оберъ-прокуроръ сената А. Ф. Кони. Я вошелъ въ вагонъ 1-го класса, куда послѣ третьяго звонка вошелъ и Кони,

съ которымъ я не былъ знакомъ. Въ купэ, кромѣ насъ, никого не было.

По поводу газеты, которую онъ купилъ, завязался у насъ разговоръ. Я сказалъ, что знаю, кто онъ, и что недавно въ историческомъ журналѣ, — не помню теперь, въ какомъ — въ «Русской Старинѣ» или въ «Историческомъ Вѣстникѣ», — я читалъ его археологическую замѣтку «Изъ царствованія Петра I». Эта замѣтка меня удивила, такъ какъ она не соотвѣтствовала его литературному и публицистическому амплуа. Онъ тоже удивился, что нашелся читатель, не археологъ, читавшій эту замѣтку. Такимъ образомъ, у насъ завязалась живая бесѣда. Коснулись, конечно, самаго больного вопроса — еврейскаго. А. Ф. разсказывалъ о своемъ бывшемъ секретарѣ Лихтенштейнѣ, перешедшемъ въ православіе, и о многихъ другихъ судебныхъ дѣятеляхъ, ради карьеры рѣшившихся на шагъ, повидимому, не одобряемый, какъ мнѣ показалось, Кони. Онъ подробно, съ большимъ одушевленіемъ, разсказалъ мнѣ о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ; разсказалъ, какъ призывали его въ Министерство юстиціи за нѣсколько дней до слушанія дѣла, какъ хотѣли вліять на него, чтобы онъ побудилъ присяжныхъ засѣдателей вынести обвинительный вердиктъ. Говорилъ о самомъ дѣлѣ Засуличъ, о рѣчи защитника Александрова и о бездарности обвинителя Киселя. По словамъ Кони, весь залъ уголовнаго засѣданія (причемъ за судейскими креслами сидѣли высшіе государственные сановники) съ напряженнымъ вниманіемъ слушали все судебное слѣдствіе и рѣчь защитника,что всѣхъ возмущалъ произволъ, царившій въ тюрьмѣ и проявившійся особенно рѣзко по отношенію къ Боголюбову. Кони разсказывалъ, какъ онъ подвергся опалѣ послѣ суда, такъ какъ оправдательный при-

говоръ присяжныхъ засѣдателей отчасти приписывался его предсѣдательскому резюмэ и вообще веденію имъ судебнаго засѣданія по этому дѣлу. Излишне распространяться о томъ, что А. Ф. искусный собесѣдникъ. Помню, что утомившись разговоромъ, онъ взялъ въ руки газету «Русскія Вѣдомости» и хотѣлъ, кажется, читать, но я попросилъ его положить газету. Онъ сначала удивился, но когда я ему сказалъ, что мнѣ нужно скоро съ нимъ разстаться и мнѣ жаль не использовать такого рѣдкаго случая бесѣдовать съ интереснымъ человѣкомъ, онъ улыбнулся, положилъ газету и мы продолжали съ нимъ бесѣду. Послѣ этого, пріѣзжая въ Петербургъ, я каждый разъ заходилъ къ А. Ф. Онъ всегда былъ занятъ и наши свиданія были кратковременными, но, конечно, очень интересными для меня.

Между прочимъ А. Ф. разсказывалъ о страстной враждебности къ евреямъ со стороны извѣстнаго либеральнаго сотрудника «Вѣстника Европы» Евгенія Исааковича Утина, еврея по происхожденію. У Утина было имѣніе въ Подольской губерніи, гдѣ онъ проводилъ лѣтнее время. Возвращался онъ оттуда, насыщенный юдофобствомъ. Кони мнѣ говорилъ, что онъ останавливалъ Утина, когда тотъ черезчуръ ужъ распространялся о порочности евреевъ.

Съ А. Кони мы встрѣтились и въ Москвѣ у его друга, писательницы Р. М. Гольдовской. Кони былъ въ духѣ и разсказывалъ много интереснаго изъ своей общественной и судебной дѣятельности.

Въ домѣ Гольдовскихъ я близко познакомился съ Владиміромъ Петровичемъ Потемкинымъ. Владимиръ Петровичъ—талантливый лекторъ, блестящій ораторъ, не будучи евреемъ, горячо принималъ къ сердцу всѣ ужасы еврейской жизни. Послѣ

неурожая, постигшаго еврейскія колоніи на Югѣ, группа московскихъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей съ В. О. Гаркави во главѣ задумала издать сборникъ «Помощь».

Съ одной стороны, предполагалось доходомъ отъ продажи этого сборника помочь пострадавшимъ отъ неурожая евреямъ, а съ другой стороны — и это самое главное — хотѣли привлечь къ участію въ сборникѣ исключительно русскихъ литераторовъ и такимъ образомъ выразить протестъ противъ политики правительства по отношенію къ евреямъ, политики, поощрявшей еврейскіе погромы. Собираніе матеріала для сборника и редактированіе послѣдняго взялъ на себя Потемкинъ. Массу энергіи и времени потратилъ онъ на это дѣло. Сборникъ появился, получилъ широкое распространеніе. Интересны были разсказы Владимира Петровича о своихъ бесѣдахъ съ разными литераторами и общественными дѣятелями по поводу этого сборника. Первымъ, какъ и слѣдовало ожидать, откликнулся Владиміръ Галактіоновичъ Короленко, давшій для сборника прелестный разсказъ «Огоньки».

Далъ для сборника разсказъ и Гаринъ-Михайловскій: «Старый еврей». По своему обыкновенію Михайловскій взялъ дѣйствительный фактъ и художественно его описалъ, нарисовалъ душу старика - еврея, преслѣдуемаго полиціей за неимѣніемъ права жительства. Свѣтлой памяти Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ также далъ статью, и еще многіе другіе.

В. П. Потемкинъ ѣздилъ въ Ясную Поляну къ Льву Николаевичу Толстому,просилъ у него статью для сборника, но Толстой статьи не далъ, сказавъ, что онъ возмущается еврейскими погромами, безправіемъ евреевъ, но что еврейскій вопросъ у него на восемьдесятъ первомъ мѣстѣ.

Живя въ Самарѣ, но наѣзжая въ Петербургъ я познакомился со всѣмъ составомъ редакціи «Русское Богатство». Познакомился я, когда журналъ только что началъ выходить. Первыми издателями журнала были: Надежда Валеріановна Михайловская, жена Н. Г. Михайловскаго - Гарина и Н. К. Михайловскій.

Во главѣ редакціи «Русскаго Богатства» стоялъ Н. К. Михайловскій. По настоящее время имя его окружено особымъ ореоломъ.Это былъ кумиръ молодежи, всей интеллигенціи. Его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» читались всей мыслящей Россіей. Говорилъ мало, вдумчиво, серьезно, поднималъ интересные вопросы о литературѣ и печати. Вначалѣ бесѣда была серьезная, а затѣмъ она оживлялась, благодаря участію въ ней такихъ талантливыхъ сотрудниковъ, какъ Южаковъ, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, Лѣсевичъ, Сѣрошевскій и др.

Съ Н. Г. Михайловскимъ - Гаринымъ я нѣсколько разъ былъ на этихъ редакціонныхъ вечерахъ. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю мои кратковременныя посѣщенія Михайловскаго на его квартирѣ, на Бассейной. Н. К. былъ очень гостепріимнымъ, любезнымъ, много разсказывалъ о Салтыковѣ - Щедринѣ и Некрасовѣ, покойныхъ издателяхъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ то время большой интересъ возбудила книга Панаевой, по мужу Головачевой. Въ этой книгѣ, она въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовала Некрасова, какъ издателя «Отечественныхъ Записокъ», его высокомѣрное отношеніе къ литераторамъ. особенно къ начинающимъ. Н. К. возмущался этой клеветой, онъ хорошо зналъ Некрасова, зналъ его, какъ человѣка въ высшей степени широкаго разума, сердечно относившагося именно къ начинающимъ литераторамъ. Въ корыстолюбіи, высокомѣріи, въ отсутствіи сердечности, по словамъ Михайловска-

го, Некрасова ни въ коемъ случаѣ нельзя было обвинять. О личности Панаевой и о ея произведеніи Н. К. отзывался пренебрежительно. Не отрицалъ онъ пристрастія Некрасова къ картамъ. Говоря про сдѣланный Некрасовымъ фальшивый шагъ (какъ извѣстно, Некрасовъ посвятилъ стихотвореніе Муравьеву - усмирителю польскаго возстанія 1863 г., стихотвореніе возмущавшее всю честно мыслящую Россію), Н. К. не одобрялъ этого поступка Некрасова, но искалъ объясненія въ обстановкѣ того времени и въ исключительности тогдашнихъ условій. Н. К. говорилъ, что Некрасовъ, будучи по виду бариномъ, былъ искреннимъ поэтомъ. Съ особымъ умиленіемъ онъ говорилъ о М. Е. Салтыковѣ-Щедринѣ. При внѣшней суровости Щедринъ былъ, по словамъ Н. К. сердеченъ и щадилъ юное авторское самолюбіе начинающихъ писателей, скромно и застѣнчиво присылавшихъ въ редакцію журнала свои произведенія. Онъ самъ читалъ, перечитывалъ ихъ и лишь тогда возвращалъ авторамъ, когда, по выраженію Н. К., въ нихъ не было ни одной искры Божьей. У меня хранится большой портретъ Н. К. съ его надписью.

Одинъ разъ я оказалъ услугу Н. К. или, лучше сказать, редакціи журнала «Русское Богатство». Въ то время журналы подвергались строгой предварительной цензурѣ, причемъ цензора задерживали книжки журналовъ и тѣ выходили съ большимъ опозданіемъ. Цензоромъ «Русскаго Богатства» былъ нѣкій Матвѣевъ. До цензорства онъ былъ членомъ Самарскаго окружнаго суда и, когда русское правительство стало хозяйничать въ Болгаріи, Матвѣевъ былъ назначенъ тамъ министромъ юстиціи. Съ Матвѣевымъ я познакомился черезъ О. М. Сербулова. Говорили мы съ нимъ о журналѣ «Русское Богатство» и о тѣхъ огорченіяхъ, какія доставляетъ цензура этому журналу. Матвѣевъ

разсыпался въ комплиментахъ по адресу журнала вообще и Н. К. въ особенности. Обѣщалъ не задерживать журналъ, что онъ и исполнилъ. Я передалъ Н. К. отзывы Матвѣева; тотъ отнесся къ нимъ иронически и въ редакціи онъ, смѣясь, сообщилъ, что новая литература имѣетъ яраго поклонника, самого цензора, бывшаго болгарскаго министра юстиціи.

Весь составъ журнала «Русское Богатство» былъ крайне интересенъ. Это были люди ученые, какъ напр. Лѣсевичъ, политически образованные, какъ Южаковъ, и такіе интересные писатели, какъ Сѣрошевскій, только что вернувшійся тогда изъ Якутской области, гдѣ онъ долгое время былъ въ ссылкѣ.

Сѣрошевскій женился на якуткѣ и съ особымъ умиленіемъ говорилъ о чистотѣ нравовъ этого племени.

Невольно вспоминаю разсказы о якутской жизни другого политическаго ссыльнаго Г. А. Гросмана. Послѣдній вернулся изъ ссылки въ Самару и нѣсколько вечеровъ посвятилъ намъ, разсказывая о жизни въ тамошнемъ краѣ, о характерѣ, нравахъ и культурѣ жителей якутской области. Онъ сдѣлался впослѣдствіи въ Германіи корреспондентомъ «Русскихъ Вѣдомостей» и многихъ толстыхъ журналовъ.

Какъ я уже сказалъ, весь составъ редакціи журнала «Русскаго Богатства» былъ крайне интересенъ. Взять хотя бы Александра Ивановича Иванчинъ - Писарева. Дворянинъ - помѣщикъ съ высшимъ образованіемъ, онъ пренебрегъ всѣми удобствами жизни пошелъ въ народъ революціонировать его. Чтобы быть ближе къ мужику, онъ подъ разными фамиліями служилъ то волостнымъ писаремъ, то кучеромъ, то кузнецомъ. Съ большимъ юморомъ, образно и добродушно онъ разсказы-

валъ, какъ его ловили исправники и становые пристава и какъ онъ ихъ ловко обманывалъ. Характеризовалъ онъ многихъ революцiонныхъ дѣятелей, своихъ сотоварищей съ восьмидесятыхъ годовъ.

Иванчинъ - Писаревъ, всю жизнь боровшiйся съ самодержавiемъ, умеръ не дождавшись своей завѣтной мечты — сверженiя царскаго ига. Умеръ весною въ 1916 г. въ Петропавловской больницѣ. Похороны его были весьма скромны, не было ни вѣнковъ, ни рѣчей. Были только самые близкiе друзья, но, что было прiятно, это присутствiе на похоронахъ рабочихъ. Стройными рядами шли они, мрачные, вдумчивые. Они чувствовали, что хоронятъ одного изъ своихъ лучшихъ борцовъ. Въ воздухѣ уже носилась, если такъ можно выразиться, революцiя. Война Россiей была почти проиграна, жизнь становилась все болѣе тяжелой. Чувствовалось приближенiе грозы. Не сознавали этого только стоявшiе у кормила правленiя, цѣплявшiеся за власть высшiе бюрократы и придворная камарилья. Когда стали опускать тѣло Иванчинъ-Писарева въ могилу, одинъ изъ рабочихъ какъ-то растерянно крикнулъ:

— Неужели мы такъ разстанемся съ А. И., неужели для него не найдется нѣсколькихъ словъ?

— Найдется, — послышалось въ толпѣ, и какой-то рабочiй началъ было рѣчь. Тутъ же стоявшiй полицейскiй приставъ, принявъ грозный видъ, крикнулъ:

— Никакихъ рѣчей!» — и, когда другой рабочiй все таки хотѣлъ что-то сказать, раздался окликъ того же полицейскаго: «Молчать!»

Тутъ же я услышалъ въ толпѣ рабочихъ слова: «Не долго молчать!» Стали расходиться. Никогда не забуду выраженiя лицъ рабочихъ, когда они проходили мимо полицейскаго и начальства, смотрѣвшаго вызывающе. Рабочiе молчали, но молча-

ніе было зловѣще. Представители четвертаго сословія какъ будто предчувствовали наступленіе другого времени, когда не имъ, а другимъ придется молчать. Хотя я хорошо былъ знакомъ съ пріемами и тактикой власть имущихъ, въ особенности полицейскихъ, но все таки меня поразили безтактность и недальновидность столичной бюрократіи. Какая опасность могла быть отъ надгробныхъ рѣчей мирныхъ рабочихъ. Самъ покойникъ, Александръ Ивановичъ, задолго до своей смерти, пересталъ быть активнымъ дѣятелемъ и не принималъ никакого участія въ какихъ бы то ни было ниспроверженіяхъ. Мирные рабочіе, какъ я узналъ, изъ типографіи журналовъ, гдѣ Александръ Ивановичъ работалъ, хотѣли сказать нѣсколько прощальныхъ словъ.

Скиталецъ — Степанъ Петровъ. Я могу сказать: мой, нѣкоторымъ образомъ, духовный сынъ. Пріѣхавъ какъ-то разъ въ село къ своему другу мировому судьѣ Самойлову, узнаю отъ него, что въ Обшаровкѣ имѣется самородокъ, столяръ Петровъ — философъ, изобрѣтатель самоката (велосипедовъ тогда еще не было). Я просилъ познакомить меня съ нимъ. Петровъ пришелъ. Увидѣлъ я степеннаго, съ умнымъ лицомъ крестьянина; говорилъ онъ медленно, какъ будто бы обдумывая каждое слово. Весь вечеръ мы бесѣдовали съ нимъ. Ясность ума, правильность сужденія о земствѣ, о крестьянскомъ самоуправленіи, о религіи, дѣйствовали чарующе. Прощаясь со мной, Петровъ сказалъ, что у него имѣется мальчикъ Степанъ, который хорошо пишетъ стихи и котораго все тянетъ въ городъ къ образованнымъ людямъ. На другой день утромъ пришелъ ко мнѣ этотъ мальчикъ, довольно рослый для его возраста, говорилъ басомъ. Принесъ онъ свои произведенія. Не откладывая въ долгій ящикъ, я этого Степана забралъ съ собой

въ Самару. Познкаомилъ его съ редакторомъ «Самарской газеты» и досталъ ему мѣсто писца въ Окружномъ судѣ. Въ то же время онъ пѣлъ въ Архiерейскомъ пѣвческомъ хорѣ, а вращался онъ все среди литературной братiи. Особенно покровительствовалъ ему М. Горькiй. И такимъ образомъ выросъ «Скиталецъ».

Псевдонимъ «Скиталецъ» вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру Петрова. Онъ точно скитался. Сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Высокаго роста, говорилъ басомъ и не разставался со своими гуслями, на которыхъ артистически игралъ.

Въ моей коллекцiи фотографическихъ карточекъ имѣется карточка отца Петрова съ трогательной надписью — благодарность за то, что вывелъ сына на дорогу.

Осипъ Ильичъ Фельдманъ.

Кто не зналъ и кто не слышалъ объ извѣстномъ гипнотизерѣ Фельдманѣ?

Въ началѣ 90-хъ годовъ вся русская читающая публика увлекалась сообщенiями о «чудесахъ» Фельдмана. Самые серьезные органы печати, «Русскiя Вѣдомости», толстые журналы, посвящали свои статьи изслѣдованiямъ вопроса о гипнотизмѣ, съ которымъ впервые познакомилъ широкое общество Фельдманъ. Многiя засѣданiя медицинскихъ обществъ тоже были посвящены этому вопросу. Главнымъ образомъ интересовалъ всѣхъ вопросъ, кто такой Фельдманъ? Таится ли въ немъ какая-нибудь невѣдомая сила, или онъ по просту сказать «шарлатанъ», и можно ли гипнотическiе его сеансы объяснить чисто научно?

Въ мрачное, реакцiонное время, когда нѣтъ живой общественной дѣятельности, человѣкъ ищетъ удовлетворенiя даже въ спиритизмѣ, гипнотизмѣ, во всемъ сверхестественномъ, чудесномъ.

Пребыванiе Фельдмана въ Самарѣ послужило

поводомъ для устройства у насъ нѣсколькихъ вечеровъ, на которыхъ онъ производилъ свои сеансы. Помимо, такъ сказать, своей «спеціальности», Фельдманъ былъ крайне интересный собесѣдникъ. Онъ объѣхалъ всю Европу и Америку, много разсказывалъ о своихъ встрѣчахъ съ интересными людьми, возилъ онъ съ собой громадныхъ размѣровъ альбомъ съ автографами многихъ выдающихся общественныхъ и государственныхъ дѣятелей какъ Европы, такъ и Америки. Были автографы — президента Американскихъ Соед. Штатовъ Рузвельта, нашихъ великихъ князей, ученыхъ — Менделеева, Шарко и другихъ.

Фельдманъ очень интересовался уголовными дѣлами, предлагалъ свои услуги — путемъ гипноза добиться сознанія обвиняемыхъ. Говорилъ, что въ Америкѣ, въ сложныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ этому способу. Я, конечно, отклонялъ такія предложенія, считая это насиліемъ надъ волей и сознаніемъ обвиняемаго. Одинъ разъ Фельдманъ спасъ одного подсудимаго, мальчика лѣтъ 15-16-ти, обвинявшагося въ бродяжествѣ. Этотъ несчастный мальчикъ скитался по тюрьмамъ, назывался крестьяниномъ то Тамбовской, то Пензенской губерніи. Пока шла провѣрочная переписка, онъ содержался въ тюрьмѣ. Худой, измученный, онъ внушалъ мнѣ и участковому товарищу прокурора, моему другу Вакару, о которомъ я выше писалъ, чувство глубокаго сожалѣнія. Съ согласія Вакара, я этого мальчика отдалъ на поруки гостившему тогда у меня въ Самарѣ Михайловскому - Гарину.

Мальчика мы освободили и онъ поселился у меня. Какъ разъ пріѣхалъ на гастроли Фельдманъ.

Какъ-то разъ, когда мальчикъ подалъ стаканъ, Фельдманъ незамѣтно для меня и другихъ взялъ за руку этого мальчика и говоритъ ему:

— Поѣдемъ со мною къ тебѣ домой.

Мальчикъ поблѣднѣвъ сказалъ: «Поѣдемъ» и тутъ же сказалъ, что поѣдутъ по желѣзной дорогѣ до Томска, а тамъ на лошадяхъ. Послѣ этого мальчикъ разсказалъ исторію своей жизни и причины побѣга изъ отцовскаго дома. Оказалось, что онъ сынъ зажиточныхъ крестьянъ Томской губерніи, рано лишился матери, отецъ его женился на сварливой особѣ. Мачеха преслѣдовала его. Съ какими то бѣглыми съ каторги онъ пробрался въ Европейскую Россію, питаясь въ дорогѣ милостыней, и попадалъ изъ тюрьмы въ тюрьму. Я послалъ его фотографическую карточку на его родину. Показанія его подтвердились и Н. Г., имѣя массу знакомыхъ по Сибирской жел.-дор., какъ бывшій строитель, съ надежной оказіей послалъ мальчика домой, при чемъ тамъ знакомые Н. Г. должны были имѣть попеченіе объ этомъ несчастномъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Разставаясь съ Самарой, я разставался также съ дѣятельностью судебнаго слѣдователя, которой отдалъ 27 лѣтъ — лучшіе годы жизни.

Я началъ свою дѣятельность слѣдователя въ 1876 году, въ Казанскомъ судебномъ округѣ, гдѣ только что были введены новыя судебныя учрежденія. Полиція была еще почти дореформенная. Общество съ крайнимъ недовѣріемъ относилось ко всему начальственному, «чиновному».

Крестьяне никакъ не могли себѣ представить, что слѣдователь, будучи чиновникомъ, поступаетъ по закону, по правдѣ, а не въ угоду богатымъ и сильнымъ. Свидѣтели старались уклоняться отъ всякихъ показаній, боясь суда пуще огня. Они по опыту знали, какимъ мытарствамъ подвергались свидѣтели по уголовнымъ дѣламъ. Съ такими тяжелыми условіями приходилось борться всѣмъ новымъ судебнымъ дѣятелямъ. Со стороны полиціи не только не было содѣйствія, но весьма часто тайное и даже явное противодѣйствіе. Полиція видѣла въ судебныхъ слѣдователяхъ людей, роняющихъ ея престижъ и мѣшающхиъ ея карьерѣ. Прибѣгая при производствѣ дознанія къ старымъ пріемамъ, полиція часто добивалась «чистосердечнаго» признанія обвиняемыхъ. Эти дознанія на предварительномъ слѣдствіи получали часто совершенно иное освѣщеніе и о неправильныхъ дѣйствіяхъ полиціи

приходилось сообщать прокурорскому надзору. Трагикомично было положеніе тогдашнихъ прокуроровъ. Съ одной стороны, они, по судебнымъ уставамъ, въ области производства дознанія имѣли громадное вліяніе и даже власть надъ полиціей, а съ другой — всецѣло зависѣли отъ отношенія къ нимъ губернатора.

Какъ я сказалъ, судебные уставы были не къ лицу тогдашней Россіи; тамъ, гдѣ внутренняя политика первенствуетъ, — слѣпой Фемидѣ нѣтъ мѣста. О законности смѣшно говорить. Губернаторы смотрѣли на вмѣшательство прокурорскаго надзора въ дѣла полиціи, какъ на уронъ престижа ихъ губернаторскаго величія. Всѣ остальныя вѣдомства, даже самыя, будто бы, независимыя, какъ вѣдомство юстиціи и даже военное, должны были приспособляться ко взглядамъ и мнѣніямъ губернатора. Лицо, получившее назначеніе въ прокуроры, напутствовалось инструкціей министра юстиціи: «ладить съ администраціей», т. е. съ губернаторомъ.

За весьма рѣдкими исключеніями, прокуроры старались ладить, и въ свою очередь рекомендовали такъ поступать товарищамъ прокурора и судебнымъ слѣдователямъ. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ взглядовъ губернатора и личныхъ его отношеній къ прокурору. Легко представить себѣ положеніе судебныхъ слѣдователей, большей частью молодыхъ, только что разставшихся съ университетомъ, ярыхъ поклонниковъ судебныхъ уставовъ, полагавшихъ, что они призваны «очистить храмъ отъ мытарей», когда они должны были дѣйствовать въ контактѣ съ полиціей и щадить ихъ «священную работу», т. е. дознаніе. Какъ я сказалъ, общество даже не поддерживало представителей судебнаго вѣдомства.

До какой степени общество, въ особенности крестьяне, были убѣждены, что чиновники «бе-

рутъ», видно изъ слѣдующаго случая: по одному старому, завалявшемуся дѣлу, вызывалась крестьянка, у которой давнымъ давно украли 2 пуда хлѣба. Эту потерпѣвшую долго розыскивали. Она одна жила въ мазанкѣ и часто отлучалась то на богомолье, то на ярмарки. Наконецъ, удалось вручить ей повѣстку. Она явилась ко мнѣ. Это было въ лѣтній, знойный день. Какъ значится въ началѣ моихъ воспоминаній, я занималъ большую квартиру въ селѣ Старомъ Буянѣ, Самарскаго уѣзда. Пришла она съ котомкой на плечахъ, въ пыли, усталая, въ роскошный мой кабинетъ съ вольтеровскими креслами. Послѣ долгихъ уговариваній и даже приказаній, она рѣшилась сѣсть на кончикъ кресла и все оглядывала мой кабинетъ. Она дала мнѣ обычное показаніе; въ кражѣ никого не обвиняла:

— Вѣстимо, люди украли, а кто — Богъ его знаетъ. Господь имъ судья!

Я сказалъ, что она свободна, и просилъ прислугу напоить ее чаемъ. Она встала, растегнула кофту, вынула какую-то тряпку, стала ее разсматривать и вынула оттуда большую мѣдную монету — семишникъ (три копѣйки). Эту монету она мнѣ дала, сказавъ:

— Возьми, батюшка, за трудъ, прости Христа ради, больше у меня нѣтъ.

Изъ разспросовъ я узналъ, что она, какъ всѣ крестьяне, считала, что безъ взятки ничего нельзя сдѣлать и что, если она мнѣ ничего не дастъ, то ее снова потянутъ къ допросу.

Съ теченіемъ времени населеніе, конечно, стало дѣлать различіе между чиновниками разныхъ вѣдомствъ. Но общество не могло же переродиться и проникнуться сразу чувствомъ гражданскаго долга, сознаніемъ своихъ обязанностей и желаніемъ содѣйствовать судебной власти въ раскрытіи правды.

Помимо глубокихъ исторических причинъ, объясняющихъ инертность русскаго человѣка, отсутствіе сознанія гражданскаго долга, уклоненіе его отъ явки къ слѣдствію или въ судъ можно объяснить еще особыми условіями: свидѣтели боялись мести со стороны лицъ, противъ которыхъ они давали показанія, а затѣмъ, эти громадныя разстоянія, неудобныя пути сообщенія, значительная трата времени, все это, если не оправдываетъ, то вполнѣ объясняетъ такое отношеніе, въ особенности, крестьянъ къ гражданской обязанности — содѣйствовать правосудію.

Положеніе слѣдователя подчасъ бывало очень тяжелое. Разрушая искусственно созданное полицейскимъ дознаніемъ обвиненіе, не имѣя возможности добыть достаточныхъ уликъ, ему приходилось направлять дѣла по 277 ст. уст. уг. суд., т. е. къ прекращенію.

⁂

Я завѣдывалъ уѣзднымъ слѣдственнымъ участкомъ, но часто исполнялъ обязанности городского слѣдователя и также слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ.

Дѣла, гдѣ требовалось знаніе человѣческой души, гдѣ нужно было выяснить всѣ условія, приведшія обвиняемаго къ совершенію преступленія, попадались очень рѣдко.

Привлекать обвиняемыхъ приходилось на основаніи свидѣтельскихъ показаній. О свидѣтельскихъ показаніяхъ много писалось, собственно о психологіи этихъ показаній. Объ одномъ и томъ же фактѣ 3 или 4 свидѣтеля-очевидца даютъ разныя показанія. Я уклонюсь нѣсколько въ сторону и разскажу слѣдующій случай:

Въ большомъ торговомъ селѣ Елховка, Самарскаго уѣзда, въ одно лѣто происходили частые по-

жары. Подозрѣнія въ поджогѣ падали на Ивана Хохлова и Ивана Хрѣнова. Оба они вели разгульный образъ жизни. Въ пьяномъ видѣ имѣли обыкновеніе грозить: «Я те пѣтуха пущу!», т. е. подожгу. Ихъ часто сажали въ кутузку, привлекали къ дознанію, производилось слѣдствіе по обвиненію ихъ въ поджогѣ, но дѣла прекращались за отсутствіемъ серьезныхъ уликъ. Какъ-то разъ, ночью, получаю я донесеніе отъ полицейскаго урядника о большомъ пожарѣ съ человѣческими жертвами въ селѣ Елховкѣ. Дознаніемъ установлено было, что поджогъ совершенъ Иваномъ Хохловымъ и Иваномъ Хрѣновымъ. Въ виновности этихъ лицъ сомнѣваться нельзя было, такъ какъ двѣ женщины, возвращаясь поздно вечеромъ домой, видѣли, какъ отъ мѣста, гдѣ начался пожаръ, бѣжали эти оба Ивана, и, пробѣжавъ мимо нихъ, скрылись. Эти обѣ женщины хорошо въ лицо видѣли заподозрѣнныхъ, при чемъ у Ивана Хохлова въ рукахъ было даже что-то въ родѣ обгорѣлой тряпки или пакли. Кромѣ того, за нѣсколько дней до пожара, Хохловъ повздорилъ съ сыномъ хозяина того дома, съ котораго начался пожаръ, и грозилъ ему словами: «Я-те краснаго пущу!» Самихъ Хрѣнова и Хохлова не оказалось, когда полиція явилась въ ихъ домъ. Родные сказали, что дня 2-3 тому назадъ они ушли, а куда, не извѣстно. Представьте мое удивленіе при чтеніи этого дознанія. Оказалось, что эти самые парни, Хрѣновъ и Хохловъ дня за 2 до поджога въ Елховкѣ, были на базарѣ въ селѣ «Старомъ - Буянѣ», гдѣ была моя квартира и за буйство были арестованы при волостномъ правленіи, гдѣ содержались все время до полученія мною дознанія. Такимъ образомъ, въ вечеръ пожара они были въ 30-ти верстахъ отъ села Елховки. Такъ какъ причину пожара приписывали поджогу, я поѣхалъ въ Елховку и приступилъ къ слѣдствію. Мнѣ интересно

было разспросить женщинъ, видѣвшихъ Хрѣнова и Хохлова въ вечеръ пожара. Явились двѣ солидныя женщины. Онѣ не знали, что оговариваемые ими Иваны сидятъ подъ арестомъ въ «Старомъ-Буянѣ». Каждая изъ этихъ женщинъ врозь и обѣ вмѣстѣ настойчиво и убѣжденно доказывали, что отъ мѣста пожара побѣжали эти Иваны, что хотя это было вечеромъ, но онѣ ихъ признали, такъ какъ они пробѣжали близко отъ нихъ, что бѣжали они безъ шапокъ, въ распояску; расходились свидѣтельницы только въ небольшомъ: одна показала, что впереди бѣжалъ Хрѣновъ, а другая — Хохловъ.

Я увѣщевалъ ихъ припомнить всѣ обстоятельства, указывая имъ, что слишкомъ тяжелое наказаніе грозитъ Иванамъ, но свидѣтельницы стояли на своемъ. Лишь тогда, когда я подробно имъ объяснилъ, что эти Иваны не могли совершить поджога, такъ какъ они были въ тотъ вечеръ въ 30-ти верстахъ отъ мѣста поджога, онѣ нѣсколько смутились и одна изъ нихъ, обращаясь къ другой, говоритъ:

— Что же, тетя Матрена, неужели мы ошиблись, вѣдь пробѣжали-то они мимо насъ...

Слѣдствіемъ установлена была причина пожара. Работникъ хозяина загорѣвшагося дома, вернувшись съ поля домой, поужиналъ, легъ на сѣновалъ, закурилъ, обронилъ огонь, сѣно загорѣлось и разыгрался пожаръ. Этотъ случай крайне меня заинтересовалъ; давали ли свидѣтельницы ложныя показанія? Спеціалисты - психіатры объяснили, что въ данномъ случаѣ было чисто гипнотическое явленіе. Когда начался пожаръ, о которомъ я пишу, двое парней, ничего общаго не имѣющихъ съ Хохловымъ и Хрѣновымъ, опасаясь распространенія огня, побѣжали задами домовъ къ себѣ. Женщины такъ убѣждены были, что поджогъ сдѣланъ былъ Иванами, что въ бѣжавшихъ парняхъ признали

ихъ, и до такой степени были увѣрены въ этомъ, что видѣли въ рукахъ поджигателей даже паклю или обгорѣлую тряпку.

Въ данномъ случаѣ я имѣлъ дѣло съ загипнотизированными свидѣтелями. Но какая масса была свидѣтелей, дававшихъ умышленно ложныя показанія по дѣламъ кулаковъ, міроѣдовъ.

Какъ я выше сказалъ, въ руки правосудія попадали люди «со дна», или опускавшіеся «на дно». Рѣдко приходится видѣть человѣка вполнѣ порочнаго. Большей частью предъ тобой обыкновенный человѣкъ, по недоразумѣнію или по несчастному стеченію обстоятельствъ сдѣлавшійся преступникомъ. Вчерашній «кумъ Петръ» — сегодня обвиняемый Петръ Сергѣевъ. Я говорю преимущественно о крестьянской средѣ.

Отношенія крестьянъ къ преступникамъ вообще какое-то особенное. У меня въ памяти слѣдующая картина: я допрашивалъ обвиняемаго крестьянина Петра Сергѣева. Онъ обвинялся въ убійствѣ нѣкоего Никифорова. При допросѣ присутствовала жена убитаго Матрена. Во время показанія Сергѣева, жена убитаго говоритъ ему:

— Что ты, кумъ Петръ, вѣдь ты пришелъ съ полѣномъ, а не поднялъ на полу у насъ.

А онъ ей въ отвѣтъ:

— Матрена, побойся Бога, убилъ я Петровича вашимъ же полѣномъ.

Только немногія дѣла давали мнѣ удовлетвореніе и скрашивали мою судебную дѣятельность. Это дѣла, гдѣ слѣдователь, дѣйствуя по судебнымъ уставамъ, является защитникомъ угнетенныхъ. Я имѣю въ виду дѣла, гдѣ обвиняемыми являлись забитыя женщины.

Особенно памятенъ мнѣ слѣдующій случай: Дубово-Уметская волость, Самарскаго уѣзда, сла-

вилась въ началѣ 80-хъ годовъ «снохачествомъ». Какъ то разъ мнѣ дали знать, что въ одной изъ деревень Дубово-Уметской волости, молодая крестьянка бросилась въ колодезь, но ее спасли. Хотя покушенія на самоубійство были подсудны церковному суду, но когда такое покушеніе совершалось вслѣдствіе жестокаго обращенія съ покушавшимся со стороны лицъ, имѣющихъ физическую или нравственную власть надъ послѣднимъ, тогда это покушеніе является подсуднымъ окружному суду. Объ этомъ происшествіи мнѣ оффиціально не было донесено, такъ какъ женщину вытащили живой изъ колодца, и она, боясь дальнѣйшихъ преслѣдованій, на допросѣ заявила мѣстной сельской власти, что она нечаянно попала въ колодезь. Такъ какъ покушавшаяся была снохой мѣстнаго «богатѣя», вліятельнаго міроѣда, слывшаго за «снохача», я поручилъ волостному правленію донести мнѣ объ этомъ происшествіи и, нарушая нѣкоторыя формальности, приступилъ къ производству слѣдствія. Сталъ я допрашивать сноху. Это была довольно красивая молодая женщина, стройная, съ большими синими глазами. Сначала она боялась говорить правду, но затѣмъ, видя, что съ ней обращаются по человѣчески, разсказала мнѣ обычную исторію. Сирота, она выдана была замужъ за сына мѣстнаго богача. О любви въ данномъ случаѣ говорить не приходится. Не имѣя приданаго, она подчинилась волѣ матери и родственниковъ, вышла замужъ и стала жить съ мужемъ въ домѣ свекра. Мужъ ея, 18-лѣтній юноша, былъ малорослымъ, невзрачнымъ и болѣзненнымъ. Во всемъ слушался своего отца. Отецъ былъ здоровый крестьянинъ лѣтъ 42-43, съ большой окладистой бородой, богобоязненный, строгихъ правилъ въ жизни, слылъ за степеннаго

мужика. Въ домѣ онъ неограниченно властвовалъ; жена, какъ всѣ русскія крестьянскія жены, рано состарилась, совсѣмъ старуха. Она была въ полномъ подчиненіи у своего мужа, — Петра Иваныча, какъ она его всегда величала. Петръ Иванычъ сталъ заглядываться на свою сноху Лизу. Послѣдняя, хотя и не любила мужа, но «жалѣла» его и считала себя обязанной быть ему вѣрной,не только по церковному закону, но и по совѣсти. Два года она жила съ мужемъ, дѣтей у нея не было. Приставанія свекра причиняли ей боль, но она никому не жаловалась. даже своей родной матери, боялась опечалить ее, такъ какъ по бѣдности, мать пользовалась подачками Петра Иваныча. Возстановить мужа противъ отца она считала очень большимъ грѣхомъ. Замѣчала козни Петра Иваныча лишь жена его — забитая женщина, притворявшаяся, что ничего не замѣчаетъ. Лиза плакала, умоляла П. Ив. не совершать великаго грѣха передъ Богомъ и людьми, но богобоязненный Петръ Иванычъ не унимался, и вотъ разъ ночью, пользуясь тѣмъ, что сынъ былъ въ полѣ съ лошадьми, а жена спала во дворѣ въ мазанкѣ, онъ забрелъ къ снохѣ и изнасиловалъ ее. Это такъ повліяло на несчастную женщину, что она бросилась въ колодезь.

Разслѣдовать дѣло было очень трудно, такъ какъ все общество было противъ снохи. Оказалось, что этотъ «грѣхъ» въ большой модѣ у крестьянъ той волости. Путемъ судебно - медицинскаго освидѣтельствованія удалось установить, что, вслѣдствіе болѣзни мужа, Лиза до изнасилованія ее свекромъ была цѣломудренной. Результатомъ слѣдствія было слѣдующее. Петръ Иванычъ выдѣлилъ сына, отвелъ ему отдѣльный хуторъ, гдѣ молодые поселились вмѣстѣ съ матерью Лизы, а Петръ Иванычъ, отбывъ наказаніе, бросилъ село и ушелъ на новыя земли въ Сибирь. Этотъ случай произвелъ

сильное впечатлѣніе на всю окрестность, объ этомъ дѣлѣ долго говорили.

Населеніе, въ особенности крестьянское, повидимому,поняло значеніе новой судебной власти и съ уваженіемъ относилось ко мнѣ и къ моимъ предшественникамъ. Но слѣдующій случай показалъ мнѣ истинный взглядъ крестьянъ на власть. Въ двухъ верстахъ отъ села Богдановки, Самарскаго уѣзда, нашли тѣло съ признаками насильственной смерти. Пріѣзжалъ полицейскій урядникъ, за нимъ примчался становой приставъ; пріѣхалъ и я. Такъ какъ время было лѣтнее, погода стояла хорошая, то, вмѣсто того, чтобы ѣхать на вскрытіе, мы отправились съ врачемъ пѣшкомъ. Я отдѣлился отъ него и пошелъ съ группой крестьянъ. Тутъ былъ сельскій староста, понятые и солидные домохозяева, народъ степенный. Дорогой мы разговорились:

— Что, — сказалъ я, — былъ урядникъ, смотрѣлъ тѣло?

Староста отвѣтилъ.

— А вѣдь, — говорю я, — онъ могъ и не пріѣзжать, вѣдь полицейскій сотскій смотрѣлъ тѣло съ однимъ изъ понятыхъ.

— Вѣстимо, могъ бы не пріѣзжать, безъ него смотрѣли, новаго не прибавить.

— А что, становой тоже былъ?

— Вѣстимо, былъ, да какъ ему не быть-то?

Я говорю:

— Могъ и не пріѣзжать: вѣдь тѣло смотрѣли сотникъ и урядникъ.

Мои спутники согласились съ моимъ мнѣніемъ:

— Вѣстимо, могъ и не пріѣзжать, безъ него обошлось бы.

Идемъ дальше, я говорю:

— Погода хорошая, только очень жарко, я тоже могъ и не прiѣзжать, за сто верстъ.

Они отвѣчаютъ, немного колеблясь:

— Вѣстимо, Ваше Благородiе, чего въ такую жару безпокоиться, и безъ вашей милости обошлись бы. Зачѣмъ безпокоить высшее начальство. Сотскiй все смотрѣлъ, все описалъ, чего еще больше.

Въ это время ожидали прiѣзда Самарскаго губернатора А. Ф. Свербеева, который очень любилъ «отечески» бесѣдовать на сходкахъ съ крестьянами. Я говорю:

— Слышно, что губернаторъ ѣдетъ; я полагаю, что въ такую пору ему прiѣзжать-то не надо.

Мои собесѣдники тутъ же со мною согласились и въ результатѣ разговора я вынесъ впечатлѣнiе, что, по мнѣнiю крестьянъ, **весь чиновничiй аппаратъ** безполезенъ. Когда я прiѣзжалъ послѣ этого разговора въ какое нибудь село, гдѣ меня ожидали крестьяне, я всегда припоминалъ этотъ разговоръ и сознавалъ, что всѣ эти люди, ожидавшiе моего прiѣзда и, повидимому, привѣтливо меня встрѣчавшiе, — считали мой прiѣздъ и всю мою дѣятельность ненужной.

Воображаю, какъ пораженъ былъ бы земскiй начальникъ, если бы услышалъ правдивое слово подвѣдомственныхъ ему крестьянъ о пользѣ, какую онъ приноситъ своей дѣятельностью! Какъ судебному слѣдователю, мнѣ часто приходилось сталкиваться съ земскими начальниками. Интересенъ былъ этотъ институтъ. Земскiе начальники, по мысли петербургской бюрократiи, должны были быть близкой къ народу властью, имѣть «отеческое» попеченiе о крестьянахъ, слѣдить за ихъ нравственностью и даже за ихъ образомъ жизни и мысли, за веденiемъ ихъ хозяйства. Въ земскiе начальники назначались преимущественно дворяне, мѣст-

ные землевладѣльцы - помѣщики. Они были не только администраторами, но и судьями. Къ нимъ перешли всѣ функціи мировыхъ судей. Въ первое время, нѣкоторые идейные дворяне, полагая, что они могутъ быть полезными крестьянству, пошли въ земскіе начальники, но скоро они убѣдились не только въ безполезности, но даже во вредѣ этого института. Они ушли. Разорившіеся помѣщики, неудачники, военные, бывшіе полицейскіе чиновники, все это шло въ земскіе начальники и стало хозяйничать. Помѣщики, разоривъ свои имѣнія, стали учить крестьянъ «разумному» веденію хозяйства. Покутивши вдоволь, стали проповѣдывать нравственность.

За весьма рѣдкими исключеніями, почти всѣ земскіе начальники не пользовались ни довѣріемъ, ни уваженіемъ со стороны крестьянства и крестьяне невольно сравнивали ихъ съ упраздненными выборными мировыми судьями. Среди земскихъ начальниковъ были и довольно добродушные люди, старые отставные маіоры, знавшіе толкъ только въ охотѣ, въ собакахъ; они законовъ не признавали, считая, что прежде всего крестьяне должны любить и почитать начальство. Власть земскихъ начальниковъ была почти неограниченная. По своему усмотрѣнію, за неисполненіе законныхъ мѣръ и распоряженій, они могли подвергать крестьянъ аресту; а что такое законное распоряженіе? Земскій начальникъ не давалъ себѣ труда уяснить это.

Помню такой случай: въ селѣ Екатериновкѣ, Самарскаго уѣзда, земскимъ начальникомъ былъ отставной маіоръ Варпаховскій. Какъ-то разъ пріѣзжаю лѣтомъ на пароходную пристань Екатериновки, верстахъ въ восьми отъ села. Обыкновенно за мною изъ Екатериновки высылали лошадей, но на этотъ разъ послѣднихъ не было. Я кое-какъ добрался до Екатериновки и узналъ, что земскій ям-

щикъ и его сынъ не могли выѣхать за мной, такъ какъ они были арестованы земскимъ начальникомъ Варпаховскимъ за то, что они не выѣхали за нимъ въ какое-то село. Когда я, въ разговорѣ, замѣтилъ Варпаховскому, что онъ законнаго права на требованіе земскихъ лошадей не имѣетъ и что въ данномъ случаѣ со стороны земскаго ямщика никакого проступка не было, Варпаховскій добродушно удивился, сказавъ:

— Помилуйте, вѣдь я земскій начальникъ, попечитель народа, какъ же мнѣ не наказать ямщика, если онъ не выѣхалъ за мной?

Варпаховскій былъ добродушный типъ, а какъ держали себя молодые, бывшіе поручики?... Часто они сами разбирали дѣла, въ которыхъ считали себя потерпѣвшими и приговаривали противную сторону къ наказанію. Въ первое время петербургскія сферы смотрѣли на нихъ, какъ на ангеловъ -хранителей. Предводитель дворянства (онъ же былъ въ то же время предсѣдателемъ съѣзда земскихъ начальниковъ) на жалобы на дѣйствія послѣднихъ смотрѣлъ, какъ на уронъ престижа дворянскаго сословія. Губернаторы тоже руководились циркулярами свыше и, въ особенности въ первое время, оберегали этотъ институтъ. До сената дѣла о земскихъ начальникахъ рѣдко доходили. Извѣстность пріобрѣло дѣло земскаго начальника Протопопова, который былъ, къ удивленію, кандидатомъ правъ. Оберъ-прокуроръ сената А. Ф. Кони, давая заключеніе по этому дѣлу, назвалъ Протопопова не кандидатомъ правъ, а кандидатомъ безправія. Съ судебнымъ вѣдомствомъ этотъ институтъ, конечно, не могъ мириться, и положеніе судебныхъ слѣдователей бывало иногда очень тяжелое. Нужно было старательно оберегать свое «я» отъ посягательствъ отцовъ - попечителей народа. Земскіе начальники пробовали было вмѣшиваться въ производства до-

знанія по уголовнымъ дѣламъ, давать свои отзывы о «вредныхъ» крестьянахъ, подозрѣвавшихся въ совершеніи преступленій, но всѣ судебные слѣдователи, хотя не находили поддержки со стороны высшей судебной власти, все таки давали отпоръ такимъ притязаніямъ земскихъ начальниковъ. Съ теченіемъ времени этотъ институтъ доказалъ всю свою неспособность не только быть руководителемъ крестьянской жизни, но вообще дѣлать что-нибудь полезное. Объ его упраздненіи стали говорить даже въ «сферахъ».

Хочется упомянуть еще объ одномъ элементѣ, съ которымъ мнѣ, какъ судебному слѣдователю, приходилось сталкиваться — о духовенствѣ.

Духовенство совершенно равнодушно относилось къ моему еврейству. Его не шокировало, что я, еврей, часто приводилъ православныхъ свидѣтелей къ присягѣ, что я при производствѣ слѣдствія вырывалъ покойниковъ, преданныхъ землѣ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ православной церкви. Они видѣли во мнѣ власть и подчинялись ей. Отношенія мои къ духовенству были очень корректны. У нѣкоторыхъ священниковъ я запросто бывалъ. Не могу не упомянуть о моихъ близкихъ отношеніяхъ къ двумъ священникамъ, о которыхъ я уже упомянулъ въ своихъ воспоминаніяхъ, о священникѣ села Стараго-Буяна, Самарскаго уѣзда, Помрясинскомъ и о самарскомъ протоіереѣ Лаврскомъ. Они знали, что я, какъ еврей, часто принимаю самое горячее участіе въ еврейскихъ общественныхъ дѣлахъ.

Священникъ Помрясинскій былъ глубоко вѣрующій, и какъ истинно вѣрующій уважалъ религіозныя убѣжденія людей иного вѣроисповѣданія. Въ его приходѣ было много молоканъ; онъ не только ихъ не преслѣдовалъ, но даже они находили въ немъ всегда защиту.

Съ протоіереемъ Лаврскимъ мы были довольно близко знакомы и дружны. Европейски - образованный человѣкъ, товарищъ Чернышевскаго и Добролюбова, онъ находился съ ними въ перепискѣ. Протоіерей Лаврскій извѣстенъ былъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ, какъ либералъ, но его терпѣли. Лаврскій, несмотря на уваженіе, съ которымъ къ нему относились даже и его недоброжелатели, часто долженъ былъ оправдываться передъ высшимъ духовенствомъ, такъ какъ на него посылались всякаго рода доносы, въ особенности, когда архіереемъ былъ извѣстный въ исторіи по преслѣдованію сектантовъ въ Самарской епархіи, сподвижникъ Побѣдоносцева,—преосвященный Гурій. Послѣдній отбиралъ дѣтей у сектантовъ и отдавалъ ихъ на воспитаніе православнымъ. Сколько слезъ было пролито родителями, какъ больно было намъ, представителямъ правосудія, стоять въ сторонѣ, быть свидѣтелями попранія самыхъ священныхъ правъ человѣка! Гражданская власть, въ особенности слѣдственная, была безсильна въ этомъ вопросѣ.

Какъ я сказалъ, въ Самарской губерніи, въ особенности Самарскомъ уѣздѣ, большая часть земель была государственной или удѣльной собственностью. Помѣщичьихъ или дворянскихъ было очень мало. Изъ дворянъ Самарскаго уѣзда особенно выдѣлялись Самарины, извѣстные славянофилы, друзья Аксаковыхъ. Кто изъ путешественниковъ по Волгѣ не любовался дворцами Самариныхъ въ ихъ имѣніи Спасскомъ, между Сызранью и Самарой? Домъ построенъ на горѣ и далеко виденъ. Братья Дмитрій и Юрій Самарины лѣтомъ пріѣзжали въ Спасское, зимою же жили въ Москвѣ. Впрочемъ, Юрій Самаринъ бывалъ и зимою въ Спасскомъ. Юрій Федоровичъ Самаринъ — извѣстный публицистъ много писавшій о прибалтійскихъ нѣмцахъ

и объ отношеніяхъ послѣднихъ къ латышамъ. Ярый славянофилъ, человѣкъ кристаллической чистоты, онъ искалъ сближенія съ народомъ, съ крестьянствомъ, и насколько я могъ судить по бесѣдамъ крестьянъ, Юрій Федоровичъ былъ искренно преданъ крестьянскимъ интересамъ. Онъ скончался задолго до моего пріѣзда въ Самарскій уѣздъ. Я любилъ бесѣдовать съ крестьянами о быломъ времени, о крѣпостномъ правѣ. Эти было въ концѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, когда крѣпостное право было еще въ памяти всѣхъ. Помню, разъ я поѣхалъ изъ одного села Озерелка, Спасской волости, принадлежащаго также Самарину. Старикъ ямщикъ много разсказывалъ о Юріи Самаринѣ и между прочимъ разсказалъ, какъ послѣдній со слезами на глазахъ умолялъ крестьянъ взять большой надѣлъ. Но крестьяне, хотя и почитали Ю. Ф., но все же видѣли въ немъ помѣщика-барина и достаточно недовѣрчиво къ нему относились, думали, что онъ хочетъ обмануть ихъ.

Впослѣдствіи они на горькомъ опытѣ убѣдились, какъ несправедливо отнеслись къ нему, но было уже поздно.

Спустя нѣкоторое время, мнѣ пришлось лично познакомиться съ семьей Самариныхъ. Д. Ф. произвелъ на меня впечатлѣніе начитаннаго и образованнаго человѣка. За завтракомъ, я познакомился со всей его семьей, въ томъ числѣ съ его сыномъ, совсѣмъ еще юнымъ Александромъ, впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ Синода при Николаѣ II. Министромъ внутреннихъ дѣлъ тогда былъ графъ Толстой, извѣстный реакціонеръ, гонитель свободы и просвѣщенія. Самаринъ отрицательно относился къ Толстому и его дѣятельности и, разставаясь со мной, далъ мнѣ 2 или 3 брошюры заграничнаго изданія, въ которыхъ освѣщалась дѣятельность Толстого и всей бюрократіи.

Разговорившись, мы естественно перешли къ еврейскому вопросу. Отдавая должную дань исторической роли юдаизма, Д. Ф. опасался критическаго духа евреевъ.

Не безъ удовольствія вспоминаю также извѣстныхъ земцевъ В. М. Карамзина, потомка историка, Жемчужниковыхъ, Булыгина и Хардина.

Съ однимъ изъ послѣднихъ, съ извѣстнымъ психіатромъ В. Н. Хардинымъ мы поддерживали самыя дружескія отношенія.

Я писалъ о дворянахъ болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія. Какъ мнѣ не вспомнить о самомъ интересномъ классѣ русской интеллигенціи: о земскихъ учителяхъ, учительницахъ, врачахъ, и т. д.? Они всѣ несли неоцѣненную службу крестьянству и были скромными тружениками и труженницами. Мнѣ, пробывшему четверть вѣка въ должности уѣзднаго судебнаго слѣдователя, дана была возможность познакомиться близко съ этими симпатичными людьми. Какая преданность своему дѣлу, какое подвижничество. Многіе шли въ учителя не изъ-за куска хлѣба, а изъ горячаго желанія быть полезнымъ народу, жить съ народомъ. Русская женщина 70-80-хъ годовъ страстно стремилась къ высшему образованію, но доступъ къ послѣднему былъ затрудненъ. И вотъ дѣвушки, не имѣя взоможности отправляться на курсы, мечтая быть полезными народу, шли въ земскія учительницы и фельдшерицы. Большинство жило въ глуши, въ небольшомъ селѣ, гдѣ были только одноклассныя училища и тамъ земская учительница прозябала одна въ глуши съ тяжелой задачей «просвѣтить народъ». За этой трудящейся земской интеллигенціей наблюдали: предводитель дворянства, онъ же предсѣдатель училищнаго совѣта, инспекторъ народныхъ училищъ, членъ земской управы, исправникъ и становой, полицейскій

урядникъ, волостной старшина и въ особенности волостной писарь. Я уже не говорю о священникахъ, преподававшихъ Законъ Божій и наблюдавшихъ за тѣмъ, какія книжки даетъ учитель или учительница дѣтямъ и какія они сами читаютъ.

Особенно доставалось учителямъ и учительницамъ отъ волостныхъ писарей и полицейскихъ урядниковъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ учебному дѣлу.

Въ жизни я много сталкивался съ людьми и пришелъ къ заключенію, что у каждаго человѣка есть желаніе властвовать, проявить свое «я». Помню, когда я былъ въ Мозырской гимназіи, дворникомъ тамъ былъ полякъ - бобыль и жилъ онъ въ конурѣ со своей собачкой. Никто «паномъ» его не называлъ, а быть паномъ ему очень хотѣлось и вотъ онъ пріучилъ свою собачку, и послѣдняя на его зовъ: «Ходзь до пана», подбѣгала къ нему. Панами по отношенію къ земскимъ учителямъ и учительницамъ хотѣли быть и волостные писаря.

Обыкновенно, жалованіе учительскому персоналу платило земство. Отопленіе школы и освѣщеніе таковой лежало на обязанности мѣстнаго сельскаго общества. Вотъ здѣсь-то и проявлялось отношеніе крестьянъ къ своимъ слугамъ, отдававшимъ ему свою душу и сердце, — отношеніе, рисующее съ нехорошей стороны темное, забитое крестьянство. На земскихъ учительницъ крестьяне, въ особенности въ началѣ земской реформы, смотрѣли свысока:

— Баба, какая же она учительница?

А затѣмъ, имъ не нравилось отвлеченіе мальчиковъ отъ домашней работы и, если принять во вниманіе частыя интриги со сотроны «пановъ», то легко себѣ представить положеніе этихъ идейныхъ работниковъ, зависѣвшихъ отъ крестьянскаго общества. Забитый, темный народъ, только что осво-

бодившійся отъ крѣпостного ига, тоже хотѣлъ властвовать, а надъ кѣмъ можно властвовать, какъ не надъ беззащитными учительницами, большей частью находящимся въ подозрѣніи у высшаго начальства? Пресмыкаясь передъ власть имущими, крестьяне требовали того же отъ людей, находившихся хотя бы въ небольшой зависимости отъ нихъ. Часто приходилось слышать жалобы учителей и учительницъ на то, что крестьяне не даютъ дровъ, приходится мерзнуть, что крестьянки не только не берутъ съ нихъ дешевле за молочные продукты, но даже дороже. Конечно, наблюдались болѣе отрадныя исключенія въ отношеніи крестьянъ къ школѣ, но общая картина отъ этого не мѣняется.

Съ удовольствіемъ вспоминаю о часахъ, проведенныхъ среди этихъ чистыхъ людей. Какъ пріятно было, послѣ утомительныхъ допросовъ по дѣламъ, не дававшими ни уму, ни сердцу, а оставлявшимъ горькій осадокъ отъ сознанія трудности твоей работы, — какъ пріятно было пойти въ гости къ этимъ скромнымъ, идейнымъ труженникамъ.

Любили они мои посѣщенія, въ особенности, когда я возвращался изъ Москвы или изъ Петербурга и передавалъ имъ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія мною редакцій журналовъ и газетъ. Бывало, неловко чувствуешь себя, когда на тебя уставятся большіе вдумчивые глаза и ловятъ каждое твое слово. Милые иделисты и идеалистки, земскіе учителя и учительницы 70-80-хъ годовъ!

Земская медицина, старые земскіе врачи! Какое обаяніе въ этихъ словахъ, сколько свѣта внесли земскіе врачи въ темную массу крестьянства и въ ея жизнь. Пріѣзжая въ село, гдѣ жилъ земскій врачъ, я непремѣнно навѣщалъ его.

Земскій врачъ (конечно, были исключенія) держалъ себя свободно, независимо. Въ кабинетѣ у не-

го на стѣнахъ висѣли портреты Пирогова, Вирхова, Дарвина и другихъ, а на столѣ лежалъ неизмѣнно медицинскій журналъ «Врачъ», редакторомъ котораго былъ извѣстный профессоръ Менасеинъ. Собственно, журналъ «Врачъ», хотя и помѣщалъ статьи по медицинѣ, но громадное значеніе онъ имѣлъ въ вопросахъ врачебной этики. Журналъ порицалъ всякія анти-общественные поступки врачей. Такое этическое воспитаніе было необходимо для молодого института земскихъ врачей.

Съ земскими врачами я часто встрѣчался, я пользовался случаемъ приглашать ихъ на вскрытія и на различнаго рода освидѣтельствованія. Черезъ нихъ я познакомился съ мѣстной сельской жизнью, съ характеромъ среды потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ, такъ что допрашивая (въ особенности обвиняемыхъ) я часто зналъ условія, подъ вліяніемъ которыхъ ими совершены были преступленія.

Мои воспоминанія были бы крайне не полны, если бы я не упомянулъ въ нихъ о начальствѣ среднихъ учебныхъ заведеній, о всѣхъ этихъ директорахъ, инспекторахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Со всѣмъ этимъ міромъ мнѣ часто приходилось сталкиваться, не только, какъ человѣку, принимавшему дѣятельное участіе во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ города Самары, но, въ особенности, какъ еврею, единственному представителю еврейства въ правительственныхъ сферахъ Самарской губерніи. Для еврейскихъ дѣтей, какъ извѣстно, были установлены особые драконовскіе законы для ихъ пріема въ гимназію и другія учебныя заведенія. Положеніе еврейскихъ дѣтей, желавшихъ учиться, было очень печальное. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Самара, была всего одна гимназія и одно реальное училище, частныхъ

среднихъ учебныхъ заведеній вовсе не было. Послѣ циркуляра министра народнаго просвѣщенія Делянова о «кухаркиныхъ дѣтяхъ», положеніе еврейскихъ дѣтей еще болѣе ухудшилось. Каждый попечитель учебнаго округа, а за нимъ директора, стали разно толковать выраженіе о «кухаркиныхъ дѣтяхъ». Что значитъ «кухаркинъ сынъ» или «кухаркина дочь»? Попечителя и директора гимназіи толковали широко этотъ циркуляръ и, когда обращались за разъясненіемъ къ высшей власти въ Петербургскій центръ, то получали отвѣты о необходимости широко и «разумно» толковать этотъ циркуляръ. Подъ понятіемъ «кухаркины дѣти» подходили всѣ жившіе своимъ трудомъ, не принадлежавшіе къ привиллегированному сословію. Всѣ еврейскія дѣти, за небольшими исключеніями, были подведены подъ категорію «кухаркиныхъ дѣтей». Двери учебныхъ заведеній передъ ними закрывались, а для дѣтей привиллегированныхъ еврееевъ была другая мѣра, заграждавшая имъ путь къ образованію: знаменитая процентная норма, введенная въ концѣ 80-хъ годовъ для еврейскихъ дѣтей.

Май мѣсяцъ, время пріема въ учебныя заведенія, по справедливости, могъ называться мѣсяцемъ избіенія еврейскихъ младенцевъ. Что чувствовали дѣти, видя такую несправедливость?

По поводу пріема евреевъ въ гимназію, мнѣ и приходилось посѣщать учебное начальство. Надо было обладать большимъ хладнокровіемъ и большимъ тактомъ, чтобы директоръ не считалъ, что вы «учите его законамъ». Въ особенности щекотливъ былъ вопросъ о процентномъ отношеніи. По закону въ Самарской гимназіи евреевъ принимали въ 5-ти процентномъ отношеніи, т. е. на каждыхъ 100 христіанъ 5 евреевъ. Если было 110 христіанъ, то евреевъ могло быть принято 5½. Вотъ относи-

тельно этой половины у меня велись бесѣды съ директорами. Я доказывалъ директорамъ, что въ данномъ случаѣ надо дѣйствовать по аналогіи, что всякое сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго и если даже стать на точку зрѣнія, что всѣ еврейскія дѣти подсудимыя, обвиняемыя въ тяжкомъ преступленіи, то и тогда слѣдуетъ на 110 христіанъ принять 6 евреевъ, такъ какъ при всемъ желаніи нельзя было разрѣзать еврейскаго мальчика на двѣ части.

Я имѣлъ бесѣду съ авторомъ циркуляра о «кухаркиныхъ дѣтяхъ», министромъ народнаго просвѣщенія Иваномъ Давидовичемъ Деляновымъ. Интересна психологія человѣка. Мнѣ казалось, какъ грозенъ долженъ быть этотъ министръ Россійской Имперіи. Въ дѣйствительности Иванъ Давидовичъ, производилъ впечатлѣніе даже добродушнаго человѣка. Жилъ онъ въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, во дворѣ Армянской церкви. Онъ до такой степени былъ доступенъ, что многіе люди шутки ради заходили къ нему на квартиру погрѣться.

Обратился я къ Делянову по слѣдующему поводу: братъ моей жены, окончивъ Самарское реальное училище, какъ еврей, изъ-за процентной нормы въ теченіе трехъ лѣтъ не могъ попасть въ высшее учебное заведеніе. Я рѣшилъ лично поѣхать къ Делянову. Когда я пришелъ на его квартиру, дверь мнѣ открылъ старый лакей, въ довольно затрапезномъ фракѣ, и, указывая на кабинетъ Делянова, предложилъ зайти безъ доклада. Я не послѣдовалъ его совѣту, такъ какъ дверь въ кабинетъ была открыта и я видѣлъ, что тамъ сидитъ какой-то господинъ, бесѣдующій съ Деляновымъ. Вскорѣ послѣдній вышелъ и я вошелъ безъ доклада въ кабинетъ Делянова. Началъ онъ со мной бесѣду по поводу моего ходатайства о пріемѣ моего

родственника въ высшее спеціальное учебное заведеніе. Узнавъ, что я еврей, Деляновъ сказалъ, что время для евреевъ тяжелое, все ограничиваютъ ихъ, да ограничиваютъ, при чемъ, обратившись ко мнѣ, немного удивленно спросилъ:

— Какъ случилось, что вотъ вы, еврей, а занимаете постъ судебнаго слѣдователя? Вѣдь это единоличная власть, гдѣ вамъ приходится сталкиваться съ гущей русскаго народа?

И, повидимому, онъ былъ удивленъ, когда я разсказалъ ему нѣсколько случаевъ, характеризовавшихъ терпимость и отсутствіе враждебности крестьянства къ иновѣрцамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ. Говорилъ онъ много о правѣ жительства евреевъ. Очень интересовался отношеніемъ крестьянскаго населенія ко мнѣ.

Какъ я сказалъ, въ мартѣ 1904 года я пріѣхалъ въ Саратовъ, получивъ тамъ мѣсто члена Окружнаго суда.

САРАТОВЪ.

ГАЛВА ПЕРВАЯ

По внѣшнему виду, по характеру и составу населенія — Саратовъ рѣзко отличается отъ Самары.

Саратовъ — столица Поволжья, старый культурный центръ. Саратовская губернія — дворянская. Нѣкоторые уѣзды даже ультра-дворянскіе. Если Саратовъ далъ Чернышевскаго, Пыпина и многихъ революціонныхъ дѣятелей, какъ Бальмашевъ то Саратовская губернія дала и яркихъ представителей противоположнаго лагеря; она дала яраго защитника самодержавія, извѣстнаго П. Н. Дурново, министра внутреннихъ дѣлъ, Акимова, бывшаго министра юстиціи, а впослѣдствіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта, зажимавшаго ротъ престарѣлымъ членамъ Государственнаго Совѣта, рѣшавшимся болѣе или менѣе критически относиться къ мѣропріятіямъ правительства.

Саратовъ далъ также П. А. Столыпина и, наконецъ, саратовское дворянство дало извѣстнаго «дворянина Павлова», который смущалъ своими крѣпостнически-дворянскими взглядами самыхъ правовѣрныхъ дворянъ.

Однимъ словомъ, выбирай чего хочешь: яраго соціалиста и яраго крѣпостника.

Хотя до 1904 года я раза два былъ въ Саратовѣ, но, пріѣхавъ въ 1904 году, я очутился въ совершенно новомъ для меня городѣ. Все имѣло свою опредѣленную физіономію: въ то время, какъ въ Сама-

рѣ, первенствующую роль играло купечество, — въ Саратовѣ на первомъ мѣстѣ была интеллигенція; она, да еще дворянство, давали тонъ мѣстной жизни. Были въ Саратовѣ и богатые купцы, но вліяніе ихъ ограничивалось биржей.

Хотя въ Саратовѣ въ процентномъ отношеніи было меньше евреевъ, чѣмъ въ Самарѣ, но саратовское еврейство было культурнѣе и интеллигентнѣе, что, конечно, зависѣло отъ общаго характера населенія. Среди евреевъ было много врачей, инженеровъ, юристовъ.

Надо было познакомиться съ судомъ — представляться предсѣдателямъ судебной палаты и суда, быть у губернатора, прокурора палаты, однимъ словомъ, продѣлать обязательную процедуру для вновь прибывающаго чиновника.

Предсѣдателей палаты и суда не было въ городѣ — я былъ у ихъ замѣстителей — а затѣмъ пошелъ къ П. А. Столыпину.

Высокаго роста, съ умными, проницательными глазами, сдержанный, Столыпинъ разспрашивалъ о Самарѣ, о тамошнихъ порядкахъ, коснулся моей работы и когда я сказалъ, что большими дѣлами не занимаюсь, онъ улыбнулся, сказавъ:

— Для большихъ дѣлъ много охотниковъ, но мало дѣлаютъ.

Между прочимъ, онъ сказалъ, что съ еврейскимъ вопросомъ хорошо знакомъ, такъ какъ былъ ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, что имѣніе его въ Ковенской губерніи около какого-то мѣстечка и онъ хорошо знакомъ съ еврейской бѣднотой въ чертѣ осѣдлости. Просилъ обращаться къ нему запросто и сказалъ что радъ будетъ быть полезнымъ.

Отъ него (П. А. Столыпина) отправился я къ А. А. Макарову, прокурору судебной палаты впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ. Макаровъ

зналъ меня по Самарѣ, но близко я не былъ знакомъ съ нимъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ не бросаться въ гущу общественной дѣятельности, а присматриваться, ближе познакомиться съ общественной средой, такъ какъ Саратовъ имѣетъ много партійныхъ теченій и я могу очутиться въ положеніи, изъ котораго мнѣ трудно будетъ выбраться.

— При всемъ желаніи, — сказалъ онъ, — мнѣ трудно будетъ вамъ помочь!

Нанесъ я визиты всѣмъ судейскимъ, т. е. членамъ суда и судебной палаты. Обликъ всѣхъ судей былъ одинъ и тотъ же, за весьма рѣдкими исключеніями; такъ что, зная, напримѣръ, членовъ Самарскаго Окружного Суда, — вы имѣете болѣе или менѣе вѣрное представленіе о членахъ любого окружного суда.

Судьи до такой степени были завалены дѣлами, что никакого участія въ общественной жизни принимать не могли. По характеру дѣятельности, судьи рѣзко различались: съ одной стороны были судьи гражданскаго отдѣленія или «цивилисты», съ другой — уголовнаго отдѣленія, «криминалисты». Болѣе серьезными, стоявшими въ сторонѣ отъ политики были «цивилисты»; они исключительно были заняты гражданскими дѣлами, рѣдко выѣзжали изъ города, гдѣ находился окружной судъ, съ властью не приходили ни въ какія соприкосновенія. «Криминалисты» же вели болѣе живой образъ жизни. Выѣзжали на сессіи въ уѣздные города, волей-неволей должны были считаться съ «политикой»; за ними негласное наблюденіе имѣлъ прокурорскій надзоръ, въ особенности за предсѣдательствующими. Большой процентъ оправдательныхъ вердиктовъ прокурорскій надзоръ приписывалъ предсѣдательствующимъ, гнувшимъ (по мнѣнію этого надзора) въ сторону оправданія. Впрочемъ, о судѣ и судьяхъ я буду говорить ниже. Здѣсь толь-

ко замѣчу, что мнѣ пришлось употребить большія усилія, чтобы попасть не въ гражданское, а въ уголовное отдѣленіе. Помимо того, что «цивилисты», при всемъ желаніи, не могли удѣлять времени на занятія общественными дѣлами, сама дѣятельность «цивилистовъ» не внушала мнѣ особой симпатіи. Больно мнѣ было видѣть, какъ нѣкоторые судьи - цивилисты проводили ночи надъ составленіемъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, рѣшая не по совѣсти, а по формальнымъ основаніямъ. Въ особенности когда я вспоминаю, объ А. Я. Мейерѣ, бывшемъ членѣ Самарскаго окружнаго суда, а впослѣдствіи членѣ Саратовской судебной палаты.

Въ бесѣдѣ со мной, онъ нерѣдко говорилъ, какъ тяжело ему рѣшать иныя дѣла, зная, что справедливость не на сторонѣ выигравшаго процессъ, но, что законъ, « dura lex », часто принуждалъ рѣшать въ пользу неправой стороны. Приводилъ онъ много примѣровъ, когда одна изъ договаривающихся сторонъ, по неопытности, а иногда и по недобросовѣстности своихъ повѣренныхъ, упускала какой-нибудь пунктъ договора, чѣмъ пользовалась противная, болѣе опытная и ловкая сторона. «Чувствуешь во время процесса, — говорилъ онъ, — что отвѣтчику надо вызвать свидѣтелей или дать то или иное объясненіе, но законъ не разрѣшаетъ судьямъ принимать активное участіе въ процессѣ, вызовъ свидѣтелей для выясненія истины зависитъ исключительно отъ тяжущихся...»

Я назначенъ былъ членомъ во вновь открытое 5-ое гражданское отдѣленіе Саратовскаго окружного суда.

Такая перспектива мнѣ не улыбалась, такъ какъ для общественной работы не оставалось бы времени. Предполагалось въ это отдѣленіе передать залежавшіяся дѣла гражданскихъ отдѣленій и та-

кимъ образомъ предстояла тяжелая работа, въ особенности для меня, мало знакомаго съ гражданскимъ процессомъ. Все таки я узналъ, что окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ общаго собранія членовъ окружного суда, и что, въ виду того, что я 27 лѣтъ былъ судебнымъ слѣдователемъ, я имѣлъ основаніе ходатайствовать объ опредѣленіи меня въ уголовное отдѣленіе.

До 15-го сентября 1904 года я засѣдалъ въ гражданскихъ отдѣленіяхъ, а съ этого числа я перешелъ въ первое уголовное отдѣленіе Саратовскаго окружного суда.

Это отдѣленіе обслуживало городъ Саратовъ и уѣзды: Саратовскій, Хволынскій, Камышинскій, Кузнецкій и Новоузенскій (въ административномъ отношеніи Новоузенскій уѣздъ числится въ Самарской губ.). Составъ суда былъ слѣдующій: тов. предсѣдателя А. Ф. Гофманъ (ему шелъ седьмой десятокъ), чистенькій, корректный старикъ, поклонникъ судебныхъ уставовъ, человѣкъ твердыхъ либеральныхъ убѣжденій; членъ суда М. М. Канищевъ, больной, дважды разбитый параличемъ, пожилой, большой знатокъ уголовнаго процесса и крайне добросовѣстный труженникъ; членъ суда Е. Ф. Брюхановъ. Послѣдній не былъ особенно высокаго мнѣнія о дѣятельности уголовнаго суда, интересовался больше прикладными и естественными науками, былъ крайне раздражителенъ и рѣзокъ въ выраженіяхъ. Я былъ четвертымъ членомъ суда въ этомъ отдѣленіи.

Наибольшее число дѣлъ давалъ гор. Саратовъ и прилегающія волости и поэтому городскія сессіи назначались не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ и каждая продолжалась отъ 8-ми до 10-ти дней. Это сидѣніе крайне утомляло. Дѣла были однообразныя, обычныя городскія дѣла — третья или четвертая

кража. Большей частью скамью подсудимыхъ занимали подростки.

— Вы слышите, въ чемъ васъ обвиняютъ? Признаете ли вы себя виновнымъ?

Я убѣжденъ, что подсудимый ничего не понималъ изъ торжественныхъ словъ предсѣдателя.

Сидѣть въ засѣданіяхъ мнѣ приходилось съ 11-ти часовъ утра, часто съ небольшими перерывами, до 12-ти часовъ ночи. Я имѣлъ много времени размышлять о человѣческомъ правосудіи и вообще о функціяхъ уголовнаго суда.

Дѣйствительная во время засѣданія, въ особенности по несложнымъ дѣламъ, роль членовъ суда, за исключеніемъ предсѣдательствующаго, довольно пассивная. Слѣдствіе ведетъ предсѣдатель, онъ же руководитъ всѣмъ ходомъ дѣла и лишь для формы наклоняетъ голову въ сторону то одного, то другого члена суда, какъ будто бы спрашиваетъ ихъ мнѣнія. Члены суда кивкомъ головы отвѣчаютъ согласіемъ, на самомъ дѣлѣ они часто не знаютъ, о чемъ совѣщается съ ними предсѣдатель, да послѣдній и не интересуется ихъ мнѣніемъ.

Сидя членомъ суда, я имѣлъ много времени наблюдать за подсудимыми. Печальную картину представляли такъ называемые рецидивисты, судившіеся за 3-ю, 4-ую и т. д. кражу.

Свои впечатлѣнія о судѣ надъ ними я напечаталъ въ «Саратовскомъ Листкѣ» подъ заглавіемъ «Давно пора». Въ этой замѣткѣ я указывалъ на необходимость учрежденія патроната, общества попеченія о лицахъ, выходящихъ изъ мѣстъ заключенія.

На слѣдующей сессіи, когда снова стали разбираться дѣла о рецидивистахъ, старшина присяжныхъ засѣдателей, мѣстный учитель городского училища, старикъ А. Ф. Богославскій, обратился ко мнѣ въ присутствіи всего состава присяжныхъ

засѣдателей и сказалъ, что они читали мою замѣтку объ учрежденіи патроната, сочувствуютъ этой идеѣ, собрали между собой по подписному листу небольшую сумму денегъ и просятъ этотъ подписной листъ повѣсить въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей съ тѣмъ, чтобы каждый слѣдующій составъ вносилъ свою лепту. Я предложилъ Богославскому изложить желаніе присяжныхъ засѣдателей въ письмѣ на мое имя и вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ передалъ это письмо судебному приставу для храненія въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей.

Мысль о патронатѣ встрѣтила глубокое сочувствіе у многихъ судебныхъ дѣятелей. Я хотѣлъ пріурочить открытіе патроната къ сорокалѣтію судебной дѣятельности А. Н. Гофмана, которое должно было скоро наступить.

Всѣ содержавшіеся въ саратовскихъ мѣстахъ заключенія должны были быть распредѣлены между членами патроната. Въ Саратовѣ, кромѣ тюремъ, были также и исправительныя арестантскія отдѣленія, гдѣ отбывали наказаніе болѣе серьезные преступники. Членъ патроната долженъ былъ имѣть свѣдѣнія, что въ такой то день кончается срокъ наказанія такому-то заключенному и къ этому числу онъ долженъ уже имѣть свѣдѣнія съ родины заключеннаго о томъ, можно ли послѣдняго отправить домой и могутъ ли родные предоставить ему заработокъ. Въ противномъ случаѣ объ этомъ долженъ былъ позаботиться патронатъ.

Мы часто, съ вышеупомянутымъ Богославскимъ и съ другими бывшими присяжными засѣдателями, обсуждали вопросы, связанные съ открытіемъ патроната, но — вѣчное «но» — нашимъ планамъ не суждено было осуществиться.

Вскорѣ произошелъ еврейскій погромъ въ Саратовѣ, наступили другія времена и мысль о патронатѣ такъ и не осуществилась.

Незначительная сумма денегъ была, при участіи Богославскаго и другихъ распредѣлена въ пользу оправданныхъ подсудимыхъ, нуждавшихся въ немедленной помощи.

Послѣ председателя суда Филоненко, предсѣдателемъ Саратовскаго окружного суда назначенъ былъ А. Е. Тимротъ, мой старый знакомый, человѣкъ очень корректный, либеральнаго образа мыслей. При немъ можно было бы продолжать работу по открытію патроната, но, какъ я сказалъ: наступили другія времена: погромъ, аграрныя дѣла, 1-я Государственная Дума, многіе идейные работники уѣхали, и, хотя я продолжалъ пропагандировать идею патроната, но осуществленіе пришлось отложить.

Какъ членъ суда, я часто участвовалъ въ разныхъ учрежденіяхъ административныхъ, въ качествѣ представителя отъ суда: въ губернскомъ, по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіи, въ лѣсохранитльномъ и другихъ комитетахъ.

15-го іюля 1905 года я былъ на засѣданіи въ квартирѣ губернатора Столыпина по дѣламъ подлежавшимъ разсмотрѣнію губерскаго присутствія. Жгучимъ вопросомъ этого засѣданія былъ вопросъ о передачѣ земскихъ и городскихъ больницъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. (Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда Плеве.) Неожиданно явился полиціймейстеръ Зацвилиховскій и вызвалъ Столыпина, который долго не возвращался. Наконецъ, онъ вернулся, блѣдный, и хотя продолжалось обсужденіе вопроса о больницахъ, но тонъ Столыпина былъ совершенно иной. Столыпинъ объявилъ, что продолженіе обсужденія будетъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Когда мы вышли на улицу, то замѣтили необычное оживленіе. Это было передъ вечеромъ. Мы узнали, что въ этотъ день въ Петербургѣ Плеве былъ убитъ революціонерами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наше 1-е уголовное отдѣленіе выѣзжало на сессіи въ уѣздные города. Эти выѣзды были очень заманчивыми для членовъ суда, обремененныхъ большими семьями. Они старались какъ можно больше выѣзжать, такъ какъ отъ поѣздокъ, отъ прогонныхъ денегъ, оставались кое-какіе остатки. Въ этомъ отношеніи эти выѣзды имѣли вредное, въ моральномъ отношеніи, вліяніе. Самое чистое вѣдомство, судебное, призванное насаждать законность и карать всякое нарушеніе закона, само дѣйствовало незаконно, подавая дурной примѣръ остальнымъ гражданамъ. Какъ можно было уважать судью, который, получая прогонныя деньги на шесть лошадей, самъ расходуетъ лишь на пару, остальныя же деньги кладетъ къ себѣ въ карманъ? Съ перваго взгляда, это кажется мелочью, но при болѣе внимательномъ отношеніи, приходишь къ иному выводу. Судья не долженъ лгать ни въ чемъ.

Благодаря этимъ прогонамъ, сессіи распредѣлялись, можетъ быть, не такъ какъ слѣдовало, часто не въ интересахъ дѣла и населенія. Напримѣръ, зимою большинство сессій назначалось въ городахъ, отдаленныхъ отъ Саратова; ѣхать нужно было по желѣзнымъ дорогамъ черезъ другія губерніи: напр., въ Камышинъ — черезъ Тамбовъ, а въ Куз-

нецкъ, черезъ Пензу и т. д. Такимъ образомъ, на эти поѣздки получались довольно крупныя суммы. Были члены суда, которые извѣстны были какъ «наѣздники», т. е. такіе, которые часто и выгодно «наѣзжали прогонныя».

Можно ли упрекать судей въ этомъ? Конечно, нѣтъ. Достойносожалѣнія государство, которое не можетъ дать судьямъ возможность существовать, заставляя послѣднихъ прибѣгать къ пріемамъ, роняющимъ достоинство судьи. Какимъ уваженіемъ и какой матеріальной независимостью пользуются судьи въ культурныхъ государствахъ! А въ Россіи судья долженъ придумывать выѣзды, чтобы сохранить отъ прогонныхъ ничтожныя суммы для взноса платы за право ученія дѣтей или на другія неотложныя потребности. Надо еще удивляться, что новый судъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, все таки стоялъ на высотѣ своего призванія и о язвѣ дореформенныхъ судовъ, о взяточничествѣ, о подкупѣ судей, не могло быть и рѣчи.

Сессіи въ уѣздныхъ городахъ открывались большей частью разсмотрѣніемъ апелляціонныхъ дѣлъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; разсматривались апелляціи на рѣшенія уѣздныхъ членовъ окружного суда. Дни разсмотрѣнія этихъ дѣлъ были самыми трудными. Приходилось докладывать дѣла и писать по нимъ рѣшенія. Много было такъ называемыхъ «кабацкихъ» дѣлъ, дѣлъ о тайной торговлѣ виномъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ я уже говорилъ о политикѣ бывшаго министра финансовъ графа Витте, и о винной монополіи. Правительство хотѣло «капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти», спаивать народъ, получая отъ него крупные доходы, а съ другой стороны оно будто бы боролось съ пьянствомъ народа, учреждая попечительства

о народной трезвости и преслѣдуя лицъ, тайно торговавшихъ виномъ.

Подсудимыми въ такихъ дѣлахъ обыкновенно являлись женщины, рѣдко мужчины; громкое выраженіе «тайная торговля» не соотвѣтствовало ничтожному поступку какой-нибудь бабы, бравшей за полбутылки водки на 2-3 коп. выше цѣны казенныхъ винныхъ монопольныхъ лавокъ. За такія «преступленія» уѣздные члены суда приговаривали къ тюремному заключенію отъ 4-8 мѣс. Изобличители тайной торговли или лица, обнаруживавшія тайную торговлю виномъ, получали извѣстное вознагражденіе отъ акцизнаго вѣдомства. Понятно, сколько злоупотребленій было на этой почвѣ. Полицейскій урядникъ или мѣстный полицейскій сотникъ узнаетъ, что такой-то крестьянинъ купилъ для предстоящаго праздника 2-3 бутылки водки. Пользуясь отсутствіемъ хозяина, подсылаютъ кого-нибудь переодѣтаго нищимъ и тотъ, Христа ради, проситъ хозяйку сжалиться надъ нимъ и дать ему рюмку водки, согрѣться. Та входитъ въ его положеніе, а въ это время изъ-за засады является полиція, находитъ бутылки водки, составляется протоколъ о торговлѣ виномъ и дѣло передается уѣздному члену суда. Съ формальной стороны судья вынужденъ вынести обвинительный приговоръ. Конечно, часто уѣздные члены суда не вникали въ существо дѣла, слишкомъ довѣряя полицейскимъ протоколамъ. Въ окружномъ судѣ, путемъ перекрестнаго допроса свидѣтелей, удавалось иногда устанавливать провокаціонную дѣятельность агентовъ власти. Однако, много дѣлъ было такихъ, что чувствовалась невинность подсудимыхъ, но съ формальной стороны нельзя было отмѣнить приговора уѣзднаго члена суда.

Составъ выѣздной сессіи былъ таковъ: товарищъ предсѣдателя и одинъ изъ членовъ суда, а

третьимъ, для пополненія состава, приглашался или почетный мировой судья или уѣздный членъ суда, или городской судья. Я всегда старался привлекать на свою сторону этого третьяго. Если имъ былъ почетный мировой судья, — человѣкъ знакомый съ жизнью, — то обвинительные приговоры по «кабацкимъ» дѣламъ отмѣнялись.

Товарищъ предсѣдателя большей частью оставался при особомъ мнѣніи и мнѣ приходилось писать по такимъ дѣламъ мотивированныя рѣшенія, приводить основанія, по которымъ отмѣняется приговоръ уѣзднаго члена суда. Трудно было писать такія рѣшенія, трудно было отыскивать мотивы для отмѣны обвинительныхъ приговоровъ. Приговоры послѣднихъ основаны были хотя на ложныхъ, но все таки на показаніяхъ, данныхъ часто подъ присягою. Установить же ложность показаній было довольно трудно. Въ особенности нужно было, чтобы рѣшенія окружного суда имѣли хотя бы видимую основательность, такъ какъ на эти рѣшенія акцизными вѣдомствами приносились кассаціонныя жалобы въ сенатъ. Эти дѣла безъ присяжныхъ оставляли у меня всегда осадокъ особой горечи.

Вторая категорія дѣлъ, производившая тягостное впечатлѣніе, это дѣла по обвиненію юношей, преимущественно татаръ, въ причиненіи себѣ увѣчій съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности.

Чтобы не быть принятыми на военную службу, подлежавшіе призыву причиняли себѣ разныя увѣчья, портили себѣ зрѣніе, слухъ, калѣчили руки, ноги и чтобы не быть обвиненнымъ въ умышленномъ причиненіи себѣ этихъ увѣчій, подсудимые выставляли массу свидѣтелей, въ удостовѣреніе того, что эти поврежденія не свѣжаго, а давнишняго происхожденія, напр., что глухота или слабость зрѣнія у подсудимаго чуть ли не отъ рожденія. Такія дѣла возбуждались уѣздными по воин-

ской повинности присутствіями послѣ заключенія врача о свѣжемъ и умышленномъ причиненіи увѣчья. Дѣла передавались уѣзднымъ членамъ суда, послѣдніе допрашивали тѣхъ же врачей присутствія и выносили обвинительные приговоры. Апелляціонныя жалобы на послѣдніе приносились въ окружной судъ.

Въ этихъ жалобахъ, обвиненные просили о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, о переосвидѣтельствованіи черезъ новыхъ врачей.

По окончаніи судебныхъ засѣданій, я часто разспрашивалъ родителей этихъ несчастныхъ юношей о томъ, что побуждало ихъ калѣчить своихъ дѣтей, здоровыхъ юношей. Родители, убѣдившись, что «чиновникъ» ихъ не выдастъ, объясняли причину такихъ печальныхъ явленій: юноша - татаринъ, попадая въ чуждую ему русскую среду, къ людямъ иной вѣры, иного языка, подвергаясь насмѣшкамъ темной солдатской массы, острѣе чувствовалъ весь гнетъ солдатчины, чѣмъ русскіе юноши, попадающіе въ свою же среду. И отсюда понятно нежеланіе этихъ инородцевъ отбывать воинскую повинность.

Можно ли упрекать инородцевъ въ томъ, что они не съ восторгомъ стремились исполнить свой «гражданскій» долгъ, въ особенности евреевъ. которые не могли разсчитывать ни на какія повышенія и выслуги, а должны были быть готовыми проливать свою кровь за отечество. Эти мысли приходили мнѣ въ голову, когда я видѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ татарскихъ юношей, большей частью изъ глухихъ татарскихъ деревень и рисовалъ себѣ ихъ положеніе въ темной, грубой солдатской средѣ. Кого слѣдуетъ винить?

Я долго жилъ въ культурныхъ странахъ: Франціи, Италіи, Германіи и другихъ и интересовался

отношеніемъ тамошнихъ евреевъ къ воинской повинности. Могу сказать, что даже въ Германіи, гдѣ евреи въ военномъ вѣдомствѣ не пользовались полными правами, они не только не уклоняются отъ воинской повниности, но даже не понимаютъ, какъ граждане могутъ уклоняться отъ исполненія такого гражданскаго долга. Но съ другой стороны, евреи на Западѣ не понимаютъ и того, какъ государство можетъ дѣлать различіе между солдатами различныхъ національностей. Лишь ознакомившись съ положеніемъ русскаго еврея-солдата, они понимали, почему нѣкоторые евреи не такъ охотно исполняли воинскую повинность.

Пребываніе на сессіяхъ вносило большое разнообразіе въ жизнь членовъ суда. Характеръ дѣлъ въ уѣздахъ былъ неодинаковъ. Въ одномъ преобладали дѣла о конокрадствѣ, о фальшивыхъ расспискахъ на продажу лошадей, въ другомъ — о поддѣлкѣ монетъ, поджогахъ, убійствѣ и т. п. Тамъ, гдѣ затрагивалось право собственности, — крестьянинъ - присяжный засѣдатель неумолимъ, въ особенности въ дѣлахъ о конокрадствѣ и о поджогахъ.

Болѣе снисходительно онъ относится къ разнаго рода мошенничествамъ,поддѣлывателямъ денегъ и совершенно легко къ тѣлеснымъ поврежденіямъ въ дракахъ, и очень часто къ убійствамъ женами своихъ мужей - пьяницъ, всю жизнь мучившихъ этихъ несчастныхъ, забитыхъ женщинъ.

Для присяжныхъ засѣдателей - крестьянъ рѣчи прокуроровъ и защитниковъ большей частью не имѣли большого значенія. Про прокурора, бывало, говорятъ:

— Что же дѣлать? Начальство его послало, онъ и обвиняетъ. Служба.

А про защитника:

— Нанялся. Что подѣлаешь? Каждому ѣсть хочется.

Большое, даже рѣшающее, значеніе имѣло для присяжныхъ засѣдателей судебное слѣдствіе, допросъ свидѣтелей сторонами. Въ этомъ отношеніи добросовѣстность защитника, знакомство его съ дѣломъ, находчивость, знаніе людей, играли большую роль. Прислушивались внимательно присяжные засѣдатели - крестьяне къ резюме предсѣдателя. Чѣмъ безпристрастнѣе, спокойнѣе велъ себя предсѣдатель, тѣмъ авторитетнѣе для присяжныхъ было его резюме. Если предсѣдательствующій во время слѣдствія вступалъ въ пререканія со сторонами, «осаживалъ» защитниковъ, гнулъ въ сторону обвиненія, его резюме, большей частью обвинительнаго характера, не достигали цѣли. Напротивъ, спокойное, безпристрастное отношеніе предсѣдателя къ дѣлу придавало особую авторитетность его резюме, хотя бы эти резюме и были обвинительнаго характера. Въ этомъ отношеніи особенно крестьянамъ - присяжнымъ нравились резюме тов. предсѣдателя С. П. Аліенова. Интересно, что крестьяне - присяжные засѣдатели на уѣздныхъ сессіяхъ какъ будто слѣдили за поведеніемъ судей. Имъ хотѣлось «уважать» судей, въ особенности предсѣдателя, и потому, какъ я замѣчалъ къ резюме предсѣдательствующихъ, не игравшихъ въ карты, не останавливающихся у «сильныхъ» въ уѣздныхъ городахъ лицъ, они относились съ особымъ уваженіемъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я имѣлъ возможность наблюдать, какъ присяжные засѣдатели, въ особенности крестьяне, серьезно и вдумчиво относились къ обязанности судьи.

Большимъ препятствіемъ для правильнаго рѣшенія дѣлъ бывала часто неясная, недоступная по-

ниманію простого человѣка редакція статей Уложенія о наказаніяхъ.

Иное отношеніе, чѣмъ у крестьянъ, было у присяжныхъ засѣдателей изъ такъ называемыхъ интеллигентныхъ профессій, купечества и, вообще, изъ городскихъ жителей.

Судебное слѣдствіе и для нихъ, конечно, имѣло большое значеніе, но они очень внимательно прислушивались къ рѣчамъ, преимущетсвенно защитниковъ, и понимали предсѣдательское резюме, не подчиняясь его вліянію такъ, какъ присяжные засѣдатели - крестьяне. Талантливый защитникъ своимъ освѣщеніемъ дѣла часто добивался оправдательнаго вердикта, хотя всѣ данныя судебнаго слѣдствія говорили въ пользу обвиненія.

Нужно, однако, сказать, что не напыщенная рѣчь адвоката, не громкія фразы играли роль и вліяли на присяжныхъ засѣдателей, а вдумчивая рѣчь, умѣніе обнажать душу подсудимаго, выясненіе причинъ, заставившихъ подсудимаго совершить преступленіе, — вотъ что вліяло на присяжныхъ засѣдателей. Къ великому огорченію прокурора, подъ вліяніемъ такихъ рѣчей защитниковъ, присяжные засѣдатели выносили оправдательные вердикты по дѣламъ, по которымъ, казалось, долженъ былъ быть только обвинительный вердиктъ

Присяжные засѣдатели всегда внимательно, вдумчиво относились къ своимъ обязанностямъ. Меня всегда поражало, какъ они оріентировались въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Часто казалось, что присяжные засѣдатели неправильно выносили свой вердиктъ, что надо было обвинить, когда они оправдывали, и наоборотъ, но, вникая въ дѣло, припоминая весь ходъ судебнаго слѣдствія, я всегда приходилъ къ заключенію, что присяжные засѣдатели были правы и по совѣсти выносили свой вердиктъ.

⁂

Какъ извѣстно, въ 1905 году, явился цѣлый рядъ дѣлъ, такъ называемыхъ «аграрныхъ». Для сужденія по этимъ дѣламъ образованы были особыя присутствія суда. Въ нашемъ первомъ уголовномъ отдѣленіи, къ счастью, такихъ дѣлъ было не много, и мнѣ, къ великому моему удовольствію, не приходилось часто участвовать въ этихъ особыхъ присутствіяхъ, ничего общаго съ судебными учрежденіями не имѣвшихъ. Это были скорѣе политическія учрежденія, а не судебныя. Слѣдственный матеріалъ по такимъ дѣламъ былъ ужасный. Привлекались по каждому дѣлу сотни людей, а уликъ не было; все обвиненіе зиждилось на показаніяхъ полицейскаго урядника или какого-нибудь сотскаго, что въ нападеніи на имѣніе такого - то помѣщика участвовали такія-то лица, хотя очевидно было, что свидѣтели не могли замѣтить всѣхъ участвовавшихъ въ этихъ нападеніяхъ, такъ какъ послѣднія производились толпой крестьянъ, всѣмъ селомъ.

Въ данномъ случаѣ на скамью подсудимыхъ сажали часто людей, ни въ чемъ не повинныхъ, но чѣмъ-либо неугодныхъ полиціи, волостному начальству и т. п.

По такимъ дѣламъ, преимущественное значеніе имѣли показанія владѣльцевъ, приказчиковъ и вообще лицъ, находившихся въ имѣніяхъ или усадьбахъ во время погромовъ. Состояніе этихъ лицъ во время разгромовъ вполнѣ понятно. Конечно, они не могли запомнить участовавшихъ въ погромахъ, а тѣмъ болѣе квалифицировать дѣянія каждаго погромщика. Поневолѣ приходилось имъ повторять разные слухи объ участіи тѣхъ или иныхъ крестьянъ въ нападеніи на усадьбу и эти слухи передавать власти, какъ неопровержимые факты. А между

тѣмъ, со словъ этихъ владѣльцевъ, составлялись протоколы, служившіе основаніемъ для привлеченія массы крестьянъ къ отвѣтственности.

Такъ какъ число обвиняемыхъ въ аграрныхъ преступленіяхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было огромное и разобраться въ виновности каждаго было очень трудно, придумана была слѣдующая система: о каждомъ подсудимомъ составлялась карточка, на которую наносились фамиліи свидѣтелей, касавшихся его участія въ дѣлѣ и сущность показаній, данныхъ этими свидѣтелями на предварительномъ слѣдствіи или при полицейскомъ дознаніи. Это имѣло и хорошую и дурную сторону. Для быстроты, для скорѣйшаго окончанія дѣла, это было очень хорошо, но правосудіе очень страдало. Свидѣтель не имѣлъ возможности, если-бъ даже желалъ, дать болѣе подробное показаніе, которое шло бы въ разрѣзъ съ показаніемъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи. Ему часто только предлагали вопросъ о томъ, подтверждаетъ ли онъ то, что изложено было вкратцѣ на карточкѣ.

Душевное состояніе судей по аграрнымъ дѣламъ было тоже незавидное, нервы были сильно напряжены, о физической усталости нечего и говорить.

Судъ происходилъ въ уѣздномъ городѣ, въ залѣ уѣзднаго съѣзда, вовсе неприспособленномъ для такой массы подсудимыхъ и свидѣтелей, какая собиралась по аграрнымъ дѣламъ. Число подсудимыхъ по каждому дѣлу доходило иногда до 200 человѣкъ, если не больше.

Предсѣдательствующему нужно было обладать большимъ сознаніемъ своего судейскаго долга, чтобы сохранять душевное равновѣсіе при допросахъ подсудимыхъ и вообще при руководствѣ ходомъ слѣдствія. Рѣшенія особыхъ присутствій зависѣли отъ состава. Большую роль, въ особенности

въ первое время, играли участвовавшіе въ составѣ суда предводители дворянства. Они не смотрѣли на себя, какъ на судей, а какъ на людей, призванныхъ защищать интересы дворянства или крупныхъ землевладѣльцевъ. Второй членъ присутствія, волостной старшина, боязливо смотрѣлъ на свое начальство, на предводителя дворянства, и старался подавать мнѣнія, согласныя съ желаніями и со взглядами этого начальства.

Третій членъ присутствія, городской голова, незаинтересованный въ дѣлѣ, старался держаться нейтрально.

За предсѣдателемъ зорко слѣдилъ предводитель дворянства и прокурорскій надзоръ и строгое соблюденіе правилъ судопроизводства, стремленіе обнаружить истину со стороны предсѣдателя толковалось предводителемъ дворянства, какъ либеральничанье и потворство «революціонерамъ - грабителямъ». Предсѣдатель зналъ, что о всѣхъ его дѣйствіяхъ донесено будетъ, куда слѣдуетъ. Надо было ему дѣйствовать крайне тактично, лавировать между Сциллой и Харибдой.

Въ этомъ отношеніи А. Е. Тимротъ, будучи самъ въ чинахъ и принадлежа къ дворянскому сословію, дѣйствовалъ очень умѣло. Угождая какъ будто бы дворянству, онъ, насколько это возможно было, щадилъ и судебные уставы. Мы, члены суда, участвовавщіе въ этихъ присутствіяхъ, находили поддержку и въ лицѣ нейтральнаго члена присутствія, городского головы.

Какъ я сказалъ выше, мнѣ рѣдко приходилось участвовать въ такъ называемыхъ аграрныхъ дѣлахъ, но когда я участвовалъ, то я съ моимъ товарищемъ, членомъ суда, привлекали на свою сторону городского голову и подавали мнѣніе за оправданіе многихъ подсудимыхъ, посаженныхъ на скамью безъ всякихъ основаній.

Долженъ отдать справедливость Тимроту, — онъ часто присоединялся къ нашимъ мнѣніямъ. Рѣшенія особыхъ присутствій приравнивались къ приговорамъ присяжныхъ засѣдателей. Они были немотивированныя. Это тоже, конечно, облегчало работу судей, но наносило громадный вредъ идеѣ правосудія. При мотивировкѣ рѣшеній, съ увѣренностью можно сказать, что 90 проц. осужденныхъ особыми присутствіями выходили бы изъ суда оправданными.

Въ первое время возникновенія аграрныхъ дѣлъ, особыя присутствія выносили много обвинительныхъ приговоровъ. Въ послѣднее время судъ сталъ практиковать слѣдующую систему: дабы овцы были цѣлы и волки сыты, рѣшено было по каждому аграрному дѣлу признавать виновными извѣстный процентъ подсудимыхъ; напримѣръ, изъ 50 — 15 или 20, смотря по характеру дѣлъ, и въ особенности по настроенію и положенію дворянства въ уѣздѣ, гдѣ происходилъ судъ. Такъ, напримѣръ, въ дворянскомъ уѣздѣ, — Сердобскомъ, — гдѣ были имѣнія бывшихъ министровъ Дурново, Акимова и иныхъ родовитыхъ дворянъ, прицентъ обвиненныхъ былъ выше, а въ Новоузенскомъ уѣздѣ и въ Кузнецкомъ, гдѣ предводителями дворянства были люди, не особенно дорожившіе ложно понятыми интересами дворянскаго сословія, не стремившіеся къ обвиненію аграрниковъ во что бы то ни стало, — процентъ осужденныхъ былъ гораздо ниже.

Интересно было наблюдать предводителей дворянства первое время послѣ 1905 года и въ послѣдующее. Въ первое время они держались какъ то робко, съ оглядкой, не знали, какой системы держаться, гордой-ли, вызывающей, требующей мести, или противоположной, покаянной, сознающей, что въ прошломъ было много упущеній со стороны господствующаго класса,не заботившагося

о просвѣщеніи народа и объ его матеріальныхъ благахъ.

Въ послѣдующіе годы многіе изъ предводителей дворянства забыли уроки прошлаго и въ своихъ сужденіяхъ подтверждали печальную истину, что уроки исторіи игнорируются именно тѣми, которые обязаны ихъ знать.

Господствующій классъ забылъ урокъ, данный ему въ 1905 году. Больно и смѣшно было слышать разсужденія представителей высшаго сословія о причинахъ возникновенія безпорядковъ 1905 года, которыя приписывались кознямъ и пропагандѣ земскихъ учителей и учительницъ. А между тѣмъ, даже въ этомъ особомъ присутствіи, изъ довольно краткихъ объясненій подсудимыхъ и свидѣтелей по аграрнымъ дѣламъ, причины возмутительныхъ аграрныхъ преступленій получали иное, болѣе вѣрное освѣщеніе.

Причины, большей частью, если не всегда,были экономическія, — малоземелье, — и конечно, превалирующее значеніе имѣла некультурность, темнота народныхъ массъ.

Рядомъ съ вышеописаннымъ мною особымъ присутствіемъ, часто судившимъ аграрниковъ, учреждены были ad hoc военно-полевыя, просто военныя и особыя присутствія при судебныхъ палатахъ для политическихъ дѣлъ.

Въ великому моему удовольствію, я въ этихъ судахъ участія не принималъ. Окружные суды не вѣдали политическихъ дѣлъ. Однако, все таки раза три или четыре я имѣлъ касательство и къ этимъ дѣламъ.

Въ Саратовскомъ окружномъ судѣ было два уголовныхъ отдѣленія: 1-ое, въ которомъ я работалъ, и 2-ое. Наше отдѣленіе было менѣе выгодное въ смыслѣ «прогоновъ», такъ какъ почти полъ-мѣсяца каждый изъ насъ проводилъ въ Саратовѣ на

городскихъ сессіяхъ, а члены 2-го отдѣленія все ѣздили, да ѣздили. Но зато во второмъ отдѣленіи сосредоточены были всѣ распорядительныя дѣла: разрѣшеніе пререканій между судебными слѣдователями, уѣздными членами судовъ съ земскими начальниками по вопросу о подсудности дѣлъ; это же отдѣленіе производило освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемыхъ, находящихся на испытаніи въ больницахъ и психіатрическихъ лечебницахъ. По такимъ вопросамъ, если не могло состояться распорядительное засѣданіе за отсутствіемъ членовъ 2-го отдѣленія, для пополненія состава присутствія приглашались члены нашего отдѣленія. Раза два или три мнѣ приходилось участвовать въ освидѣтельствованіи юношей, обвинявшихся въ политическихъ преступленіяхъ. Одинъ случай врѣзался у меня въ памяти и спокойно не могу говорить о немъ.Не помню въ которомъ году, кажется, въ 1907-мъ, въ Саратовѣ, въ квартирѣ нѣкоей Ананевой или Ананиной, произведенъ былъ обыскъ по поводу взорвавшейся бомбы; въ числѣ задержанныхъ былъ также сынъ квартирной хозяйки, юноша 17-ти или 18-ти лѣтъ. Онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности и на предварительномъ слѣдствіи возбужденъ былъ вопросъ о нормальности его умственныхъ способностей Если на предварительномъ слѣдствіи возникаетъ такой вопросъ, — слѣдователь собираетъ всѣ данныя для выясненія этого вопроса: не страдали ли душевнымъ разстройствомъ родители, родственники обвиняемаго, свидѣтельствуетъ его черезъ врача и затѣмъ обвиняемый помѣщается на испытаніе въ психіатрическую больницу. Дѣло отсылается въ окружной судъ, который, по истеченіи нѣкотораго времени, въ распорядительномъ засѣданіи, производитъ освидѣтельствованіе этихъ обвиняемыхъ

черезъ врачебнаго инспектора, городового врача и специалистовъ - психіатровъ.

Предсѣдательствующимъ въ распорядительномъ засѣданіи по дѣлу Ананева былъ членъ суда Д. Г. Б-въ, впослѣдствіи членъ виленской судебной палаты, а участвовали членъ суда М-въ, я и врачи: директоръ саратовской губернской зѐмской психіатрической лечебницы Муратовъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета по нервнымъ болѣзнямъ, врачебный инспекторъ Ивановъ и городской врачъ Субботинъ. Привели въ кабинетъ, гдѣ происходило засѣданіе, изможденнаго, невысокаго юношу, болѣзненнаго и крайне апатичнаго. Стали его разспрашивать. Его показанія производили впечатлѣніе искренности. Онъ говорилъ о частыхъ головныхъ боляхъ, которыми онъ страдалъ и страдаетъ; во всемъ видна была крайняя душевная утомленность. Призвали въ кабинетъ его мать. Послѣдняя подтвердила показанія, данныя ею на предварительномъ слѣдствіи, а именно: ея старшій сынъ былъ душевно боленъ и отъ этой болѣзни умеръ, ея братъ содержался въ домѣ душевно больныхъ, обвиняемый, т. е. ея младшій сынъ, страдалъ эпилептическими припадками, головными болями. Докторъ Муратовъ, наблюдавшій обвиняемаго въ психіатрической лечебницѣ, ознакомившись съ матеріалами предварительнаго слѣдствія, разспросивъ подробно какъ обвиняемаго, такъ и его мать, далъ заключеніе, что обвиняемый психически ненормаленъ. Врачебный инспекторъ Ивановъ, не отличавшійся вообще мягкостью, съ одной стороны, опасаясь нареканій со стороны высшаго начальства, интересовавшагося вообще политическими дѣлами, а съ другой стороны не рѣшаясь высказать мнѣніе, рѣзко противоположное авторитетному заключенію Муратова, заявилъ, что Ананевъ «полунормаленъ». Городской врачъ Субботинъ,

подчиненный Иванову, долго колебался и, наконецъ, тоже остановился на «полунормальности».

Нужно сказать, что для суда необязательны мнѣнія врачей и вопросъ о нормальности душевныхъ способностей Ананина, мы, судьи, должны были рѣшить сами.

Я, какъ младшій членъ суда, первый подалъ мнѣніе, заявивъ о томъ, что Ананинъ душевно ненормаленъ и дѣло о немъ слѣдуетъ прекратить. Предсѣдательствующій и второй членъ суда признали Ананина здоровымъ. Я остался при оосбомъ мнѣніи, поданномъ мною въ письменной формѣ, подробно мотивированномъ, со ссылками на авторитетное мнѣніе врача спеціалиста Муратова.

Ананина изъ лечебницы перевели въ тюрьму, гдѣ въ то время былъ ужасный каторжный режимъ и, какъ я узналъ, несчастный юноша вскорѣ тамъ скончался. Послѣ дѣла Ананина на этомъ засѣданіи должны были слушаться другія аналогичныя дѣла, но, къ великому моему удивленію, явился другой членъ суда, замѣнившій меня, и съ тѣхъ поръ на такія засѣданія меня не приглашали.

Къ сожалѣнію, копія моего особаго мнѣнія осталась въ Петербургѣ среди моихъ бумагъ и уцѣлѣла ли она — не знаю.

Мнѣ хочется сказать нѣсклоько словъ о режимѣ, царствовашемъ въ саратовскихъ тюрьмахъ. Мнѣ, какъ члену уголовнаго отдѣленія суда, хорошо извѣстны были тюремные порядки, какъ по жалобамъ арестантовъ - подсудимыхъ, такъ и по дѣламъ, возникавшимъ, къ сожалѣнію, очень рѣдко, по обвиненію тюремныхъ надзирателей въ избіеніи арестантовъ. Эти дѣла доходили до суда въ исключительныхъ случаяхъ, когда администрація, желая показать, что она караетъ беззаконіе и произволъ, отдавала подъ судъ тюремныхъ надзирате-

лей, но какихъ надзирателей и за какія преступленія — я скажу ниже.

Режимъ въ саратовскихъ тюрьмахъ своей жестокостью былъ извѣстенъ далеко за предѣлами губерніи. Послѣ 1905 года, губернаторомъ въ Саратовѣ былъ преемникъ Столыпина, графъ С. С. Татищевъ, призванный возстановить порядокъ въ губерніи послѣ аграрныхъ безпорядковъ. При немъ назначенъ былъ начальникомъ главной тюрьмы Губертъ, легендарная по своей жестокости личность. Говорили, что онъ имѣетъ большія связи въ Петербургѣ въ лицѣ фаворитки одного высокопоставленнаго лица.

Этотъ Губертъ днемъ не показывался въ тюрьмѣ; а ночью бодрствовалъ, тревожа арестантовъ посѣщеніемъ камеръ и производя наказаніе будто-бы провинившихся арестантовъ. Получалъ онъ свѣдѣнія отъ усердныхъ тюремныхъ надзирателей, которыхъ онъ подбиралъ по своему вкусу. Распоряженія суда, прокурорскаго надзора имъ игнорировались. Трудно повѣрить, но это фактъ — товарищи прокурора, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за тюрьмой, избѣгали ходить туда изъ-за грубости Губерта.

Помню, какъ нѣсколько разъ арестантскія дѣла откладывались изъ-за того, что Губертъ не исполнялъ требованій окружного суда — не присылалъ подсудимыхъ-арестантовъ, или свидѣтелей, содержавшихся въ тюрьмѣ по другимъ дѣламъ. Окружной судъ сообщалъ прокурорскому надзору, какъ полагалось по закону, о дѣйствіяхъ Губерта, но эти сообщенія никакого вліянія не имѣли:прокурорскій надзоръ былъ безсиленъ въ борьбѣ съ Губертомъ.

Положеніе тюремнаго вѣдомства было двойственное. Съ одной стороны оно считалось отдѣленіемъ министерства юстиціи, высшіе члены его назна-

чались министромъ юстиціи, а съ другой стороны непосредственнымъ начальникомъ, завѣдывавшимъ тюрьмами на мѣстахъ, былъ губернаторъ; назначеніе и увольненіе начальниковъ тюремъ зависѣло отъ губернатора. Послѣднему подчинены были тюремные инспектора, хотя эти послѣдніе и назначались министерствомъ юстиціи: такимъ образомъ тонъ тюремной политики въ каждой губерніи всецѣло зависѣлъ отъ мѣстнаго губернатора.

До какой степени режимъ Губерта отражался на нравственномъ и физическомъ состояніи заключенныхъ, я могъ видѣть изъ тѣхъ быстрыхъ перемѣнъ, какія происходили съ лицомъ, пробывшимъ въ тюрьмѣ даже 2-3 дня. Тяжело было видѣть приведенныхъ изъ тюрьмы, осужденныхъ окружнымъ судомъ по приговорамъ присяжныхъ засѣдателей для выслушанія приговора въ окончательной формѣ.

Эти осужденные проводили въ тюрьмѣ лишь нѣсколько дней, — промежутокъ между днемъ, когда ихъ судили и днемъ, когда они были вызваны для выслушанія приговора.Даже короткое пребываніе ихъ въ тюрьмѣ страшно вліяло на нихъ. Я часто не узнавалъ ихъ: изнуренные,съ землянистымъ цвѣтомъ лица, угнетенные, они производили душущемящее впечатлѣніе.

Помню такой случай: преданъ былъ суду агентъ пароходнаго общества З-нъ, по обвиненію въ растратѣ. Этотъ агентъ пользовался симпатіей мѣстнаго общества. Растрата имъ была произведена вслѣдствіе несчастной семейной жизни: жена его была душевно - больная. Обыкновенно по дѣламъ о растратѣ частныхъ лицъ, присяжные засѣдатели выносили оправдательный вердиктъ. Противъ агента З. судебнымъ слѣдователемъ принята была мѣра пресѣченія — подписка о невыѣздѣ. Дѣло долго тянулось. Несчастному нужно было заботиться о

поддержкѣ дѣтей и онъ, получивъ мѣсто въ Сибири, уѣхалъ туда. Окружной судъ, когда дѣло объ этомъ агентѣ поступило къ нему, не имѣя свѣдѣній о его мѣстопребываніи, сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ его черезъ публикацію въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. По закону, въ случаѣ явки или задержанія такого лица, послѣднее подлежитъ заключенію въ тюрьму.

Какъ-то разъ, передъ окончаніемъ засѣданія, судебный приставъ сообщилъ, что разыскиваемый явился. Мы съ членомъ суда Д. Н. Алексѣевымъ, котораго всѣ любили за душевную простоту, уговорили товарища предсѣдателя Н. К. Криля, ограничиться требованіемъ отъ З. поручительства, а не безусловно заключить его въ тюрьму. Въ нарушеніе всѣхъ правилъ, мы послали З., въ сопровожденіи курьера, пріискать себѣ поручителя. Обрадованный З. сказалъ, что онъ сейчасъ приведетъ поручителя и съ курьеромъ ушелъ. Мы долго его ждали, присутственные часы кончились, а З. не являлся. Спустя часа два онъ явился, сказавъ, что поручитель, со всѣми документами, удостовѣряющими его имущественную состоятельность, явиться на другой день въ 10 ч. утра. Судъ вынужденъ былъ отправить З. въ тюрьму, причемъ въ препроводительной бумагѣ сказано было, что З. долженъ быть присланъ на другой день въ 10 часовъ въ судъ и что онъ будетъ отданъ на поруки. Намъ очень не хотѣлось отправить З. въ тюрьму, и поэтому членъ суда Алексѣевъ, хорошій знакомый полиціймейстера Дьяконова, со всей перепиской о З. послалъ частное письмо, въ которомъ просилъ Дьяконова оставить З. при полиціи до утра, а затѣмъ изъ полиціи на другой день прислать его въ судъ.

Къ несчастью, полиціймейстера не было дома и дежурный полиціи отправилъ З. въ тюрьму. На другой день подсудимаго привели въ судъ. Я еле-еле

узналъ его. Губертъ — хотя и зналъ, что этотъ арестантъ на другой день будетъ освобожденъ, распорядился немедленно остричь его, лишить его очковъ, надѣть арестантскій дырявый халатъ, и заставилъ З. чинить этотъ халатъ безъ очковъ. Обращеніе съ нимъ было самое грубое, безъ всякой надобности издѣвались надъ человѣческой личностью.

О жестокостяхъ Губерта и его подчиненныхъ ходили легендарные слухи. Корректный, европейски-образованный губернаторъ Татищевъ зналъ о тюремныхъ порядкахъ, но не останавливалъ Губерта. Молчалъ также и тюремный инспекторъ Сартори, тоже корректный и любезный въ обращеніи человѣкъ. Вынуждены были молчать сотни арестантовъ, отданныхъ всецѣло въ распоряженіе Губерта и его опричниковъ. Губертъ жестоко обращался не только съ арестантами, но и съ «мягкими», по его мнѣнію, тюремными надзирателями.

Одинъ изъ такихъ, молодой человѣкъ, Федуловъ, получивъ мѣсто тюремнаго надзирателя, вслѣдствіе грубыхъ преслѣдованій Губерта, черезъ короткое время лишилъ себя жизни.

Можно себѣ представить, что творилось въ тюрьмахъ другихъ городовъ. Все зависѣло отъ настроенія и пищеваренія грубыхъ, необразованныхъ начальниковъ тюремъ. Какъ будто въ насмѣшку надъ правосудіемъ, губернское начальство иногда передавало суду тюремную стражу въ лицѣ младшихъ тюремныхъ надзирателей, за оскорбленіе дѣйствіемъ какого - нибудь арестанта, исписывалась масса бумаги, начальство обвиняемыхъ требовало объясненій отъ послѣднихъ, производились дознаніе, предварительное слѣдствіе и въ судъ поступало объемистое, громоздкое дѣло.

Положеніе судей было траги - комичное. Мы знали, что въ этой самой тюрьмѣ по недѣ-

лямъ неповинные арестанты томились въ сырыхъ карцерахъ, ихъ морили голодомъ, избивали, а мы торжественно судили за нанесеніе оскорбленій арестанту, выражавшееся часто въ томъ, что надзиратель при всѣхъ, по неопытности, толкнулъ или ударилъ какого-нибудь арестанта. Наказаніе за такое дѣяніе ограничивалось выговоромъ или арестомъ при полиціи отъ 4-7 дней. Для этого ничтожнаго наказанія устраивали судъ со всѣмъ громоздкимъ его аппаратомъ.

Даже за такіе обвинительные приговоры администрація косо смотрѣла на судей, считая ихъ «либералами».

Интересно, что за все время моей службы я не видѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ ни одного начальника тюрьмы или его помощника. Всѣ они были праведниками!

Къ категоріи праведниковъ слѣдуетъ причислить также высшихъ чиновъ полиціи и даже становыхъ и городскихъ приставовъ.

Выше я сказалъ, что послѣ 1905 года возникли аграрныя дѣла, которыя разсматривались особыми присутствіями. Рядомъ съ этимъ судомъ, усиленно работали военные суды. Послѣднимъ передавались самыя серьезныя политическія дѣла, по которымъ весьма часто выносились смертные приговоры. Количество послѣднихъ зависѣло отъ командующихъ войсками округовъ, въ которыхъ дѣла разсматривались. Мнѣ приходилось бесѣдовать съ нѣкоторыми военными судьями, которые жаловались на сильную зависимость ихъ отъ этихъ командующихъ и на вліяніе послѣднихъ на совѣсть судей. Въ особенности извѣстенъ былъ въ этомъ отношеніи одно время глава Казанскаго округа С. Меня всегда поражало слѣдующее: военные судьи, съ виду добродушные, чадолюбивые, вѣжливые въ

обращеніи, въ то же время легко выносили смертные приговоры.

Защитники по политическимъ дѣламъ говорили, что военные судьи гораздо корректнѣе держали себя, чѣмъ члены судебныхъ палатъ.

Въ судебныхъ палатахъ при разсмотрѣніи политическихъ дѣлъ слышны были окрики предсѣдателей; защитникамъ не давали говорить, ихъ на каждомъ шагу останавливали, а въ военныхъ судахъ защитники говорили вдоволь и ихъ не прерывали. Судьи внимательно слушали ихъ и казалось, что они вполнѣ согласны съ защитникомъ, а въ результатѣ — смертный приговоръ или безсрочная каторга.

Какъ-то разъ я былъ въ городѣ Камышинѣ на сессіи. Въ этомъ же городѣ тогда же происходилъ военный судъ по крупному политическому процессу. Изъ многихъ городовъ пріѣхали знаменитости: изъ Петербурга А. С. Зарудный, изъ Саратова И. Н. Мясоѣдовъ, А. А. Токарскій, изъ Самары О. Г. Гиршфельдъ и др. Мнѣ удалось выбрать время и пойти въ военный судъ. Я былъ въ восторгѣ отъ мягкаго и корректнаго отношенія къ защитникамъ и подсудимымъ. Адвокаты либерально и подробно говорили. Судьи умиленно смотрѣли на нихъ. Послѣ рѣчей прокурора, требовавшаго смертной казни для значительнаго числа подсудимыхъ, объявленъ былъ перерывъ засѣданія до слѣдующаго дня. Военные судьи, прокуроръ и адвокаты жили въ одной и той же готсинницѣ, обѣдали вмѣстѣ и добродушно бесѣдовали; а результатъ: смертная казнь и безсрочная каторга.

Послѣ суда, подъ вліяніемъ рѣчи военнаго прокурора, я въ довольно дурномъ настроеніи, пришелъ къ одному пріѣзжему защитнику. Вдругъ, мы услышали игру на скрпикѣ. Доносились неясные звуки музыки Чайковскаго. Скрипачъ игралъ съ

большимъ чувствомъ. Но какъ я былъ пораженъ, когда узналъ, что такъ нѣжно играетъ тотъ самый прокуроръ, который, за часъ до этого, съ легкимъ сердцемъ требовалъ смертной казни для массы подсудимыхъ, среди которыхъ было много юношей, виновныхъ въ томъ, что они мечтали по своему создать рай на землѣ.

Предварительныя слѣдствія по дѣламъ, поступавшимъ въ военные суды, производились гражданскими судебными слѣдователями, преимущественно слѣдователями по важнѣйшимъ дѣламъ. Такъ какъ политическихъ дѣлъ было очень много, министерство юстиціи командировало кандидатовъ на судебныя должности въ помощь судебнымъ слѣдователямъ съ правомъ самостоятельнаго производства слѣдствія. Эти новорожденные судебные слѣдователи оказались очень тонкими людьми, понимавшими духъ пославшаго ихъ начальства.... Они привлекали массу лицъ, по самымъ шаткимъ основаніямъ, часто списывая полицейскія дознанія.

Какъ пріятно отдохнуть отъ всѣхъ этихъ воспоминаній и перенестись мыслью въ тихіе уѣздные города, гдѣ, пріѣзжая на сессіи, я въ свободное отъ занятій время, знакомился съ земскими дѣятелями, съ людьми земли.

Предсѣдатели земскихъ управъ часто бывали и почетными мировыми судьями и, какъ таковые, пополняли составъ суда на сессіяхъ. Они вносили живую струю, вѣрный житейскій взглядъ на дѣло. Мы, коронные судьи, разсуждали теоретически, знали крестьянъ по бумажкамъ, по разнымъ дознаніямъ и показаніямъ, а они знали душу и характеръ населенія.

Въ этомъ отношеніи они были очень полезными сотрудниками.

Выѣзды на сессіи имѣли огромное значеніе и

вліяніе на судей. Вообще знакомство съ жизнью на мѣстахъ, въ уѣздахъ, съ разнообразнымъ населеніемъ весьма полезно для судей. Судья долженъ знать жизнь, онъ имѣетъ дѣло съ живымъ человѣкомъ, а знать послѣдняго можно только зная окружающую среду. Къ счастью, по серьезнымъ дѣламъ роль коронныхъ судей ограничивается опредѣленіемъ наказаній по статьямъ уложеній о наказаніяхъ, т. е. опредѣленіемъ наказанія за преступленія,по которымъ присяжные засѣдатели признали подсудимыхъ виновными.Судъ можетъ понижать наказаніе лишь на двѣ степени и надо отдать справедливость: большинство судей весгда пользовалось этимъ правомъ. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росло у меня убѣжденіе въ святости принципа: «Не судите, — да не судимы будете». Только, когда видишь передъ собой подсудимаго, когда переживаешь съ нимъ весь ходъ судебнаго слѣдствія, только тогда чувствуешь всю тяжесть роли судьи и часто фальшивое его положеніе.

Будучи судьей, я удѣлялъ много времени общественной дѣятельности и это спасало меня. Я не послушался совѣта прокурора судебной палаты Макарова, о которомъ я выше писалъ, и окунулся въ гущу общественной жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Какъ я сказалъ выше, пріѣхавъ въ Саратовъ безъ Екатерины Владимировны въ мартѣ 1904 года, я остановился у своихъ друзей Кальмановичей. Въ домѣ послѣднихъ и черезъ нихъ я быстро познакомился со всѣми общественными дѣятелями Саратова. Семья Кальмановичей была одна изъ самыхъ интересныхъ въ Саратовѣ. Самъ Самуилъ Еремѣевичъ Кальмановичъ — талантливый адвокатъ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ въ обществѣ, такъ и въ судебномъ мірѣ. Прокуратура его не долюбливала, но не могла не признавать за нимъ таланта и знаній, и поэтому неохотно выступала въ дѣлахъ, въ которыхъ защитникомъ былъ Кальмановичъ.

Анна Андреевна Кальмановичъ издавала брошюры по женскому вопросу, посылала статьи въ западно-европейскіе журналы, участвовала въ конгрессахъ.

Всѣ культурно - благотворительныя учрежденія Саратова рѣзко отличались отъ самарскихъ. Шире былъ масштабъ и шире участіе всей интеллигенціи.

Въ Саратовѣ, какъ общество, такъ и печать принимали самое дѣятельное участіе въ жизни и дѣятельности «О-ва пособія бѣднымъ». На это общество смотрѣли не какъ на исключительно фи-

лантропическое, но какъ на культурное и даже политическое. Самые крайніе лѣвые элементы работали въ этомъ обществѣ и на общихъ собраніяхъ произносились рѣчи съ ярко-политическимъ оттѣнкомъ. Общество имѣло: пріютъ, мастерскія, курсы и, за отсутствіемъ широкой политической жизни, «О-во пособія бѣднымъ» было чуть ли не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ болѣе или менѣе свободно дебатировались общественные вопросы.

Доходъ общества пособія бѣднымъ составляли членскіе взносы и пожертвованія. Жертвовали богатые купцы, оставлявшіе капиталъ процентами съ котораго должно было пользоваться об-во пособія бѣднымъ. Въ особенности извѣстенъ былъ капиталъ умершаго въ Саратовѣ богатаго купца молоканина Аносова: проценты съ капитала давали об-ву около 2.000 рублей въ годъ. Я пришелъ въ ужасъ, когда первый разъ познакомился съ порядкомъ выдачи процентовъ съ этого капитала бѣднымъ.

Выдача производилась въ годовщину смерти Аносова. За двѣ недѣли до этого дня, въ городской управѣ открывался пріемъ прошеній отъ лицъ, желавшихъ воспользоваться пособіемъ. Словесныя просьбы не принимались. И вотъ зимой, съ окраинъ Саратова, гдѣ ютилась бѣднота, вереницей тащатся женщины, престарѣлые отцы семействъ, отставные чиновники, получающіе грошовыя пенсіи, въ городскую управу.

Въ день выдачи пособій въ залѣ городской думы, въ присутствіи наслѣдниковъ Аносова, служили торжественную панихиду. Въ корридорахъ управы, на улицѣ, на холодѣ ждала толпа лицъ, подавшихъ прошенія, а послѣднихъ было свыше тысячи, причемъ нѣкоторые изъ подавшихъ просителей по болѣзни не могли явиться. Прошеній набиралось отъ 1.500 до 1.800. Болѣе или менѣе прилично одѣ-

тые просители, т. е. тѣ, на которыхъ была хоть какая нибудь одежонка, допускались въ залъ и тоже молились объ упокоеніи души умершаго благодѣтеля. Затѣмъ начиналась раздача денегъ. Изъ суммы въ 1.850 или 1.900 рублей, часть удерживалась въ пользу школы при какомъ-то монастырѣ, часть въ пользу дѣтей служащихъ городской управы, а остальная сумма въ 1.200 или 1.300 рублей дѣлилась между всей массой подавшихъ прошенія и доставалось отъ полтинника до 1 рубля на семью. Просителей пускали по очереди и нѣкоторые, чтобы получить 50 коп. или рубль, простаивали отъ девяти часовъ утра до 5-6-ти часовъ вечера, а до нѣкоторыхъ очередь доходила на слѣдующій день. Можно себѣ представить душевное состояніе семьи, подавшей прошеніе, причемъ нѣкоторые неграмотные за написаніе прошенія платили копѣекъ 20 или 30. Подавъ прошеніе, проситель тревожно ждалъ посѣщенія «ревизора» съ опроснымъ листомъ. Послѣ такого посѣщенія, проситель опять тревожно ждалъ дня выдачи, строилъ планы, — на что онъ употребитъ это пособіе — и въ результатѣ 50 коп. или рубль.

Еврейское отдѣленіе «О-ва пособія бѣднымъ» тоже рѣзко отличалось отъ самарскаго. Въ Самарѣ оно дѣйстоввало нелегально, приходилось устраивать вечеринки въ частныхъ домахъ для полученія доходовъ. Въ Саратовѣ оно дѣйствовало открыто, на законномъ основаніи. А. А. Кальмановичъ воспользовалась моимъ переѣздомъ въ Саратовъ и передала мнѣ предсѣдательство въ «Еврейскомъ комитетѣ О-ва пособія бѣднымъ». До осени 1904 года я знакомился съ этой дѣятельностью, съ сотрудниками и сотрудницами.

Мои друзья смѣясь утверждали, что за мной въ Саратовъ послѣдовали всѣ бѣдняки Поволжья. Это не соотвѣтствовало дѣйствительности. Правда, въ

Саратовъ наѣзжало много нуждающихся, но не Поволжья, а изъ черты осѣдлости. Притягательными центрами для еврейской молодежи черты осѣдлости были учебныя заведенія Саратова, въ особенности женская фельдшерская школа и техническое училище.

Когда въ 1911 году въ Саратовѣ открылся университетъ и зданіе для него еще не было готово, медицинскій факультетъ расположился въ фельдшерской школѣ и эта школа удовлетворяла требованіямъ факультета не только помѣщеніемъ, но и всѣми научными приспособленіями.

Когда я пріѣхалъ въ Саратовъ, то, по просьбѣ дирекціи школы, я одинъ семестръ преподавалъ ученицамъ школы латинскій языкъ. Надо быть справедливымъ: плохимъ я былъ преподавателемъ, но ученицы были довольны и это вполнѣ понятно— я ихъ не очень обременялъ работой.

Такъ какъ процентнаго ограниченія по отношенію къ еврейскимъ дѣвушкамъ въ школѣ введено не было, то изъ черты осѣдлости начали наѣзжать въ Саратовъ задыхавшіяся тамъ дѣвушки, стремившіяся къ знанію и самостоятельной жизни.

Еще одно обстоятельство благопріятствовало наплыву еврейскихъ дѣвушекъ. Обычно, въ тѣ времена, для поступленія въ учебныя заведенія внѣ черты осѣдлости требовалось предварительно заручиться полицейскимъ удостовѣреніемъ о правѣ жительства въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилось учебное заведеніе. Эти удостовѣренія не легко давались. Саратовская фельдшерская школа практиковала слѣдующую систему: еврейскія дѣвушки присылали по почтѣ свои документы — свидѣтельство объ окончаніи четырехъ классовъ женской гимназіи и метрику , — и администрація зачисляла этихъ дѣвушекъ въ ученицы. Онѣ затѣмъ пріѣзжали въ Саратовъ, какъ полноправныя, не нуждаясь въ полицей-

скомъ удостовѣреніи. Впослѣдствіи полиція стала придираться къ такимъ пріѣзжимъ и хотѣла ихъ выслать изъ Саратова. Столыпинъ пріостанавливалъ такія высылки и посовѣтовалъ дирекціи школы представить на утвержденіе уставъ, въ который включить параграфъ, что еврейскія дѣвушки принимаются въ школу безъ процентной нормы и что, будучи приняты въ ученицы школы, онѣ тѣмъ самымъ получаютъ право жительства.

Уставъ былъ представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, когда назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ, и уставъ, валявшійся въ канцеляріи министерства, былъ немедленно имъ утвержденъ.

Вскорѣ въ школѣ было отъ 60-70 проц. евреекъ. Пріѣзжали онѣ въ Саратовъ блѣдныя, изможденныя, съ сильнымъ желаніемъ учиться, быть полезными обществу, но, конечно, безъ всякихъ средствъ.

Много нужно было такта, умѣнья подойти къ бѣдной дѣвушкѣ такъ, чтобы, помогая, не оскорбить ея самолюбія, щадить ея человѣческое достоинство. Пріѣдетъ такая дѣвушка изъ какого-нибудь глухого мѣста черты осѣдлости, съ горящими глазами, худая, издерганная, обращается съ просьбой о предоставленіи ей возможности учиться, найти ей какую-нибудь работу. Для незнакомыхъ съ психологіей этихъ людей казалось, что многіе изъ нихъ страшно дерзки, невоспитаны, но ихъ манера держаться, говорить, объяснялись исключительно застѣнчивостью, робостью, боязнью, какъ бы люди, къ которымъ они обращались за помощью, не оскорбили бы ихъ самолюбія.

Среди массы такихъ была одна ученица, нѣкая г-жа Х. Окончивъ фельдшерскую школу, она поступила на медицинскіе курсы, и въ настоящее время

занимаетъ довольно почетное мѣсто среди врачей-общественниковъ. Въ одномъ изъ ея писемъ ко мнѣ, она пишетъ: «Услуга въ оказанiи денежной помощи студентамъ не такъ важна и не такъ ужъ трудно ее оказать, а вотъ вся заслуга въ томъ, чтобы тоньше, бережнѣе подойти къ душѣ человѣка, не сдѣлать его робкимъ, не оскорбить его достоинства». Колоссальное значенiе, какъ она пишетъ, имѣетъ для всей послѣдующей жизни усвоенiе той или иной манеры жить. «И плохая эта услуга, которую частенько оказываетъ молодежи большинство меценатовъ, прiучая ее къ слезнымъ мольбамъ, пролазничеству, неуваженiю себя».

«Мы, стоящiе у порога жизни, обычно не любимъ тѣхъ, кто стоитъ на ней обѣими ногами и, въ сознанiи своей силы, протягиваетъ руку, для того, чтобы взобраться по этой лѣстницѣ хоть немного вверхъ. Можетъ быть, это и несправедливо и жестоко со стороны молодежи, но во-первыхъ, это фактъ, и такова природа людскихъ отношенiй, въ основѣ которыхъ лежитъ стремленiе къ самостоятельности, къ жизни за свой отвѣтъ и страхъ Вотъ и получается противорѣчiе,коллизiя съ самимъ собой, и лишь немногiе, чуткiе, умѣютъ обходить больное въ этомъ вопросѣ».

Далѣе она пишетъ:

«Шесть лѣтъ прошло, какъ я жила въ Саратовѣ. Кончаю высшую школу, пройдена лучшая полоса жизни, въ теченiе которой было очень много разнаго, да и въ смыслѣ матерiальныхъ перипетiй было плоховато, плохо и очень плохо, но страшно никогда не было, и я думаю, что оттого жила и жить хочу я безъ боязни, что не напугана И кто знаетъ, въ какой мѣрѣ я обязана вамъ тѣмъ, что легко жить научилась».

Кончаетъ она письмо слѣдующимъ:

«Приходилось, навѣрно, вамъ разглядывать боязливыхъ людей. У нихъ есть все, чтобы не бояться, и сила физическая и моральная, и готовность и умѣнье работать, но они всего рѣшительно боятся, и жизни и людей и самихъ себя. И думается мнѣ, что таковыми они стали, а не были. А стали оттого, что ихъ напугали тогда, когда пугать нельзя, а надо научить вѣрить, вѣрить жизни, людямъ. Научить простотой, сердечностью».

Кромѣ ученицъ фельдшерской школы, изъ черты осѣдлости прiѣзжала масса молодежи, какъ юношей, такъ и дѣвушекъ, такъ называемыхъ «экстерновъ».

Дѣвушки имѣли все-таки болѣе или менѣе видъ «барышень», но юноши, убѣгавшiе изъ черты осѣдлости, преодолѣвая всѣ трудности, сопряженныя съ поѣздкой безправнаго и безъ средствъ, являлись въ чужой городъ въ ужасномъ видѣ. Плохо владѣя русскимъ языкомъ, они все таки искали заработковъ. А какiе заработки можно было достать такимъ юношамъ? Чтобы щадить самолюбiе всей этой молодежи, мы ввели слѣдующую систему: молодежь получала помощь не въ видѣ милостыни или ссуды, а за т р у д ъ. Всѣ они имѣли уроки, шло взаимное обученiе. Учащiеся высшихъ классовъ учебныхъ заведенiй занимались съ прiѣзжей молодежью, а послѣднiе,въ свою очередь, занимались съ бѣдными учениками городскихъ училищъ, и ученикъ второго класса городского училища готовилъ какого-нибудь бѣднаго мальчика въ 1-й или даже приготовительный классъ. Къ этому дѣлу мы привлекали ту интеллигенцiю, которая въ той или иной формѣ получала помощь отъ разныхъ и не-еврейскихъ благотворительныхъ обществъ. Всѣ эти импровизированные учителя, ученики и ученицы ежедневно, въ особенности въ послѣобѣденное время, собирались въ помѣщенiи на

Цыганской улицѣ, въ еврейскій молитвенный домъ, въ которомъ лишь по праздникамъ и субботамъ совершались богослуженія. Всѣ національныя, классовыя и сословныя перегородки исчезали. Сынъ царицынскаго священника Кротковъ занимался съ дочерью мѣстнаго духовнаго раввина Сафиръ, а послѣдняя готовила въ гимназію внучку курьера окружного суда Карпантье.

Чтобы помогать такой массѣ учащихся - экстерновъ, нужны были огромныя средства. Саратовское еврейское общество не могло ихъ давать. Въ этомъ отношеніи большую, неоцѣненную услугу оказалъ мнѣ мой покойный другъ Давидъ Фаддеичъ Фейнбергъ.

Д. Ф. до конца жизни, а умеръ онъ 73-74 лѣтъ, сохранялъ юношескую бодрость и доброе, отзывчивое сердце. Въ теченіе десятковъ лѣтъ мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Благодаря его энергіи, я получалъ небольшія суммы отъ разныхъ западно-европейскихъ еврейскихъ культурно - просвѣтительныхъ учрежденій.

Первые годы я лишь по перепискѣ былъ знакомъ съ представителями этихъ учрежденій, а затѣмъ я лично познакомился и о многихъ изъ нихъ я сохранилъ самое отрадное воспоминаніе. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю о предсѣдателѣ «Еко» и «Альянсъ Израелитъ», недавно умершемъ Нарциссѣ Левенъ. Г. Левенъ приходился племянникомъ извѣстному политическому дѣятелю Второй Французской Республики Кремье. Кремье былъ военнымъ министромъ, а Левенъ его секретаремъ. Онъ очень интересовался положеніемъ евреевъ въ Россіи, возмущался политикой правительства по отношенію къ евреямъ, но вѣрный французскій патріотъ, онъ старался заглушать всю горечь, меч-

тая, какъ всѣ французы, при содѣйствіи Россіи, побѣдить Германію и получить обратно Эльзасъ - Лотарингію.

Я видѣлъ, какъ Левену тяжело было говорить о положеніи евреевъ въ Россіи, будучи вынужденнымъ не особенно рѣзко выражаться о порядкахъ въ дружественной Россіи.

Въ западно - европейскихъ дѣятеляхъ я замѣчалъ интересную черту: необыкновенную преданность своей родинѣ, глубокій искренній патріотизмъ, что не мѣшало имъ быть хорошими евреями, искренно откликаться на еврейское горе. Нарциссъ Левенъ — большой французскій патріотъ, мечтавшій видѣть Францію торжетсвующей надъ своей поработительницей Германіей.

Пауль Натанъ, — глубокій нѣмецкій патріотъ, величіе Германіи для него на первомъ планѣ. Онъ хотѣлъ бы видѣть всѣхъ евреевъ счастливыми, но благодарными Германіи. По его мнѣнію, только германская культура призвана осчастливить человѣчество. Того же мнѣнія, но только относительно французской культуры — Нарциссъ Левенъ. Эти культурные представители двухъ враждебныхъ народовъ служатъ яркимъ доказательствомъ нелѣпости утвержденія, что евреи могутъ быть только космополитами, а не патріотами пріютившихъ ихъ странъ. Это, конечно, я замѣчалъ не только въ бесѣдахъ съ Левеномъ и Натаномъ, но и со многими французскими и германскими евреями.

Познакомившись, по моимъ докладамъ и отчетамъ, съ положеніемъ еврейской учащейся молодежи въ Саратовѣ, Пауль Натанъ обѣщалъ содѣйствіе «Гильфсферейна» и ежегодная субсидія была обезпечена.

Кромѣ учениць фельдшерской школы, въ Саратовѣ была еще цѣлая категорія лицъ, нуждавшихъ-

ся въ помощи, — это ученики средне - техническаго училища. Послѣднее было очень хорошо обставлено въ научномъ отношеніи. Евреевъ принимали въ училище безъ соблюденія процентной нормы.Этимъ воспользовались юноши черты осѣдлости, въ особенности изъ Минской и Могилевской губ. Пріѣзжали въ Саратовъ, конечно, безъ всякихъ средствъ и о нихъ слѣдовало заботиться. Мы имъ давали небольшія стипендіи изъ заграничныхъ суммъ, а на взносъ платы за право ученія я получалъ изъ Петербурга отъ «ОРТ-а».

Многіе изъ нашихъ стипендіантовъ по окончаніи техническаго училища продолжали свое образованіе въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а многіе сдѣлались земскими техниками, какъ внѣ, такъ и въ самой чертѣ осѣдлости, гдѣ пользовались особой симпатіей населенія.

Въ Новоузенскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ еврейки-фельдшерицы составляли значительный процентъ. Какая преданность дѣлу! Какое честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ!

Русское населеніе хорошо знало, что эти фельдшерицы — еврейки, и это не мѣшало ему не только лѣчиться у этихъ евреекъ, но и любить ихъ, повѣрять имъ всѣ свои горести и совѣтоваться съ ними въ трудныя минуты жизни о всѣхъ своихъ несчастьяхъ.

Я продолжаю утверждать: послѣднія печальныя событія, въ которыхъ народъ обнаружилъ такія звѣрскія наклонности, все таки не могутъ поколебать моего убѣжденія, что простому народу чужда расовая и національная вражда.

***

Въ первые же дни пребыванія въ Саратовѣ, я познакомился съ дѣятельностью другого культур-

но - филантропическаго общества, — общества вспомоществованія недостаточнымъ молодымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію. Когда я пріѣхалъ въ Саратовъ, членами комитета были люди кристальной чистоты, изъ нихъ нѣкоторые видные общественные дѣятели. Всѣ они были если не лѣваго, то прогрессивнаго направленія Предсѣдателемъ былъ Александръ Ардальоновичъ Токарскій, а неизмѣннымъ секретаремъ - казначеемъ — Евгеній Ивановичъ Флеровскій.

Кто въ Саратовѣ, да не въ одномъ Саратовѣ. не зналъ Александра Ардальоновича Токарскаго?

Присяжный повѣренный, впослѣдствіи членъ 1-й Государственной Думы, гдѣ былъ предсѣдателемъ весьма серьезной комиссіи по разсмотрѣнію жалобъ на дѣйствія администраціи, Александръ Ардальоновичъ былъ однимъ изъ основателей общества и почти безсмѣннымъ его предсѣдателемъ.

Воспользовавшись моимъ пріѣздомъ въ Саратовъ и зная о моей работѣ въ Самарѣ въ такомъ же обществѣ, комитетъ обратился ко мнѣ съ просьбой вступить въ члены общества.

По просьбѣ того-же комитета я принялъ на себя обязанности предсѣдателя общества.

Евгеній Ивановичъ съ улыбкой часто сообщалъ:

— Воскресъ еще одинъ должникъ въ Ташкентѣ или Самаркандѣ.

Благодаря всему этому, мы стали расширять нашу дѣятельность: не ограничивались одними взносами платы, а высылали болѣе или менѣе приличныя субсидіи и даже позволяли нѣкоторымъ учащимся лѣчиться за счетъ общества.

Значительные доходы обществу давали вечера, устраиваемые въ его пользу. Устраивались они въ залѣ коммерческаго клуба и одинъ традиціонный

вечеръ устраивался ежегодно 5-го января. Устраивали его сами студенты и курсистки, пріѣзжавшіе въ Саратовъ на зимніе каникулы. Это былъ «ихъ» вечеръ. За двѣ недѣли или за десять дней до этого вечера студенты и курсистки собирались, выбирали разныя комиссіи по устройству вечера, приглашали артистовъ. Эти вечера были самыми желанными въ Саратовѣ. Они напоминали пользовавшіеся большой извѣстностью вечера въ Москвѣ въ пользу общества вспомоществованія студентамъ Московскаго Университета.

После вечера происходилъ обмѣнъ мнѣній, впечатлѣній между старыми и новыми студентами. Молодые по душѣ толковали со старыми, бывшими студентами.

Никакихъ національныхъ, сословныхъ и вѣроисповѣдныхъ преградъ комитетъ не зналъ, но и съ другой стороны, всѣ національности города Саратова принимали болѣе или менѣе активное участіе въ жизни этого общества.

Въ послѣднее время у насъ было много плановъ: хотѣли пріобрѣсти дачу подъ общежитіе на лѣтнее время для нашихъ стипендіантовъ, мечтали пріобрѣсти дачу на югѣ для этой же цѣли, но нашимъ планамъ не удалось осуществиться.

Помимо этого общества, въ послѣднее время я принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ исправительной колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ имени Галкина и въ обществѣ попеченія о глухонѣмыхъ.

Колонія помѣщалась за предѣлами города, въ нѣскольких верстахъ отъ него. Вся администрація, въ томъ числѣ сторожа, были мужчины; женщинъ туда не допускали. Исключеніе было сдѣлано только для женъ смотрителя и священника, и то на это смотрѣли какъ на неизбѣжное зло. Въ колонію

помѣщали мальчиковъ, приговоренныхъ судомъ за разныя мелкія преступленія и не достигшихъ 17-тилѣтняго возраста.

Надзоръ былъ довольно слабъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ: всѣ члены комитета были люди, занятые своими частными или общественными дѣлами. На обязанности свои по отношенію къ колоніи смотрѣли, какъ на тяжелую повинность.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Саратова пріѣзжалъ въ колонію начальникъ главнаго тюремнаго управленія С. С. Хрулевъ, бывшій прокуроромъ Московской судебной палаты, одинъ изъ любимцевъ министра юстиціи Щегловитова. Посѣтивъ колонію, онъ говорилъ о необходимости гуманнаго обращенія съ дѣтьми и вообще много либеральничалъ. Мы съ нимъ бесѣдовали о положеніи тюремнаго дѣла. Онъ высказывалъ самые гуманные взгляды, тѣ же самые, какіе онъ высказывалъ въ Америкѣ, когда рисовалъ русскія тюрьмы чуть ли не какъ институты благородныхъ дѣвицъ.

Какое впечатлѣніе могли производить на меня эти рѣчи, когда я зналъ, что онѣ расходятся съ дѣломъ. Я зналъ, что въ саратовской тюрьмѣ царитъ Губертъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

18-го октября 1905 г., часовъ въ двѣнадцать дня, когда я былъ въ окружномъ судѣ, получено было извѣстіе о манифестѣ 17-го октября 1905 г. Впечатлѣніе было ошеломляющее. По городу шли толпы народа съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Днемъ происходили собранія, съ балконовъ произносились зажигательныя рѣчи. Интеллигенція браталась съ рабочими, съ извозчиками, съ солдатами. А къ вечеру стали носиться тревожные слухи. Группами стояли чуйки, мелкіе лавочники, и стало раздаваться слово «жидъ». Группировались эти кучки около извѣстнаго въ Саратовѣ торговца тряпьемъ, нѣкоего Уварова, довольно темной личности, впослѣдствіи судившагося за мошенничество. Этотъ Уваровъ и его единомышленники, такіе же нравственно грязные, какъ и онъ, люди, утверждали, что евреи съ балконовъ говорили кощунственныя рѣчи и ругали царя. Это приписывалось С. Е. Кальмановичу, хотя послѣдній никакихъ рѣчей не произносилъ. Всю ночь несчастный С. Е. съ дѣтьми долженъ былъ искать убѣжища, такъ какъ толпа искала его и, если бы его нашли, то убили бы. Днемъ 18-го числа мы были на улицѣ, а затѣмъ я съ Екатериной Владимировной вернулся домой. Вскорѣ мы получили записку отъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ Шмерлинговъ съ просьбой

пріѣхать къ нимъ по весьма важному дѣлу. Мы поѣхали. На улицѣ была жуткая тишина. Всѣ ворота были заперты. Изъ нѣкоторыхъ оконъ пугливо выглядывали безпокойныя лица, преимущественно евреевъ. Насъ остановили какіе-то вольноопредѣляющіеся и посовѣтовали не разъѣзжать, такъ какъ начался еврейскій погромъ. Мы все таки поѣхали къ Шмерлингамъ и застали ихъ въ очень удрученномъ состояніи: они еле-еле спаслись отъ погрома. Мы эту семью взяли къ себѣ. На одной изъ улицъ, по которой намъ нужно было ѣхать, мы увидѣли группу вооруженныхъ палками людей. Они окликнули насъ и приказали остановиться. Извозчикъ нашъ, мальчикъ, сильно перетрусилъ, да и лошаденка была плоха. Мы остановились. Къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ съ палками, а сзади плелся пьяный полицейскій.

— Слѣзайте, грубо обратились они къ намъ, надо обыскать, нѣтъ ли револьверовъ.

Въ одной изъ группъ, вооруженныхъ, какъ и остальныя, дубинами, я узналъ полицейскаго служителя, часто дежурившаго въ судѣ. Я ему сказалъ:

— Развѣ ты меня не узналъ? Я членъ суда, живу рядомъ съ полиціймейстеромъ.

Я дѣйствительно жилъ рядомъ съ домомъ, гдѣ проживалъ полиціймейстеръ Мораки. Переодѣтый полицейскій, страшно сконфуженный, усиленно извинялся за то, что не призналъ меня. Онъ объяснялъ намъ, что поставленъ для «порядка».

Ночь съ 18 на 19 была кошмарная. У насъ въ квартирѣ, кромѣ Шмерлинговъ, были еще нѣкоторыя семьи. Къ нашему дому подходили погромщики; искали они богатую еврейскую семью, проживавшую на верхнемъ этажѣ — Гродницкихъ. Ночью я выходилъ, и отъ полиціймейстера Мораки и отъ казаковъ, охранявшихъ его домъ, получалъ свѣдѣ-

нія о ходѣ погрома. Телефонировалъ я вице-губернатору Кноллю, исполняшему обязанности губернатора, а также прокурору Микулину. Получалъ отъ нихъ успокоительныя вѣсти, что погромъ, молъ, ликвидируется, но, въ дѣйствительности, погромъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался. Какъ я сказалъ, квартира полиціймейстера охранялась казаками. Слова одного изъ нихъ очень характерны:

— Не безпокойтесь, Ваше Высокородіе, — сказалъ онъ мнѣ, мы, казаки, говорили погромщикамъ: «Мы вамъ тамъ не мѣшаемъ громить, но не здѣсь, не рядомъ съ полиціймейстеромъ».

Хорошее утѣшеніе!

На другой день утромъ погромная волна поднялась съ большей ожесточенностью. Мы съ Екатериной Владимировной направились къ главнымъ улицамъ. Въ наше отсутствіе, какъ мы узнали, подходила къ нашему дому толпа погромщиковъ, облила ворота керосиномъ и хотѣла поджечь, но казаки имъ помѣшали.

Губернатора Столыпина тогда не было въ Саратовѣ. Онъ задолго до погрома, чуть ли не въ сентябрѣ мѣсяцѣ, выѣхалъ въ свое имѣніе, въ Ковенскую губернію, а оттуда въ Петербургъ. Исполнялъ его обязанности вице-губернаторъ Кнолль, человѣкъ не энергичный, растерявшійся и не знавшій, какъ держаться съ погромщиками, ходившими по городу съ царскими портретами и хоругвями По городу продолжали распространяться провокаціонные слухи, что евреи произносятъ рѣчи противъ царя и Бога, стараются уничтожить всѣхъ христіанъ и возстановить «жидовское» царство.

Столыпинъ вернулся 20-го числа. Въ тотъ же день я отправился къ нему. Онъ очень былъ доволенъ моимъ посѣщеніемъ и сказалъ:

— Я очень радъ, что вы посѣтили меня, я слы-

шалъ, что въ городѣ распространяются слухи, будто-бы я устроилъ погромъ, а между тѣмъ всѣ знаютъ, что я почти мѣсяцъ былъ въ отлучкѣ.

Мы съ нимъ много говорили о причинахъ погромовъ и онъ высказалъ самъ мнѣніе, что для еврейскаго погрома въ Саратовѣ не было никакихъ причинъ. Среди саратовскихъ евреевъ не было ростовщиковъ, лавочниковъ и эксплуататоровъ, и никакого антагонизма между христіанами и евреями не замѣчалось.

Столыпинъ обѣщалъ принять самыя энергичныя мѣры къ подавленію безпорядковъ, причемъ указалъ, что нежелательное впечатлѣніе можетъ произвести появившаяся въ этотъ день въ саратовскихъ газетахъ замѣтка о томъ, что его, Столыпина, переводятъ изъ Саратова.

— Эта замѣтка можетъ повліять на мой престижъ, — сказалъ Столыпинъ, — и желательно ее опровергнуть.

При этомъ Столыпинъ сказалъ, что ему предложили постъ управляющаго дворянскимъ и крестьянскимъ банками и что онъ подалъ даже объ этомъ прошеніе, но Государь отклонилъ просьбу, считая его, Столыпина, полезнымъ на губернаторскомъ посту въ такое тяжелое время. Столыпинъ обѣщалъ опубликовать энергичныя воззванія къ населенію о всей гнусности погрома, что имъ и было исполнено, хотя и не въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ. На мое предложеніе пожертвовать хотя бы небольшую сумму въ пользу погромленныхъ семействъ, дабы все населеніе видѣло, что высшая власть не сочувствуетъ погромамъ, Столыпинъ сказалъ, что охотно мнѣ пришлетъ, но теперь оффиціально неудобно.

— Низы, — сказалъ онъ, — еще волнуются и надо дѣйствовать осторожно.

Денегъ онъ мнѣ такъ и не прислалъ.

Всѣхъ пострадавшихъ отъ погрома было 123 семьи. Пострадали, конечно, самыя бѣдныя семьи - ремесленники. Синагога была сожжена и толпа хотѣла бросить въ огонь престарѣлаго синагогальнаго служку (шамеса).

Въ саратовскомъ погромѣ участвовалъ по обыкновенію сбродъ городского населенія, хотя, къ сожалѣнію, не отказалась отъ пользованія плодами этого погрома и нѣкоторая часть полуинтеллигенціи, а также мѣщане. Крестьяне окрестныхъ селъ пріѣзжали на подводахъ за награбленнымъ. Рано утромъ, на 3-ій день погрома, когда звонили къ заутренѣ, я изъ окна видѣлъ какъ тянулись возы крестьянъ съ награбленнымъ имуществомъ; навстрѣчу ѣхали порожнякомъ за добычей. Стоявшій на посту городовой, слѣдившій за «порядкомъ», приказывалъ порожнякамъ сворачивать въ сторону, чтобы давать дорогу нагруженнымъ возамъ. Въ это время зазвонили къ заутренѣ; крестьяне, какъ тѣ, которые везли награбленное, такъ и тѣ, которые ѣхали за послѣднимъ, стали креститься...

Въ городскомъ полицейскомъ управленіи содержалось нѣсколько десятковъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ погромѣ. Задержаны они были съ самыми ничтожными вещами. Всѣ эти вещи также были въ полицейскомъ управленіи. Потерпѣвшіе отъ погрома евреи призывались въ управленіе, гдѣ имъ предъявлялись, какъ обвиняемые, такъ и оказавшіяся при послѣднихъ вещи. Предъявленіе обставлено было довольно своеобразно: въ грязномъ, длинномъ, довольно темномъ корридорѣ полиціи, у стѣны, выставлены были обвиняемые, большей частью алкоголики, люди со дна. На полу разложены были вещи. Испуганные евреи, только что

вылѣзшіе изъ подваловъ и погребовъ, проходили, какъ сквозь строй, мимо этихъ хулигановъ, которые грозили имъ кулаками и говорили:

— Мы еще съ вами, жидами, посчитаемся!

Можно себѣ представить душевное состояніе этихъ евреевъ. Заподозрѣнные, зная какъ мягко власть относится къ погромамъ, издѣвались надъ напуганными евреями. Столыпину донесли, что евреи держатся «вызывающе» и поэтому онъ пригласилъ меня къ себѣ. Когда я пришелъ къ нему въ кабинетъ, я засталъ у него полиціймейстера Мораки, впослѣдствіи полиціймейстера Дворцового участка въ Петроградѣ. Столыпинъ былъ не въ духѣ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ, что считаетъ нужнымъ рекомендовать мнѣ вліять на евреевъ, чтобы они не держали себя вызывающе. Низы христіанскаго населенія еще возбуждены, и такое поведеніе евреевъ можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія, съ которыми теперь трудно будетъ бороться. Я спросилъ, въ чемъ выражается вызывающее поведеніе евреевъ. Мораки сказалъ, что евреи держатъ себя крайне высокомѣрно при предъявленіи имъ обвиняемыхъ. Я объяснилъ Столыпину, какъ и при какихъ условіяхъ происходитъ предъявленіе обвиняемыхъ и вещей и предоставилъ ему рѣшить вопросъ, могутъ ли забитые, напуганные евреи держать себя вызывающе, когда они увѣрены, что эти самые обвиняемые могутъ исполнить свою угрозу и повторить погромъ. При этомъ я уже разсказалъ Столыпину, какъ держала себя полиція во время погрома, когда его, Столыпина, не было въ Саратовѣ, какъ я опозналъ городового, переодѣтаго, съ коломъ, принимавшаго участіе въ погромѣ. Мораки пробовалъ было протестовать, но я назвалъ фамилію городового II участка Кожевникова. Столыпинъ заявилъ, что такія дѣйствія недопустимы, и велѣлъ разслѣдовать, но, конечно,

никакого разслѣдованія не было, и когда Столыпинъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Мораки переведенъ былъ въ Петербургъ.

Послѣ 17-го октября начались аграрные безпорядки, погромы помѣщиковъ и губернаторъ не могъ заниматься еврейскими дѣлами. Во время погрома прокуроромъ окружного суда въ Саратовѣ былъ Д. Д. Микулинъ, мой товарищъ по службѣ въ Самарѣ. Этого Микулина мы звали «кающаяся Марія Магдалина». Онъ, будучи товарищемъ прокурора въ Самарѣ, энергично участвовалъ въ обыскахъ по политическимъ дѣламъ, а затѣмъ «каялся». На другой день повторялось то же самое. Въ ночь погрома я ему телефонировалъ, требовалъ принять энергичныя мѣры къ прекращенію погрома и объвилъ, что посылаю телеграмму графу Витте, предсѣдателю совѣта министровъ. Телеграмму послали, причемъ она была подписана мною, какъ членомъ саратовскаго окружного суда.

Микулинъ возбудилъ дѣло о погромѣ. Слѣдствіе велось довольно вяло, привлечены были «стрѣлочники», задержанные съ какой нибудь кастрюлей или изодранной подушкой. Разные Уваровы и имъ подобные вдохновители погрома, продолжали свое «святое дѣло». Союзъ русскаго народа зажилъ въ Саратовѣ. Прокламаціи епископа Гермогена и извѣстнаго Иліодора, призывавшія къ погрому, переходили изъ рукъ въ руки. Лишь въ 1909 или 10-мъ году на скамью подсудимыхъ посадили темныхъ парней и бабъ, приговорили ихъ къ ничтожному наказанію, по всей вѣроятности, не приведенному въ исполненіе.

Саратовскій погромъ былъ еще изъ «счастливыхъ»: убитыхъ не было и лишь двумъ или тремъ нанесены были тяжкія побои. Вниманіе погромщиковъ было обращено исключительно на имущество: это былъ просто грабежъ.

Какъ отнеслась саратовская интеллигенція къ погрому? Вполнѣ отрицательно, конечно,за нѣкоторыми исключеніями. Общее собраніе суда, считая дѣло о погромѣ весьма важнымъ, выслушавъ мое мнѣніе, рекомендовало передать производство слѣдствія по этому дѣлу члену суда Сендлеру, бывшему до этого слѣдователемъ по особо-важнымъ дѣламъ. Сендлеръ сначала энергично взялся за дѣло, но затѣмъ какъ-то остылъ, да и положеніе его было нелегкое: полиція не давала данныхъ противъ вліятельныхъ лицъ - вдохновителей погрома, а евреи боялись указывать не только на участіе въ погромѣ, но даже на бездѣйствіе полиціи.

***

Послѣ разгона II Государственной Думы, началась сильная реакція и она отразилась, конечно, на евреяхъ и на самой невинной части еврейства — на юношествѣ: начали требовать разнаго рода удостовѣреній отъ лицъ, держащихъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости; стали требовать удостовѣренія о правѣ жительства даже отъ учениковъ техническаго училища. По этому вопросу, въ особенности объ экстернахъ, я имѣлъ бесѣды съ губернаторомъ, графомъ С. С. Татищевымъ.

Еврейскіе юноши допущены были къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости и во всѣ классы коммерческихъ и реальныхъ училищъ. Когда происходили экзамены, директора I и II гимназій потребовали, чтобы евреи-экстерны удалились, такъ какъ отъ попечителя учебнаго округа, извѣстнаго Деревицкаго, получено было распоряженіе, по которому евреи-экстерны могутъ быть допущены къ экзаменамъ лишь съ согласія губернатора! Это ненормальное распоряженіе объяснялось тѣмъ, что до свѣдѣнія попечителя дошло, что слишкомъ мно-

го евреевъ допущено къ экзаменамъ, что этимъ, молъ, высшая администрація недовольна.

Директора ходили къ Татищеву, а тотъ далъ уклончивый отвѣтъ; меня осаждали несчастные экстерны, просили хлопотать за нихъ у губернатора. Можно представить себѣ ихъ положеніе. Какъ мучились они,пока достали всѣ нужные и ненужные документы, пока допущены были къ экзаменамъ. Многіе выдержали по нѣкоторымъ предметамъ и вдругъ имъ объявляютъ, что они должны быть выброшены за бортъ...

Помню, разъ, вернувшись домой изъ окружного суда, я засталъ у себя человѣкъ десять юношей въ страшно нервномъ возбужденіи: ихъ выгнали изъ гимназіи — измученныхъ, истощенныхъ,изстрадавшихся!...

Еще по дорогѣ домой я встрѣтилъ директора II гимназіи Катерфельда, довольно корректно относившагося къ евреямъ. Онъ возмущался тѣмъ, что обиваетъ пороги у Татищева и не можетъ добиться опредѣленнаго отвѣта по вопросу объ экстернахъ-евреяхъ, а между тѣмъ экзамены продолжаются и надо рѣшить этотъ вопросъ.

Рядомъ съ домомъ губернатора помѣщалось присутствіе по городскимъ и земскимъ дѣламъ. Въ этотъ день происходило тамъ засѣданіе подъ предсѣдательствомъ губернатора. Въ нарушеніе всѣхъ правилъ этикета, я отправился туда и рѣшилъ во что бы то ни стало повидать Татищева. Вызвалъ я присутствовавшаго на засѣданіи товарища прокурора К. Н. Гололобова. Повѣдалъ я ему о своемъ положеніи и о страданіяхъ несчастныхъ экстерновъ и просилъ узнать у Татищева, когда могу я повидать его, такъ какъ дѣло серьезное. Гололобовъ спросилъ Татищева и, вернувшись ко мнѣ, сказалъ, что засѣданіе скоро кончится и Татищевъ

приметъ меня дома. Я отправился къ себѣ и, сѣвъ у окна, сталъ караулить, когда выйдетъ Татищевъ. Окруженъ я былъ всей молодежью, ожидавшей рѣшенія своей участи. Обѣдать я не могъ — боялся упустить губернатора. Наконецъ, онъ показался. Я пошелъ къ нему. Онъ тоже, вѣроятно, готовился къ обѣду и былъ не въ особенно хорошемъ настроеніи. Онъ уже зналъ о цѣли моего прихода и высказалъ удивленіе, что на него возложены обязанности, входящія въ компетенцію вѣдомства просвѣщенія. Я его просилъ отвѣтить директорамъ, что съ его стороны не имѣется препятствій къ допущенію евреевъ къ экзаменамъ. Онъ, улыбаясь, сказалъ, что такого отвѣта онъ дать не можетъ и показалъ мнѣ уже готовый отвѣтъ. Редакція послѣдняго мнѣ не понравилась и, по моему настоянію, Татищевъ нѣсколько измѣнилъ ее, и при мнѣ бумага была отослана директорамъ. Вечеромъ я отправился къ Катерфельду, и онъ — надо отдать ему справедливость — съ большимъ рискомъ для себя, пользуясь неясностью отвѣта губернатора, допустилъ евреевъ экстерновъ къ экзаменамъ. Его примѣру послѣдовали и другіе директора. На другой день эти же юноши, въ повышенномъ настроеніи, были у меня благодарить. Я видѣлъ какъ Татищевъ, стоя у окна своей квартиры, показывалъ кому-то на группу веселыхъ юношей, выходившихъ изъ моего дома.

Какъ-то разъ, въ бесѣдѣ со мной, губернаторъ Татищевъ разсказалъ, что въ 1905 г. онъ былъ губернаторомъ въ Вильнѣ и во время безпорядковъ призвалъ мѣстныхъ евреевъ, почтенныхъ людей, рекомендовалъ имъ повліять на еврейскую молодежь, такъ революціонно настроенную, и удивлялся, что старики евреи не имѣютъ вліянія на своихъ дѣтей. Я ему повторилъ то, что давнымъ давно извѣстно: революціонное настроеніе молодежи зависитъ отъ отношенія къ ней правительства.

— Вотъ, — говорилъ я, — хотѣли выбросить за бортъ около 30 юношей; хорошо, что во-время остановились. А вѣдь куда они пошли бы? Какія чувства были бы у нихъ къ правительству, такъ безчеловѣчно поступившему съ ними? Конечно, всѣ они были бы оппозиціонно настроены, обозлены, и можно ли удивляться, если такіе юноши будутъ стоять во главѣ разныхъ антигосударственныхъ кружковъ и организацій.

Опасеніе администраціи и прокурорскаго надзора, что я пущу слишкомъ глубокіе корни, послужило причиной, что, въ концѣ концовъ, я вынужденъ былъ совершенно оставить Саратовскую губернію.

МОЙ УХОДЪ ИЗЪ СУДА

Съ 80-хъ годовъ, какъ я сказалъ выше, евреевъ перестали принимать на службу по судебному вѣдомству. Послѣ смерти члена суда Дилона, судебнаго слѣдователя Троцкаго и принятія православія членомъ суда Верблобскимъ, по судебному вѣдомству осталось два еврея: Я. М. Гальперинъ и я. Я.М. Гальперинъ началъ и кончилъ службу въ центральномъ управленіи министерства юстиціи и достигъ высокихъ чиновъ: получилъ постъ вице-директора II департамента министерства юстиціи. Такимъ образомъ, по магистратурѣ остался я одинъ; я и считался единственнымъ судьей - евреемъ. Это мозолило глаза многимъ. Еще когда я былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Самарѣ, въ извѣстномъ журналѣ князя Мещерскаго «Гражданинъ» помѣщена была замѣтка, въ которой указывалось на недопустимость того, чтобы въ христіанскомъ государствѣ, еврей производилъ слѣдствіе надъ православнымъ. Если единомышленники князя Мещерскаго возмущались существованіемъ еврея - слѣдователя и судьи, то, съ другой стороны, люди либеральнаго образа мыслей находили полезнымъ, чтобы евреи занимали такія мѣста. Кажется, въ 1910 г., когда я былъ у А. Ф. Кони, послѣдній мнѣ сказалъ:

— Я очень радъ, что вы продолжаете служить въ качествѣ судьи, считаю это очень полезнымъ для

евреевъ. Вѣдь Щегловитову можно указать, что при всемъ его отрицательномъ отношеніи къ евреямъ, онъ все таки долженъ признать, что евреи могутъ быть достойными судьями.

По всей вѣроятности, Щегловитову неоднократно на это указывали, и онъ сталъ принимать мѣры, чтобы, наконецъ, освободиться отъ еврейскихъ элементовъ въ министерствѣ юстиціи. Лѣтомъ 1910 г. Я. М. Гальперинъ, встрѣтившись со мной въ Витебскѣ, сказалъ, что весной того же года въ министерсво пріѣзжалъ прокуроръ Саратовской судебной палаты А. . Миндеръ и на вопросъ, куда онъ идетъ, Миндеръ сказалъ, что онъ идетъ къ министру съ докладомъ о моей дѣятельности и что онъ будетъ настаивать на оставленіи мною Саратова.

По словамъ Гальперина, онъ пригласилъ Миндера къ себѣ въ кабинетъ и узналъ, что лично противъ меня Миндеръ ничего не имѣетъ, но что, ввиду моего вреднаго вліянія на присяжныхъ засѣдателей, склоненія ихъ къ частымъ оправдательнымъ вердиктамъ, ироническаго отношенія къ прокурорскому надзору, а также моего участія въ разныхъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, особенно въ еврейскихъ, изъ уголовнаго отдѣленія. Послѣ долгихъ разговоровъ Миндеръ сказалъ, что доклада онъ не сдѣлаетъ, а устроитъ переводъ мой изъ уголовнаго въ гражданское отдѣленіе. Нужно сказать, что въ Я. М. Гальпернѣ, какъ вице-директорѣ департамента, въ которомъ сосредотачивались дѣла о пенсіяхъ, эмеритурахъ, денежныхъ наградахъ и т. п., нуждались прокуроры и предсѣдатели, часто хлопотавшіе по дѣламъ подвѣдомственныхъ имъ чиновъ, и расположеніемъ Гальперна очень дорожили.

Миндеръ, разъ онъ встрѣтился съ Гальпер-

номъ, не могъ не сообщить ему о томъ, что идетъ съ докладомъ обо мнѣ Щегловитову: онъ зналъ о моихъ хорошихъ отношеніяхъ съ Я. М., зналъ также и то, что послѣдній такъ или иначе узнаетъ объ этомъ докладѣ.

Изъ Висбадена я уѣхалъ и вернулся въ Саратовъ въ 20-тыхъ числахъ сентября. О разговорѣ съ Я. М. я никому не говорилъ. Я все ждалъ дѣйствій со стороны Миндера. Я тогда же рѣшилъ, что придется разстаться съ Саратовымъ: переходить въ гражданское отдѣленіе для меня не было возможнымъ по причинамъ, изложеннымъ въ началѣ моихъ воспоминаній, а, затѣмъ я чувствовалъ, что это повлечетъ за собой невозможность заниматься общественными дѣлами. Конечно, если бы я былъ практичнѣе, я долженъ былъ бы повидаться съ Миндеромъ, переговорить съ нимъ и, по всей вѣроятности, все осталось бы по прежнему. Ниже я скажу, что мое предположеніе вполнѣ подтвердилось изъ разговора съ Миндеромъ, но когда онъ уже не могъ для меня ничего сдѣлать.

Спустя нѣкоторое время я узналъ, что Я. М. Гальпернъ выходитъ въ отставку. Причины, заставившія Я. М. рѣшиться на такой шагъ, въ точности мнѣ не извѣстны. Несмотря на наши весьма дружескія отношенія съ Я. М., онъ, будучи по характеру крайне сдержаннымъ, подробно не говорилъ объ этихъ причинахъ, но при одномъ упоминаніи о Щегловитовѣ приходилъ въ сильное раздраженіе и безъ презрѣнія не могъ говорить о немъ. По слухамъ, когда Я. М. пришелъ къ Щегловитову ходатайствовать о выдачѣ свидѣтельства на званіе частнаго повѣреннаго мужу своей единственной дочери, то Щегловитовъ не только отказалъ ему въ этомъ, но, какъ говорятъ, указалъ на желательность подачи Я. М. просьбы объ отставкѣ. Извѣст-

но, что съ больнымъ Я. М. сдѣлалось дурно въ кабинетѣ Щегловитова и его оттуда вынесли.

Какъ я сказалъ, я все ждалъ «дѣйствій» со стороны Миндера и дождался ихъ.

17-го декабря 1910 года старшій предсѣдатель палаты Н. А. Чебышевъ, черезъ предсѣдателя суда А. Е. Тимрота, пригласилъ меня къ себѣ. Отъ Тимрота я узналъ, что, вслѣдствіе доклада Миндера, министръ юстиціи предложилъ Чебышеву поговорить со мной. Чебышевъ нѣсколько лѣтъ былъ у насъ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты. Когда онъ пріѣхалъ въ Саратовъ, то былъ у насъ, какъ и у остальныхъ членовъ суда, съ визитомъ, а его жена первое время часто навѣщала насъ.

Когда я пришелъ къ Чебышеву, на столѣ у него лежало нѣсколько дѣлъ, на которыя, по словамъ Н. А., ему рекомендовалось обратить особое вниманіе. Это были дѣла, въ рѣшеніяхъ по которымъ я, какъ судья, принималъ участіе.

Дѣла были слѣдующія:

1. О помѣщицѣ Хвалынскаго уѣзда, обвинявшейся въ устройствѣ незаконнаго сборища и тайной торговлѣ виномъ;

2. О священникѣ Хвалынскаго уѣзда, обвинявшемся въ ложномъ доносѣ на земскаго учителя.

3. О евреѣ-провизорѣ, обвинявшемся въ самовольномъ переводѣ аптеки въ новое помѣщеніе, въ небрежномъ храненіи ядовитыхъ медикаментовъ и отпускѣ капель безъ рецепта врача;

4. Объ убійствѣ шпіона въ городѣ Камышинѣ.

Чебышевъ сказалъ, что «наверху», въ камерѣ прокурора палаты, очень враждебно ко мнѣ относятся, что я вліяю на присяжныхъ засѣдателей, иронизирую надъ прокурорскимъ надзоромъ, гну въ сторону обвиненій, когда обвиняются полицейскіе чины, слишкомъ близкое участіе принимаю въ тѣхъ культурно - просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, въ

особенности еврейскихъ, на которыя администрація не очень доброжелательно смотритъ; что Щегловитовъ очень желаетъ, чтобы я подалъ въ отставку; что хотя отъ меня зависитъ рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ я, какъ судья, несмѣняемъ, но всетаки онъ, Чебышевъ, совѣтуетъ мнѣ исполнить желаніе министра. При этомъ онъ сталъ указывать мнѣ на лежащія на столѣ дѣла. Оказалось, всѣ эти дѣла, въ оосбенности первые два, разсматривались судомъ чуть ли не въ 1905 г. и заключались въ слѣдующемъ:

По первому дѣлу:

Помѣщица Хвалынскаго уѣзда, пользуясь манифестомъ 17-го октября 1905 г. — о свободѣ собраній, — устроила у себя вечеринку. На столахъ стояла водка, и гости, выпивая, клали пожертвованія въ кружку въ пользу устроенной хозяйкой въ своемъ имѣніи школы. Полиція усмотрѣла въ этомъ — преступное дѣяніе: незаконное сборище и тайную продажу вина.

Составъ суда въ Хвалынскѣ: предсѣдатель — членъ суда Е. Ф. Брюхановъ, я и городской судья Кентенъ - де - Рюмаре. Мы эту «преступницу» оправдали. Хотя насъ, судей, было трое, но почему-то только меня считали виновнымъ въ этомъ рѣшеніи.

По второму дѣлу:

Обвинялся священникъ, кстати сказать, не пользовавшійся особой любовью своей паствы, что онъ сдѣлалъ ложный доносъ на земскаго учителя, выставляя послѣдняго, какъ политически - неблагонадежнаго. Допросивъ массу свидѣтелей, обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, мы признали этого священника виновнымъ. Вину за это рѣшеніе опять взвели на меня.

По третьему дѣлу:

Дѣло о провизорѣ, кажется, Перкѣ. Провизоръ

— еврей, 70-лѣтній старикъ, имѣлъ сельскую аптеку въ Кузнецкомъ уѣздѣ, въ сатрапіи знаменитаго исправника Филонова. Въ начавшійся лѣтомъ пожаръ, послѣдняя сгорѣла. Уцѣлѣвшіе медикаменты, склянки, свою постель старикъ перенесъ въ сарай, на дворѣ того же дома, гдѣ раньше помѣщалась аптека, а вывѣску «сельская аптека» прибилъ къ воротамъ двора. Исправникъ Филоновъ, съ помощью своего клеврета, уѣзднаго врача Иванова, составилъ актъ о самовольномъ переводѣ аптеки, о храненіи ядовитыхъ медикаментовъ рядомъ съ обыкновенными, а затѣмъ, ссылаясь на показанія земскаго врача Смирнова о томъ, что какая-то больная сказала ему, что старикъ аптекарь пустилъ ей, по ея просьбѣ, какія-то капли въ глаза, Филоновъ возбудилъ обвиненіе объ отпускѣ Перкомъ капель безъ рецепта. Эта Авдотья не была допрошена, а ограничились показаніемъ вышеупомянутаго Смирнова. Дѣло разбиралось сначала заочно составомъ суда: С. П. Аліеновъ, Е. Ф. Брюхановъ, уѣздный членъ суда Черносвитовъ. Судъ призналъ аптекаря виновнымъ. Послѣдствія такого приговора крайне серьезны: признанный виновнымъ лишается права не только владѣть, но и управлять аптекой, а въ данномъ случаѣ 70-лѣтній старикъ обреченъ былъ на голодную смерть, такъ какъ все его имущество могло быть оцѣнено въ 200 или 300 рублей. По отзыву обвиненнаго, дѣло вторично разбиралось въ его присутствіи. Судьями были: тотъ же товарищъ предсѣдателя С.П.Аліеновъ,я иКузнецкій городской судья Хлѣбниковъ. Мы съ нимъ пришли къ заключенію, что въ дѣйствіяхъ аптекаря нѣтъ состава преступленія: переносъ вещей, въ томъ числѣ и медикаментовъ, во время пожара, нельзя считать переводомъ аптеки въ новое помѣщеніе; въ сараѣ въ безпорядкѣ валялась вся домашняя утварь рядомъ съ медикаментами и вполнѣ понятно, что аптекарь

могъ не успѣть разставить эти медикаменты; Авдотья, которой онъ пустилъ капли въ глаза (вѣроятно, капли атропина), не была допрошена и не было установлено, при какихъ обстоятельствахъ ее лѣчилъ аптекарь; посему мы и признали Перка по суду оправданнымъ. Товарищъ предсѣдателя Аліеновъ остался при особомъ мнѣніи. Дѣло по протесту прокурора перешло въ судебную палату, которая наше рѣшеніе **утвердила.** Тѣмъ не менѣе, считали возможнымъ, спустя нѣсколько лѣтъ, ставить мнѣ — судьѣ, причемъ исключительно мнѣ одному, въ вину это рѣшеніе.

По четвертому дѣлу:

Здѣсь только скажу, что въ засѣданіи суда, гдѣ разсматривался вопросъ о разумѣніи обвиняемыхъ по этому дѣлу, не достигшихъ 17-лѣтняго возраста, я и уѣздный членъ суда Юматовъ, признали этихъ несовершеннолѣтнихъ юношей, учениковъ Камышинскаго реальнаго училища, дѣйствовавшими безъ разумѣнія и подробно обсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, — дѣло было многотомное — мы признали, что въ дѣлѣ нѣтъ даже данныхъ для привлеченія этихъ юношей къ отвѣтственности. Товарищъ предсѣдателя С. П. Аліеновъ остался при особомъ мнѣніи. Мы постановили обвиненныхъ, содержавшихся подъ стражей, немедленно освободить. Саратовская судебная палата — куда въ тотъ же день прокуроромъ принесенъ былъ протестъ на наше опредѣленіе — отмѣнила послѣднее. Это было чуть ли не въ 1910 г. Военный судъ — замѣтьте, военный — разсмотрѣвъ дѣло по существу, оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ, конечно, и юношей, учениковъ реальнаго училища. Тѣмъ не менѣе, все таки обвинили меня въ пристрастіи, такъ какъ одинъ изъ юношей - подсудимыхъ былъ еврей.

Сначала Чебышевъ держалъ себя довольно

серьезно, какъ подобаетъ лицу, получившему инструкцію отъ министра юстиціи, но постепенно онъ мѣнялъ тонъ, сталъ высказывать возмущеніе дѣйствіями Миндера, по доносу котораго послѣдовало предложеніе министра. Чебышевъ оскорблялся тѣмъ, что прокуроръ палаты безъ вѣдома его — старшаго предсѣдателя — докладывалъ министру о членѣ суда. Кто-то довольно вѣрно сказалъ, что въ Россіи обыватель потому еще имѣетъ возможность дышать, что всѣ вѣдомства ссорятся между собой: вице-губернаторъ съ губернаторомъ, губернаторъ съ прокуроромъ, прокуроръ съ предсѣдателемъ суда и т. д. Въ данномъ случаѣ,Чебышевъ, забывъ объ инструкціи министра, хотѣлъ доказать, что Миндеръ ложно донесъ и говорилъ со мной довольно сердечно. На мое замѣчаніе, что даже Столыпинъ — онъ былъ тогда премьеромъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ — не находилъ ничего неблагонадежнаго въ моей общественной дѣятельности, Чебышевъ сказалъ:

— Столыпинъ теперь не такъ къ вамъ относится, какъ раньше.

При этомъ Чебышевъ замѣтилъ, что положеніе вещей таково въ настоящее время, что всесильный товарищъ министра, завѣдующій полиціей Курловъ, можетъ сдѣлать докладъ объ увольненіи меня безъ суда, а поэтому онъ совѣтуетъ прошеніе подать, но по его соображеніямъ, послѣ разговора съ министромъ, прошенію не будетъ данъ ходъ. Я понялъ, что Чебышеву во что бы то ни стало нужно исполнить желаніе Щегловитова: заручиться моимъ обѣщаніемъ о подачѣ въ отставку. Это тѣмъ болѣе важно было для Чебышева, что его прочили въ сенаторы и хотя онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Щегловитовымъ, — чуть ли не на «ты» — но все таки считалъ для себя весьма полезнымъ исполненіе этого желанія Щегловитова. Я сказалъ

Чебышеву, что при такихъ обстоятельствахъ — при возможномъ наскокѣ на судебное вѣдомство со стороны Курлова, — я подамъ въ отставку при исполненіи нѣкоторыхъ моихъ требованій. Чебышевъ сказалъ, что Щегловитовъ для меня все сдѣлаетъ, всѣ мои требованія исполнитъ, такъ какъ онъ... страстно желаетъ моей отставки. Мы условились съ Чебышевымъ встрѣтиться въ Петербургѣ, куда онъ на другой день уѣзжалъ къ своей семьѣ.

Конечно, званіе члена суда, единственнаго еврея въ судебномъ вѣдомствѣ, льстило моему самолюбію, и предложеніе подать въ отставку, хотя и отвѣчало моему душевному настроенію, все таки огорчило меня.

Согласно уговору съ Чебышовымъ, я его посѣтилъ въ Петербургѣ, и онъ мнѣ объявилъ, что по моему дѣлу разговаривалъ съ директоромъ департамнета личнаго состава, Демчинскимъ, и что послѣдній приглашаетъ меня въ министерство на 4-го января. При этомъ Чебышевъ просилъ, чтобы я подтвердилъ Демчинскому, что я обѣщалъ ему, Чебышеву, подать въ отставку.

4-го января я пришелъ въ министерство. Въ пріемной былъ и Чебышевъ. Онъ зашелъ къ Демчинскому, долго съ нимъ бесѣдовалъ и, выйдя оттуда, обѣщаніе, данное мною ему, Чебышеву. Демчинскій тоже былъ наканунѣ отставки: онъ былъ черезчуръ мягокъ для Щегловитова.

Демчинскій сказалъ мнѣ, что мое дѣло знаетъ, что онъ тоже не одобряетъ усиленныхъ занятій моихъ общественными дѣлами, что о моемъ дѣлѣ министръ юстиціи ничего ему не говорилъ, хотя онъ, какъ директоръ департамента личнаго состава, долженъ былъ бы знать, но что это устроилось келейно, черезъ Миндера. И при этомъ все таки спросилъ, имѣлъ ли Чебышевъ со мной разговоръ о по-

дачѣ мною просьбы объ отставкѣ и обѣщалъ ли я такую просьбу подать.

На другой день я отъ Чебышева узналъ, что Щегловитовъ назначилъ ему аудіенцію 7-го января, причемъ Чебышевъ предложилъ мнѣ придти къ нему домой 7-го же числа вечеромъ, чтобы узнать о результатахъ свиданія.

Въ назначенный вечеръ я пришелъ къ Чебышеву. «Никогда я не видалъ Щегловитова такимъ злымъ, какъ сегодня, когда я говорилъ о васъ», — сказалъ Чебышевъ. — «Рветъ и мечетъ, настаиваетъ, чтобы вы подали въ отставку. Когда я указалъ на ваше положеніе въ Саратовѣ, на отношеніе къ вамъ населенія, на впечатлѣніе, которое вызоветъ вашъ вынужденный уходъ, Щегловитовъ отвѣтилъ: «Мнѣ все равно; еще одна ругательная статья появится въ газетѣ «Рѣчь» и другихъ такихъ же органахъ. Я не могу допустить, чтобы въ настоящее время еврей былъ членомъ суда».

Дальше Чебышевъ говорилъ, что онъ возражалъ Щегловитову, указывая ему, что, вѣдь не онъ, Щегловитовъ, назначилъ меня членомъ суда, и отвѣтственность на него не падаетъ. Тогда Щегловитовъ сказалъ:

— Прошу васъ, Николай Алексѣевичъ, больше не говорить объ этомъ дѣлѣ. Я буду настаивать на освобожденіи министерства отъ евреевъ. Все, что Тейтелю угодно, будетъ сдѣлано, всѣ его требованія исполню, но, повѣрьте, что, въ настоящее время, еврей не можетъ оставаться членомъ суда.

Тогда-то я сказалъ Чебышеву, что выходъ въ отставку, хотя и огорчаетъ меня, но не такъ сильно, такъ какъ, освобожденный отъ службы, я больше вреемни буду удѣлять именно еврейскимъ учрежденіямъ, которыя такъ несимпатичны Щегловитову. Къ сожалѣнію въ нашихъ бюрократическихъ сферахъ имѣетъ значеніе, чрезмѣрное значе-

ніе, протекція, титулъ. Именно, благодаря моему званію, сначала судебнаго слѣдователя, а затѣмъ члена суда, я могъ приносить хотя бы нѣкоторую пользу моимъ безправнымъ единовѣрцамъ. Теперь, когда у меня званія судьи не будетъ, при нашихъ нравахъ, мнѣ хлопотать за евреевъ будетъ неизмѣримо труднѣе. Поэтому, какъ это ни странно, но я хотѣлъ бы получить чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Затѣмъ мнѣ нужно званіе присяжнаго повѣреннаго, такъ какъ имѣній на службѣ по судебному вѣдомству не пріобрѣлъ и возможно, что мнѣ придется заняться адвокатурой. «Передайте, сказалъ я Чебышеву, всѣ эти требованія министру юстиціи».

По моемъ возвращеніи въ Саратовъ, 20 февраля 1911 года, состоялось празднованіе 35-лѣтней моей общественной дѣятельности.

Въ мартѣ того же года Чебышевъ получилъ сенаторство. Какъ-то разъ онъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Тонъ его былъ уже не прежній, онъ удивлялся, что до сихъ поръ я не подалъ въ отставку, что онъ далъ слово министру Щегловитову, что я прошеніе подамъ, а между тѣмъ я медлю. Это было наканунѣ его отъѣзда въ Петербургъ. На его мѣсто былъ назначенъ старшимъ предсѣдателемъ тотъ-же Миндеръ. Это обстоятельство еще больше заставило меня поскорѣе развязаться съ судебнымъ вѣдомствомъ. Было очевидно, что при прокурорѣ Богдановѣ, при старшемъ предсѣдателѣ Миндерѣ никакими общественными дѣлами мнѣ нельзя будетъ заниматься. Я подалъ прошеніе не объ отставкѣ, а о томъ, что, предполагая по болѣзни оставить службу, я хочу выяснить, какая, молъ, пенсія и эмеритура меня ожидаютъ. Такое прошеніе ни къ чему не обязывало меня.

Миндеръ, назначенный старшимъ предсѣдателемъ, сдѣлалъ визиты судейскимъ, въ томъ числѣ и мнѣ.

Въ іюлѣ 1911 г. я уѣхалъ за границу на каникулы и вернулся въ Петроградъ 12-го сентября того же года. Засталъ я письмо моего добраго знакомаго — члена судебной палаты С. П. Аліенова. Аліеновъ мнѣ писалъ, что состоялось общее собраніе окружного суда и на случай выхода моего въ отставку, судъ избралъ въ кандидаты на мое мѣсто нѣкоего Лупандина, брата члена судебной палаты, который былъ очень близокъ къ Миндеру. Я возмущенъ былъ такимъ холопскимъ отношеніемъ суда. Я еще не успѣлъ подать прошеніе объ отставкѣ, а уже спѣшатъ выбрать на мое мѣсто другого. Желая узнать о размѣрахъ пенсіи и эмеритуры въ случаѣ выхода въ отставку, я зашелъ въ министерство юстиціи къ Н. Н. Ленину, завѣдывавшему пенсіоннымъ отдѣломъ. Ленинъ просилъ меня зайти за справкой на слѣдующій день. Когда я пришелъ, Ленинъ мнѣ сказалъ, что начальникъ отдѣленія личнаго состава А. Н. Веревкинъ проситъ меня зайти къ нему по очень серьезному дѣлу. Когда я пришелъ къ послѣднему, онъ мнѣ передалъ, что министръ юстиціи Щегловитовъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, очень желаетъ меня видѣть, что Щегловитовъ крайне, молъ, благосклонно ко мнѣ относится и усиленно проситъ меня побывать у него. Я сказалъ, что завтра въ семь часовъ ѣду съ женой въ Саратовъ, что у меня имѣются уже билеты, а между тѣмъ у Щегловитова пріемъ кончается и что я могу опоздать на поѣздъ.

Веревкинъ сталъ убѣждать меня, что Щегловитовъ первымъ приметъ меня. Посовѣтовавшись съ близкими, я рѣшилъ на другой день посѣтить Щегловитова.

Щегловитовъ меня принялъ однимъ изъ первыхъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, усадилъ въ кресло, самъ тоже сѣлъ и приготовился, повидимому,слушать меня. Я сталъ

ему разсказывать о моихъ отношеніяхъ къ суду, хотѣлъ говорить о дѣлахъ, на которыя онъ, по словамъ Чебышева, обратилъ особое вниманіе, но Щегловитовъ все время молчалъ, а затѣмъ прервалъ меня вопросомъ:

— Можно ли быть съ вами откровеннымъ?

— Пожалуйста, — отвѣтилъ я.

— Суть, — сказалъ онъ, не въ дѣлахъ: лично противъ васъ министерство ничего не имѣетъ. Вѣдь вы были однимъ изъ немногихъ утвержденныхъ судебныхъ слѣдователей. Вся причина въ необходимости оставленія вами министерства юстиціи — это ваше происхожденіе и теперешнее теченіе.

И, помолчавъ нѣсколько, сказалъ:

— Нельзя теперь еврею быть судьей. Я для васъ все сдѣлаю. Мнѣ передалъ Чебышевъ о вашемъ желаніи, и я понимаю, почему вы желаете получить дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Я вполнѣ понимаю ваши мотивы. Хотя по закону на этотъ чинъ вы права не имѣете, такъ какъ у васъ нѣтъ ордена Владиміра 3 степени, но я добьюсь Высочайшаго соизволенія. Повторяю, — сказалъ онъ, лично противъ васъ и вашей дѣятельности ни я, ни министерство юстиціи ничего не имѣемъ.

Затѣмъ онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, я тоже всталъ. Онъ взялъ меня за руку и сказалъ, указывая на свое кресло, приглашая меня сѣсть къ столу.

— Напишите же прошеніе, неужели же вы для меня не можете это сдѣлать.

Я сказалъ, что прошеніе пришлю изъ Саратова и что, во всякомъ случаѣ, я хочу быть уволеннымъ не раньше 1-го января 1912 года. Онъ замѣтилъ, что въ прошеніи можно такъ и написать. Передъ уходомъ онъ опять обратился съ просьбой зайти къ начальнику отдѣленія Веревкину и тамъ написать прошеніе, которому онъ дастъ ходъ только послѣ 1-го января.

Время тогда было мрачное. Это было вскорѣ послѣ убійства Столыпина. Все въ министерствѣ мнѣ опротивѣло. Проходя мимо кабинета Веревкина, я открылъ дверь, но Веревкина тамъ не было. Я рѣшилъ пойти домой, тамъ написать прошеніе и въ тотъ же день доставить его Щегловитову. Сталъ я спускаться по лѣстницѣ внизъ. За мной буквально погнался тайный совѣтникъ, впослѣдствіи сенаторъ, Малама. Окликнувъ меня, онъ просилъ, по порученію Щегловитова, зайти къ Веревкину и написать тамъ прошеніе. Я вернулся. А. Н. Веревкинъ встрѣтилъ меня у дверей и, позвавъ секретаря, сказалъ:

— Дайте бумагу Его Превосходительству.

Обратившись ко мнѣ, онъ добавилъ:

— Я такъ титулую васъ, потому что министръ юстиціи сказалъ, что во что бы то ни стало онъ добьется Высочайшаго соизволенія на награжденіе васъ этимъ чиномъ.

Я замѣтилъ ему, что, повидимому, здѣсь придаютъ большое значеніе этому званію. Веревкинъ довольно подобострастно улыбался и я сѣлъ писать прошеніе. Признаться, я былъ въ такомъ нервномъ состояніи, что писалъ лишь подъ диктовку Веревкина.

Въ тотъ же день я съ женой уѣхалъ въ Саратовъ черезъ Москву. Признаться, всю дорогу до Москвы я былъ въ дурномъ настроеніи. Не хотѣлось, боязно было разстаться съ судейской дѣятельностью, боязно было начать новую жизнь... И если быть справедливымъ, то надо сказать — играло роль также и тщеславіе: не хотѣлось разстаться со званіемъ «единственнаго еврея-судьи».

***

Пріѣхавъ въ Саратовъ, я зашелъ къ предсѣдателю суда Тимроту. Послѣдній встрѣтилъ меня со словами:

— Чѣмъ вы обрадуете нашего старшаго(т. е. старшаго предсѣдателя судебной палаты Миндера)? Онъ все волнуется, ждетъ свѣдѣній изъ министерства о вашемъ дѣлѣ.

Я ему сказалъ, что прошеніе мною подано и что меня на это подвинуло удивившее и взволновавшее меня поведеніе окружного суда, нашедшаго возможнымъ избрать на мое мѣсто кандидата, въ то время, когда я прошенія еще не подавалъ. Тимротъ сталъ увѣрять, что Аліеновъ неправильно освѣтилъ этотъ фактъ, что окружной судъ вовсе не желалъ и не желаетъ избавиться отъ меня, что такіе случаи бывали и бываютъ, когда окружной судъ намѣчаетъ въ кандидаты на случай, если откроется вакансія, что въ данномъ случаѣ Миндеру хотѣлось видѣть членомъ суда (Саратовскаго окружного) нѣкоего Лупандина и онъ просилъ Тимрота предложить Лупандина въ кандидаты на первую имѣющуюся открыться вакансію. Тимротъ очень жалѣлъ, что я подалъ прошеніе и совѣтовалъ немедленно послать въ министерство телеграмму и анулировать поданное мною прошеніе, на что я имѣлъ законное право. Но я этого не сдѣлалъ.

1-го января 1912 года полученъ былъ приказъ о производствѣ меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники за «отличіе по службѣ», т. е. за дѣятельность въ качествѣ судьи. Съ одной стороны, Щегловитовъ не считалъ возможнымъ оставить меня въ качествѣ судьи, а съ другой стороны — я получаю высшую награду за отличную судейскую дѣятельность. Слѣдуетъ замѣтить, что полученіе этого чина на службѣ, а не при выходѣ въ отставку, даетъ право на дворянтсво.

Высочайшій указъ о производствѣ меня въ этотъ чинъ былъ отъ 1-го января. А такой же указъ объ увольненіи меня по болѣзни съ пенсіей и мундиромъ былъ отъ 7-го января 1912 г.

17-го января, когда я былъ въ г. Камышинѣ на выѣздной сессіи Саратовскаго окружного суда, полученъ былъ номеръ «Правительственнаго Вѣстника» съ Высочайшимъ приказомъ объ увольненіи меня въ отставку.

Вернувшись изъ Камышина въ Саратовъ, мы быстро освободили нашу квартиру, а сами переѣхали въ номера Иванова, гдѣ прожили около двухъ недѣль.

12-го февраля 1912 года я съ Екатериной Владимировной уѣхали изъ Саратова. Всѣ провожавеіш насъ хотѣли сняться съ нами, но желѣзнодорожная власть не разрѣшила. Какимъ мотивомъ она руководствовалась — Аллахъ вѣдаетъ.

Поѣздъ нашъ тронулся и мы разстались съ Саратовымъ. Не думаю, чтобы горячіе проводы относились лично къ намъ. Полагаю, что значительную роль играло то, что невольный уходъ мой изъ судебнаго вѣдомства вызвалъ протестъ всѣхъ честныхъ людей, въ особенности горячій протестъ со стороны чуткой молодежи.

*
**

Итакъ, я разстался съ Саратовымъ, разстался съ 37-и лѣтней судебной дѣятельностью, на которую ушли не только лучшіе годы, но вся жизнь. Денегъ у меня не было, а усиленная пенсія, о которой такъ много говорилъ Щегловитовъ, выражалась въ суммѣ 110 руб. и 900 руб. эмеритуры (капиталъ, образуемый отъ ежемѣсячныхъ взносовъ служащихъ).

По дорогѣ въ Москву я все думалъ, чѣмъ заниматься, на какія средства существовать? Званіе присяжнаго повѣреннаго меня не особенно привлекало. Начать эту дѣятельность въ 60-лѣтнемъ возрастѣ не особенно легко.

Хоть я и не русскій, но слово «Москва» — много говоритъ моей душѣ. Въ Москву я пріѣхалъ впервые юношей въ 1871 году, когда поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. На какую гору мечталъ я тогда подняться! Какіе горизонты, какія перспективы виднѣлись! Съ тѣхъ поръ прошло почти 40 лѣтъ.

Пріѣхавъ въ Москву съ цѣлью тамъ поселиться, я съ женой все таки рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ нашихъ друзей, — поѣхать къ нимъ во Францію или Италію и тамъ отдохнуть. Предварительно мнѣ нужно было получить званіе присяжнаго повѣреннаго. Я подалъ прошеніе въ московскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ.

По существовавшимъ тогда относительно евреевъ правиламъ, мое прошеніе о зачисленіи меня въ присяжные повѣренные могло получить ходъ лишь съ разрѣшенія министра юстиціи, къ которому Совѣтъ вошелъ съ ходатайствомъ принять меня въ сословіе. Долго не было отвѣта. Я поѣхалъ въ Петербургъ. Когда я пришелъ къ начальнику отдѣленія министерства юстиціи Веревкину, о которомъ я выше писалъ, послѣдній принялъ меня уже не такъ, какъ тогда, когда добивался подачи мною прошенія объ отставкѣ.

Объяснилъ онъ мнѣ, что прежде чѣмъ разрѣшить Совѣту принять меня въ сословіе, министерство ждетъ заключенія прокурора московской судебной палаты Степанова, желательно ли ему увеличеніе числа евреевъ присяжныхъ повѣренныхъ въ его округѣ. Отъ Степанова, конечно, благопріятнаго отвѣта ждать было трудно.

— Хотя вы у насъ служили, — сказалъ мнѣ Веревкинъ, — но все таки вопросъ о зачисленіи васъ въ присяжные повѣренные въ значительной степени зависитъ отъ заключенія Степанова.

Я замѣтилъ Веревкину, что служилъ я «не у

васъ», а по судебному вѣдомству и что честь вѣдомства требуетъ, чтобы его глава, т. е. министръ юстиціи Щегловитовъ, сдержалъ свое слово, данное мнѣ.

Отъ Веревкина я направился къ Демчинскому, директору департамента. Послѣдній немедленно повидался съ Щегловитовымъ и распоряженіе о зачисленіи меня въ присяжные повѣренные было сдѣлано.

Вернувшись въ Москву, я принялъ установленную присягу и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я съ женой выѣхали изъ Москвы за границу.

42 года я не былъ въ чертѣ осѣдлости. Я, конечно, былъ знакомъ съ положеніемъ евреевъ въ этомъ Гетто, но мнѣ хотѣлось лично побывать, какъ на моей родинѣ, въ мѣстечкѣ «Черный Островъ», Подольской губерніи, такъ и въ другихъ мѣстахъ черты. Мнѣ хотѣлось набраться живыхъ впечатлѣній и этими впечатлѣніями подѣлиться въ Западной Европѣ съ людьми, интересующимися русскимъ еврействомъ.

По дорогѣ мы заѣхали въ Кіевъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать на отдыхъ во Францію или Италію, мы съ женой очутились въ Португаліи, въ Лиссабонѣ. Я такъ и озаглавлю слѣдующую главу воспоминаній: «Поѣздка въ Португалію».

Въ Москву мы вернулись въ октябрѣ того же 1912 года. Мы зажили по старому, вносили, какъ говорили наши друзья, провинцію съ ея простотой и безалаберностью въ столицу.

Меня выбрали въ члены комитета и въ ревизіонныя комиссіи разныхъ общественныхъ организацій.

Еврейское населеніе въ Москвѣ, по своему составу, послѣ изгнанія изъ Москвы въ 1892 году всѣхъ ремесленниковъ и дѣтей николаевскихъ солдатъ, не нуждалось въ спеціальныхъ благотвори-

тельныхъ еврейскихъ учрежденіяхъ, такъ какъ въ Москвѣ имѣли право жительства лишь купцы первой гильдіи и лица свободныхъ профессій.

При скудости же въ то время общественной жизни вообще, а въ особенности для евреевъ, которые не могли по закону принимать участія въ городской и земской дѣятельности, оставалось только одно — работать въ благотворительныхъ организаціяхъ, лишь бы была иллюзія общественности. И вотъ въ Москвѣ появились общества: 1. Пособія бѣднымъ евреямъ города Москвы; 2. Помощи учащимся средне-учебныхъ заведеній; 3. Помощи ученицамъ фельдшерскихъ школъ; 4. Сиротскій домъ, Общество Ясли и т. д.

Первое мѣсто занимало «ОПЕ» (Московское Отдѣленіе общества распространенія просвѣщенія среди евреевъ въ Россіи).

Близкое участіе я сталъ принимать въ дѣятельности «ОРТ»-а, т. е. общества поощренія ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи. И это вполнѣ понятно.

Во главѣ московскаго отдѣленія «ОРТ»-а стоялъ Лазарь Соломоновичъ Поляковъ. Занималъ онъ этотъ постъ по традиціи, такъ какъ «ОРТ» былъ основанъ его братомъ, извѣстнымъ желѣзнодорожнымъ королемъ С. С. Поляковымъ. По крайней мѣрѣ, этотъ послѣдній былъ однимъ изъ иниціаторовъ «ОРТ»-а.

Пріѣзжая изъ Саратова въ Москву, я навѣщалъ Поляковыхъ; ближе сошелся я съ ними особенно въ 1912, 1913 годахъ, когда Поляковы уже не играли прежней роли въ политическихъ и финансо-

Сынъ простыхъ евреевъ города Орши, Л. С. своимъ умомъ, а главное тактомъ, скромностью, въ выхъ сферахъ.

Лично на меня Л. С. производилъ обаятельное впечатлѣніе.

то же время сознаніемъ своего достоинства, завоевалъ себѣ почетное мѣсто, не только среди евреевъ, но среди высшаго христіанскаго общества. Ни малѣйшаго заискиванія, въ то же время ни искорки чванства. Во всемъ виденъ былъ хорошій тонъ человѣка, уважающаго въ себѣ человѣческое достоинство.

Въ началѣ 1914 года Л. С. умеръ. Я продолжалъ оставаться замѣстителемъ предсѣдателя «ОРТ»-а.

Вскорѣ я уѣхалъ изъ Москвы по интересовавшему меня дѣлу: вопросу о высшемъ образованіи для еврейскаго юношества. Вернулся я въ концѣ 1916 года, во время войны. Дѣятельность «ОРТ»-а расширилась, работа была совершенно иная, по новой программѣ, объ основной задачѣ «ОРТ»-а — поощреніи земледѣльческаго труда среди евреевъ въ Россіи — нечего было и думать. Всѣми еврейскими организаціями «ОРТ»-у были переданы попеченія о бѣженцахъ. Въ деньгахъ «ОРТ» не нуждался, онъ получалъ большія суммы, какъ отъ вышеупомянутыхъ организацій, такъ и отъ Татіанинскаго комитета. Я былъ въ новомъ помѣщеніи «ОРТ»-а — настоящее министерство, масса служащихъ, масса уполномоченныхъ! Вскорѣ я уѣхалъ изъ Москвы.

Еще за нѣсколько времени до моего переѣзда въ Москву меня избрали въ члены комитета Общества Распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ. Общество задалось очень хорошей мыслью — освѣщать еврейскую жизнь и давать христіанамъ правильныя свѣдѣнія о евреяхъ.

Однако, въ обществѣ правильныхъ свѣдѣній я удовлетворенія не нашелъ и пересталъ посѣщать его засѣданія. Я полагалъ, что общество должно активно работать, доставлять свѣдѣнія о дѣятельности евреевъ во всѣхъ отрасляхъ, правильно освѣщать еврейскій вопросъ въ періодической печати,

устраивать публичныя лекціи, но разъ этого нельзя было дѣлать, то и существованіе такого общества я считалъ не соотвѣтствующимъ цѣлямъ, которыми оно задалось при возникновеніи.

Пробовалъ было я работать въ Обществѣ пособія бѣднымъ евреямъ г. Москвы.

По отношенію къ этому обществу можно было сказать: общество пособія бѣднымъ, но безъ бѣдныхъ. Я былъ на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ правленія и на дежурствахъ, когда выдавали пособія. Какая преданность дѣлу была у многихъ членовъ комитета! Сколько времени, энергіи тратилось при обсужденіи вопроса, дать ли проѣзжему еврею три или пять рублей!

Въ 1913 году я былъ избранъ въ члены Комитета Московскаго общества пособія студентамъ. Это общество пользовалось особой симпатіей Москвы, старой, интеллигентной, профессорской Москвы. Нельзя было представить себѣ либеральнаго интеллигента - москвича, который такъ или иначе не былъ бы связанъ съ этимъ обществомъ. Московскій университетъ — какъ много онъ говоритъ сердцу всей руской интеллигенціи!

Я съ удовольствіемъ сталъ работать въ этомъ комитетѣ. Я, какъ всѣ члены, принималъ прошенія отъ студентовъ, хлопотавшихъ о пособіи или о предоставленіи имъ занятій и знакомился съ ихъ жизнью, посѣщалъ ихъ на дому. Въ особенности мнѣ пріятно было встрѣчаться и бесѣдовать со студентами Поволжья.

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось не долго работать въ этомъ обществѣ.

Поѣздка въ Португалію

Прослуживъ по судебному вѣдомству 37 лѣтъ, я въ февралѣ 1912 года вышелъ въ отставку.

Послѣ всѣхъ переживаній, связанныхъ съ послѣдней, мы съ женой рѣшили принять предложеніе нашихъ заграничныхъ друзей поѣхать въ Италію, или на югъ Франціи.

Въ апрѣлѣ 1912 года мы пріѣхали въ Кіевъ и остановились у нашихъ друзей Левъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, сидя за чайнымъ столомъ, я открылъ свою записную книжечку съ адресами. Сидѣвшій со мной рядомъ Л. А. Левъ спросилъ:

— Неужели у васъ такъ много кіевскихъ адресовъ?

Я сказалъ, что это адресъ-календарь всего міра и случайно указалъ на адресъ Терло изъ Лиссабона.

— Какъ, у васъ имѣется адресъ Терло? — воскликнулъ онъ и, поднявшись съ своего мѣста, побѣжалъ въ кабинетъ и написалъ срочную телеграмму, которой отмѣнилъ свой отъѣздъ изъ Кіева на какой-то сахарный заводъ. Вернувшись въ столовую, онъ объяснилъ, что кіевскій комитетъ «Ето» — еврейскаго территоріалистическаго общества, членомъ котораго онъ соститъ, получило черезъ Терло предложеніе португальскаго правительства объ уступкѣ евреямъ для колонизаціи Анголы.

«Вы нашъ спаситель», — воскликнулъ Левъ. — «Вѣдь, значитъ, Терло не мифическое лицо, зна-

читъ его кое-кто знаетъ, а то мы поставлены въ невозможное положеніе: Португалія дѣлаетъ весьма важное предложеніе черезъ какого-то Терло и мы не знаемъ, можно ли въ такомъ серьезномъ дѣлѣ полагаться на никому неизвѣстнаго посредника».

Я ему объяснилъ, что лично Терло не знаю, но что мой сынъ, возвращаясь изъ Марокко, былъ въ Лиссабонѣ, въ русскомъ посольствѣ, гдѣ познакомился съ Терло. Послѣдній просилъ передать мнѣ его просьбу посѣтить его въ Лиссабонѣ, если я какъ нибудь попаду туда. Это предложеніе онъ сдѣлалъ, какъ потому, что встрѣчалъ мою фамилію въ печати, такъ еще и потому, что онъ приходится мнѣ дальнимъ родственникомъ. Левъ, несмотря на поздній часъ, побѣжалъ къ нѣкоторымъ членамъ комитета «Ето» и на другой день состоялось экстренное засѣданіе комитета, на которомъ и я былъ.

Меня стали просить измѣнить маршрутъ поѣздки, и вмѣсто того, чтобы ѣхать на югъ Франціи или въ Италію — посѣтить Лиссабонъ. Комитетъ послалъ срочную телеграмму своему президенту въ Лондонъ — Зангвиллю, и тотъ просилъ меня согласиться на эту поѣздку.

Послѣ долгихъ переговоровъ, поѣздка моя была рѣшена.

Я, не будучи территоріалистомъ, такъ скоро согласился на предложеніе ѣхать въ Португалію, ибо я полагалъ, что и Ангола одна изъ дорогъ, ведущихъ въ Римъ.

На поѣздку въ Лиссабонъ и на двухъ- или трехдневное пребываніе тамъ комитетъ ассигновалъ мнѣ 400 рублей. По мнѣнію комитета моя миссія заключалась лишь въ томъ, чтобы увидѣть, дѣйствительно ли Терло имѣетъ предложеніе португальскаго правительства и кто такой этотъ Терло?

Прежде чѣмъ ѣхать въ Португалію, мы съ же-

ной рѣшили посѣтить нѣкоторыя мѣста черты осѣдлости, въ томъ числѣ и мѣстечко Черный Островъ, Подольской губерніи, — мою родину.

Послѣ 42-хъ лѣтней жизни внѣ черты, намъ хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ тамъ наши братья. О забитомъ, безправномъ положеніи евреевъ черты, о царствовавшемъ тамъ произволѣ мы, конечно, знали, но боль особенно остро чувствуется, когда воочію видишь это насиліе и угнетеніе личности.

Въ Черномъ Островѣ на вокзалѣ собрались мѣстные евреи провожать насъ. Является жандармъ, требуетъ, чтобы всѣ евреи оставили залъ 1-го класса, такъ какъ, по распоряженію жандармскаго желѣзнодорожнаго ротмистра, евреямъ запрещено находиться въ залѣ 1-го класса. Оказалось, что евреямъ не только въ залѣ 1-го класса, но и на перронѣ нельзя собираться.

Первымъ городомъ, гдѣ мы остановились за границей, — была Вѣна.

Изъ Вѣны мы пріѣхали въ Парижъ и остановились у нашего друга — Раисы Борисовны Герценштейнъ, энергичной, интересовавшейся всѣмъ, что касалось дѣлъ еврейскаго народа, имѣющей большія связи въ мѣстныхъ политическихъ и общественныхъ сферахъ. О моемъ пріѣздѣ и о предстоящей поѣздкѣ въ Португалію узнали нѣкоторые общественные дѣятели и въ гостинной Герценштейнъ происходили споры и бесѣды по вопросу объ Анголѣ.

Съ первымъ отходящимъ поѣздомъ мы съ женой въ третьемъ классѣ выѣхали въ Лиссабонъ. Дорогой мы остановились въ Мадридѣ. Курьезный случай былъ съ нами: мы велѣли вынести наши вещи, предполагая взять извозчика и поѣхать въ какую-нибудь скромную гостинницу. Когда мы вышли съ носильщикомъ, къ подъѣзду подъѣхалъ боль-

шой ярко освѣщенный автомобиль и носильщики начали наполнять его тюками, чемоданами; туда попали и наши вещи.

Тутъ же стали садиться въ автомобиль пассажиры. Испанскимъ языкомъ мы не владѣли, объяснялась моя жена по французски. Мы рѣшили слѣдовать примѣру остальныхъ пассажировъ и тоже сѣли въ автомобиль. Автомобиль мчался по городу съ бѣшенной быстротой и подкатилъ къ стоящему въ концѣ города роскошному отелю, ярко освѣщенному моремъ электричества. Швейцары и лакеи выбѣжали высаживать пассажировъ. Мы поняли, что попались. Спрашивая цѣну комнаты, мы ужаснулись, кажется 50 франковъ въ сутки за комнату. Время было позднее, около 12 часовъ ночи. Швейцаръ оказался очень любезнымъ, послалъ мальчика за извозчикомъ и мы ночью долго искали подходящую гостинницу, и наконецъ нашли.

Послѣ утомительнаго путешествія по испанскимъ довольно скучнымъ и грязнымъ желѣзнымъ дорогамъ мы, наконецъ, прибыли въ Лиссабонъ. Предупрежденный о нашемъ пріѣздѣ, Терло насъ встрѣтилъ на вокзалѣ въ цилиндрѣ, въ перчаткахъ, въ полной формѣ. Каково было его удивленіе, когда представители «Ето» вылѣзли изъ довольно некомфортабельнаго вагона третьяго класса! На автомобилѣ отвезъ онъ насъ въ самую лучшую гостинницу «Европа», гдѣ были приготовлены для насъ двѣ большія, хорошо обставленныя комнаты.

За все это послѣ пришлось намъ платить изъ нашихъ скудныхъ средствъ!

Терло оказался очень подвижнымъ, энергичнымъ человѣкомъ и роль посредника между еврейскимъ народомъ и португальскимъ правительствомъ, помимо того, что льстила его самолюбію, захватила его и онъ горячо желалъ переселенія всѣхъ евреевъ въ Португалію.

Какъ мы узнали, въ Португаліи это былъ единственный еврей изъ Россіи и къ нему-то обратилось португальское правительство со своимъ предложеніемъ.

На другой день рано утромъ мы вышли на улицу. Яркое весеннее солнце ласково свѣтило и мы почувствовали себя въ какомъ-то волшебномъ мірѣ. Несмотря на ранній часъ, жизнь на улицѣ била ключемъ; публика самая разнообразная: англичане, африканцы въ своихъ костюмахъ, въ особенности много мулатовъ.

Послѣ завтрака Терло повелъ насъ къ себѣ въ контору. На стѣнѣ висѣла большая карта Анголы и приглашенный къ Терло старый военный докторъ, прожившій въ Анголѣ около 20 лѣтъ правительственнымъ врачемъ, подробно знакомилъ съ этнографическимъ и географическимъ положеніемъ Анголы, занимающей почти всю юго - западную часть Африки.

Этотъ докторъ былъ большой любитель Анголы, рьяный португальскій патріотъ и поклонникъ идеи переселенія евреевъ въ Анголу.

Терло предложилъ намъ на другой день познакомиться съ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ предложеніемъ португальскаго правительства, занимающимъ весьма видное положеніе въ португальскихъ политическихъ и общественныхъ сферахъ. Это былъ Альфредъ Бенсаудъ, директоръ высшей политехнической школы въ Лиссабонѣ.

Въ началѣ прошлаго столѣтія предки Бенсауда были первыми евреями, переселившимися изъ Голландіи въ Португалію. Сначала они поселились на Азорскихъ островахъ, затѣмъ потомки ихъ переѣхали въ Лиссабонъ. Въ теченіе цѣлаго столѣтія Бенсауды давали много дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной, научной и промышленной жизни Португаліи. На Азорскихъ островахъ въ

разныхъ мѣстахъ имѣются улицы имени Бенсауда. Самъ Альфредъ Бенсаудъ, — ему подъ 50 лѣтъ, — обворожительной наружности человѣкъ, глубоко и разносторонне образованный. Его вилла — центръ умственной жизни Лиссабона.

Вся семья — ярые евреи патріоты, страстно жаждутъ возрожденія еврейскаго народа. Отъ Альфреда Бенсауда мы узнали все, что насъ интересовало по вопросу объ Анголѣ.

А узнали мы слѣдующее: Португалія, обнищавшая, раззоренная королевскимъ режимомъ и католическимъ духовенствомъ страны, послѣ революціи 1910 года превозгласила республику. Правительство молодой республики и всѣ общественные и политическіе дѣятели энергично принялись за возрожденіе отечества. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ былъ вопросъ о колоніяхъ. Германія, Англія и Бельгія въ свое время отняли у Португаліи самыя лучшія колніи, осталась только Ангола въ юго-западной части Африки. Территорія Анголы превышаетъ по своему размѣру метрополію въ 6-7 разъ. Чтобы укрѣпить ее за собой, нужно ее заселить. А заселить ее у Португаліи нѣтъ возможности. Изъ своего шести съ половиной милліоннаго населенія, Португалія не могла удѣлить людей для Анголы, а между тѣмъ, съ заселеніемъ нужно спѣшить, такъ какъ Германія стала обращать свое вниманіе на Анголу и Португаліи угрожала опасность лишиться этой послѣдней богатой колоніи. Кѣмъ-же заселить ее? Пускать туда нѣмцевъ, англичанъ, итальянцевъ и вообще поданныхъ какого - бы то ни было государства — опасно, такъ какъ за спиной такихъ переселенцевъ стояли бы ихъ правительства и могли бы возникать кснфликты съ серьезными для маленькой Португаліи послѣдствіями.

Взоры государственныхъ людей Португаліи

обращены были на евреевъ изъ Россіи, гдѣ положеніе евреевъ съ каждымъ днемъ ухудшалось и гдѣ подъ вліяніемъ министра юстиціи Щегловитова готовился ритуальный процессъ Бейлиса. Привлеченіе энергичнаго, способнаго, промышленнаго народа въ богатую, мало заселенную Анголу всѣ считали очень полезнымъ. Всѣ были убѣждены, что живой еврейскій народъ внесетъ оживленіе въ мертвое государство.

Я рѣшилъ остаться въ Лиссабонѣ и вызвать туда какъ президента «Ето» изъ Лондона, такъ и двухъ делегатовъ изъ Кіева для переговоровъ съ португальскимъ правительствомъ. Спустя нѣсколько дней, вслѣдствіе телеграммы, полученной имъ изъ Кіева, пріѣхалъ предсѣдатель швейцарскаго отдѣленія «Ето» г. Рубинштейнъ. Съ Рубинштейномъ мы продолжали подготовительную работу.

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ сначала Іохельманъ изъ Кіева, а потомъ Зангвиль изъ Лондона. Зангвиль привезъ письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ Великобританіи, сэра Эдуарда Грея, къ англійскому послу въ Лиссабонѣ о всемѣрномъ содѣйствіи.

Онъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе своимъ добродушнымъ юморомъ, милой разсѣянностью и глубокимъ интересомъ къ жизни русскихъ евреевъ. Онъ всѣхъ очаровалъ, въ томъ числѣ и семью Бенсауда. Маленькая еврейская община Лиссабона — всего 80 семействъ, преимущественно выселенцы изъ Голландіи, — все время жила одной мыслью съ нами: скорѣе увидѣть переселеніе евреевъ въ Португалію. Пребываніе наше въ Лиссабонѣ было для нихъ праздникомъ. Послѣ торжественнаго богослуженія въ прекрасной, хотя и маленькой, синагогѣ, построенной на одной изъ самыхъ видныхъ улицъ, предсѣдатель общины устроилъ для насъ субботнюю трапезу. На эту трапезу

пришли нѣкоторые военные, чиновники, адвокаты, члены парламента. Вопросъ объ уступкѣ евреямъ Анголы долженъ былъ обсуждаться въ парламентѣ. Вся делегація, въ томъ числѣ, по настоянію Зангвиля, моя жена, пришли въ парламентъ, когда засѣданіе уже открылось. Дали знать президенту и онъ, прервавъ засѣданіе, вышелъ, пригласилъ насъ въ кабинетъ, бесѣдовалъ съ нами, а затѣмъ мы въ ложѣ сидѣли во время преній.

Отчеты о засѣданіяхъ въ парламентѣ появлялись въ печати, появлялись статьи, посвященныя вопросу объ Анголѣ, но въ то же время вопросъ сталъ осложняться.

Португальское правительство давало весвозможныя льготы переселенцамъ - евреямъ, но оно боялось имѣть дѣло съ юридическимъ лицомъ, какимъ являлось «Ето», правленіе котораго находится въ Лондонѣ подъ протекторатомъ Англіи. Нужно замѣтить, что въ то время Англія имѣла сильное вліяніе на Португалію и самую революцію приписывали «коварному Альбіону». Оппозиція въ парламентѣ, не рѣшаясь прямо обвинять Англію въ намѣреніи захватить Анголу при посредствѣ «Ето», все таки указывала, что въ интересахъ Португаліи предоставлять землю отдѣльнымъ переселенцамъ, а не юридическимъ лицамъ, какимъ является «Ето».

Для болѣе подробнаго ознакомленія насъ съ Анголой, правительство вызвало тамошняго генералъ - губернатора. Зангвиль велъ съ нимъ подробныя бесѣды, въ нѣкоторыхъ участвовала вся делегація.

Несмотря на вліяніе англійскаго посла, правительство въ кардинальномъ вопросѣ не шло на большія уступки. Оно предлагало отдѣльнымъ переселенцамъ, по рекомендаціи общественныхъ организацій, отводить землю безплатно, перевозить ихъ съ семействами и имуществомъ за счетъ казны

въ Анголу изъ Лиссабона, освобождать отъ воинской повинности, содѣйствовать пріобрѣтенію инвентаря и т. д., но съ тѣмъ, чтобы договоры заключались съ этими отдѣльными лицами, а не съ организаціями.

Зангвилль довольно оптимистически смотрѣлъ на это дѣло, полагалъ, что этотъ вопросъ можно будетъ уладить, но предварительно надо послать комиссію въ Анголу для обслѣдованія ея въ медико - санитарномъ и агрономическомъ отношеніи.

Бенсаудъ взялся освѣдомлять Зангвиля о всѣхъ преніяхъ, какія будутъ по этому вопросу въ парламентѣ, а также и о статьяхъ, какія будутъ появляться по этому-же вопросу въ печати. Проводивъ Зангвиля, Іохельмана и Рубинштейна, мы тоже уѣхали на пароходѣ въ Гавръ, а оттуда въ Парижъ.

Въ Петербургъ мы вернулись въ октябрѣ того-же 1912 года.

Поѣздка по Россіи
и Западной Европѣ.

Ни одно изъ ограниченій, ни одна репрессія такъ остро и такъ болѣзненно не отражались на еврействѣ въ Россіи, какъ усиливавшееся ограниченіе въ правѣ пользоваться высшимъ образованіемъ. Что можетъ быть тяжелѣе, нравственно чувствительнѣе, прегражденія доступа къ высшимъ знаніямъ, къ наукѣ? Интересна психологія еврея, психологія всего еврейскаго народа. Не будемъ касаться историческихъ причинъ. Евреи въ большинствѣ матеріалисты. Сильно у нихъ стремленіе къ пріобрѣтенію матеріальныхъ благъ. Но какое пренебреженіе къ этимъ благамъ, разъ вопросъ касается внутренняго «я», національнаго достоинства. Казалось бы, почему масса еврейской молодежи, не соблюдавшая никакихъ обрядовъ, не знавшая часто даже родного языка, — почему эта масса, хотя бы для внѣшности, не принимала православія, которое настежь открывало двери всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и сулило всѣ земныя блага. А между тѣмъ, юноши и молодыя дѣвушки терпѣли голодъ, холодъ, униженія, но оставались въ станѣ угнетаемыхъ, не переходили въ станъ угнетателей. При всей жаждѣ къ деньгамъ, въ которой, правильно или неправильно, обвиняютъ евреевъ, наука, высшее знаніе цѣнилось у нихъ выше денежнаго богатства. Неучъ — «ам-огорецъ» — считается по талмуду презрѣннымъ, не человѣкомъ и не можетъ разсчитывать на царство небесное. Вотъ на это самое

драгоцѣнное богатство евреевъ, на стремленіе къ наукѣ, правительство накладывало свою тяжелую руку, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Наиболѣе энергичные изъ молодежи, разсчитывая на свои силы, бѣжали за границу и, терпя всякія лишенія, пробирались въ тамошнія высшія учебныя заведенія. Въ первое время заграничное студенчество и профессура снисходительно относились къ такому наплыву, но съ теченіемъ вреемни, на русскихъ студентовъ-евреевъ стали косо смотрѣть.

Евреи-студенты на лекціи являлись раньше всѣхъ, занимали лучшія мѣста, ближе къ профессорской кафедрѣ.

Еврейская учащаяся молодежь скверно себя чувствовала на Западѣ. Съ мѣстнымъ обществомъ, туземнымъ еврействомъ, эта молодежь не была знакома. Нѣмецкій еврей смотрѣлъ на нее, какъ на нежелательный элементъ, неблагонадежный, шумливый, неаккуратный. Къ стыду своему, это еврейство не старалось понять этихъ издерганныхъ, несчастныхъ юношей и дѣвушекъ, часто голодавшихъ, не имѣвшихъ возможности одѣваться такъ, какъ это нравилось нѣмцамъ. Нѣмецкіе евреи (въ этомъ отношеніи не отставали отъ нихъ французскіе и швейцарскіе евреи) не желали видѣть въ этой молодежи жертву деспотизма, людей, которые вынуждены были бросать свою родину, скитаться по чужимъ странамъ, дабы имѣть возможность учиться.

Западно - европейскіе евреи видѣли только казовую, внѣшнюю сторону еврейской молодежи, часто непривлекательную, но вполнѣ объяснимую.

Еще въ 1910 году въ Петербургѣ нѣкоторые общественные дѣятели рѣшили образовать просвѣтительный фондъ, цѣль котораго заключалась въ поддержкѣ заграничной учащейся молодежи, а главное, въ созданіи еврейскаго Университета или

иного высшаго учебнаго заведенія въ Россіи. Въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи, по мнѣнію иниціаторовъ, не только евреи студенты будутъ себя чувствовать «дома», но и еврейскіе ученые будутъ примѣнять свои знанія въ качествѣ профессоровъ и лекторовъ. Научныхъ силъ много у евреевъ и еврейскій Университетъ, по убѣжденію иниціаторовъ, несомнѣнно, занялъ бы почетное мѣсто не только среди университетовъ Россіи, но и Западной Европы. Кто не знаетъ исторіи многихъ ученыхъ евреевъ, которымъ недоступны были профессорскія кафедры, только потому, что они евреи!

Такіе факты еще больше укрѣпляли убѣжденіе А. А. Пресса и его единомышленниковъ въ необходимости существованія еврейскаго университета и они стали хлопотать о разрѣшеніи открыть такое высшее учебное заведеніе. Бюрократическія сферы разно относились къ этому вопросу. Многіе ухватились за эту мысль, считая, что съ основаніемъ еврейскаго университета можно будетъ очистить русскіе университеты отъ нежелательныхъ протестующихъ элементовъ и сконцентрировать всѣхъ евреевъ-студентовъ въ особомъ университетѣ, гдѣ легко будетъ имѣть за ними наблюденіе. Другіе иначе смотрѣли и говорили: «Евреи такой народъ, который не удовольствуется однимъ университетомъ; всѣми правдами и неправдами они будутъ пролѣзать и въ другія русскія высщія учебныя заведенія и, несомнѣнно, еврейскіе университеты будутъ гнѣздами революціонной науки».

Пока шло ходатайство о дозволеніи открыть такое учебное заведеніе, иниціаторы работали надъ вопросомъ, въ какомъ мѣстѣ открыть это заведеніе и на какія средства? Конечно, намѣчались крупные центры черты осѣдлости: Вильно, Кіевъ и др. Близко я подошелъ къ этому вопросу лишь въ 1913 году послѣ моего выхода въ отставку. Дол-

женъ сказать, что вообще вопросъ о положеніи еврейскаго студенчества за границей занималъ меня задолго до 1913 года. Съ 1906 года я ежегодно посѣщалъ Берлинъ и др. университетскіе города и знакомился съ нуждой, съ положеніемъ учащейся молодежи изъ Россіи. Когда основанъ былъ въ Берлинѣ фондъ имени Іоллоса, члена І-ей Думы, убитаго изъ-за угла, съ благословенія «Союза русскаго народа», я сталъ принимать въ этомъ фондѣ большое участіе. Этотъ фондъ выдавалъ пособія недостаточнымъ студентамъ изъ Россіи. Президентомъ былъ извѣстный сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» и многихъ столичныхъ журналовъ Г. А. Гроссманъ, съ которымъ мы были въ большой дружбѣ по Самарѣ. Черезъ него я имѣлъ возможность близко познакомиться съ еврейскимъ студенчествомъ въ Берлинѣ.

Положеніе русскихъ учащихся за границей давно сильно интересовало меня. Когда я, въ октябрѣ 1913 года, вернулся въ Петербургъ, сынъ мой Александръ, живо интересовавшійся всѣмъ, что касалось моей общественной дѣятельности, передалъ мнѣ, что М. М. Винаверъ нѣсколько разъ справлялся обо мнѣ. М. М. мнѣ сказалъ, что имѣется въ виду создать что-нибудь радикальное для молодежи, вынужденной искать высшаго образованія за границей и что мѣропріятія правительства очевидно клонятся къ тому, чтобы лишить еврейскій народъ высшихъ знаній, что необходимо съ этимъ немедленно и энергично бороться. М. М. высказалъ увѣренность, что я охотно приму участіе въ этомъ полезномъ народномъ дѣлѣ. Конечно, я изъявилъ согласіе.

Предсѣдателемъ комиссіи, созданной ad hoc былъ М. М. Винаверъ.

М. М. Винаверъ пользуется большой извѣстностью среди русской и, въ особенности, еврей-

ской интеллигенціи. Масса почитателей, но и много противниковъ, и всѣ въ одномъ согласны: Винаверъ умный человѣкъ, политикъ, глубоко образованный, неутомимый общественный дѣятель.

Нѣкоторые евреи обвиняютъ его въ томъ, что изъ-за кадетской политики, близкой его сердцу, онъ въ свое время не торопился съ разрѣшеніемъ жгучихъ вопросовъ еврейской жизни.

Съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное мною и Е. В. съ М. М. Винаверомъ и его семьей, во многихъ мѣстахъ внѣ Петербурга. Я написалъ нѣсколько словъ о Винаверѣ, не касаясь его, какъ ученаго, какъ виднаго адвоката, какъ незамѣнимаго предсѣдателя общихъ собраній, гдѣ требовались не «окрики», а глубокое пониманіе психологіи аудиторіи. Онъ талантливо въ своихъ резюме передавалъ сущность преній и своимъ заключительнымъ словомъ давалъ правильное освѣщеніе вопросамъ, служившимъ предметомъ преній.

Замѣстителемъ Винавера въ нашей комиссіи былъ Генрихъ Борисовичъ Сліозбергъ. О Г. Б. я неоднократно писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, но не могу не сказать еще нѣсколькихъ словъ. Сліозбергъ — имя очень популярное, въ особенности среди еврейской массы, пострадавшей отъ безправія, отъ жестокихъ преслѣдованій властей. Кому писать о притѣсненіяхъ? Конечно, Сліозбергу. Онъ имѣетъ массу друзей. Въ теченіе чуть ли не 30-ти лѣтъ я велъ переписку съ Г. Б. по еврейскимъ дѣламъ, по этимъ же дѣламъ я часто бесѣдовалъ съ нимъ. Его отзывчивость, готовность приходить на помощь всегда чаровали меня. Противники упрекаютъ Сліозберга, что онъ привыкъ просить власть имущихъ, а между тѣмъ, по мнѣнію критиковъ, настала пора не просить, а требовать правъ для еврейскаго народа. Къ Сліозбергу пріѣзжали со всякаго рода просьбами со всѣхъ концовъ

Россіи. Г. Б. искренно желалъ всѣмъ помочь, обѣщая, но, конечно, не въ состояніи былъ всего выполнить.

Самымъ активнымъ, дѣятельнымъ членомъ нашей комиссіи, по справедливости, долженъ считаться Акимъ Самойловичъ Канегиссеръ. Видный инженеръ, управлявшій казенными кораблестроительными заводами въ Николаевѣ, онъ, какъ еврей, вынужденъ былъ оставить это мѣсто, несмотря на то,что его знанія, его административныя способности высоко цѣнились въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ.

По плану, значительная часть котораго, какъ я уже сказалъ, выработана была Канегиссеромъ, наша работа должна была выразиться въ слѣдующемъ. Основная мысль была та, чтобы все еврейское юношество, получившее среднее образованіе, непремѣнно получило бы и высшее, несмотря на препятствія русскаго правительства. Для этого въ каждомъ крупномъ городѣ учреждается комитетъ изъ мѣстныхъ жителей евреевъ. Комитетъ долженъ былъ имѣть свѣдѣнія о всѣхъ юношахъ - евреяхъ послѣднихъ классовъ всѣхъ учебныхъ заведеній его города.

Свѣдѣнія эти всѣ комитеты должны имѣть у себя ко времени окончанія выпускныхъ экзаменовъ въ ихъ городахъ. Къ концу сентября каждый комитетъ долженъ имѣть свѣдѣнія о лицахъ его города или округа, не принятыхъ въ русское высшее учебное заведеніе. Эти свѣдѣнія должны быть доставлены въ Петербургскій центральный комитетъ вмѣстѣ съ анкетой не позднѣе 1-го октября каждаго года. Въ каждомъ университетскомъ городѣ Западной Европы учреждается комитетъ изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Этотъ комитетъ доставляетъ своевременно въ свой центральный столичный комитетъ свѣдѣнія о количествѣ

юношей, которое можетъ быть принято въ мѣстное высшее учебное заведеніе, не вызывая нареканія со стороны туземнаго студенчества.

Этотъ столичный комитетъ принимаетъ мѣры къ облегченію пріема русской молодежи въ высшія учебныя заведенія данной страны и правильному распредѣленію ея по учебнымъ заведеніямъ. Въ Лондонѣ или Брюсселѣ учреждается Верховный Совѣтъ. Предсѣдателемъ Верховнаго Совѣта намѣчался лордъ Ротшильдъ изъ Лондона или кто-нибудь изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Западной Европы. Со многими изъ нихъ, какъ я сказалъ выше, Канегиссеръ, а также Винаверъ, вели переговоры. Организацію комитетовъ и сборъ денегъ въ Россіи поручили мнѣ. Что могло быть для меня пріятнѣй такой миссіи?! Разъѣзжать по городамъ, толковать съ хорошими людьми, о хорошемъ живомъ дѣлѣ, — могъ ли я даже мечтать о такой работѣ?! Я сбросилъ со своихъ плечъ чуть ли не 45 лѣтъ, и принялся за работу! Я сказалъ, что на меня возложена была задача организовать комитеты и сборы денегъ. Для чего нужны были деньги? Главное, для пособій недостаточнымъ юношамъ и помощи заграничной учащейся еврейской молодежи.

Со страстнымъ желаніемъ работать я пріѣхалъ въ Москву. Съ нашей широкой задачей я познакомилъ А. М. Берненгейма.

А. М. горячо отнесся къ вопросу о положеніи учащихся за границей. Съ этимъ положеніемъ онъ хорошо былъ знакомъ. Онъ привлекъ къ нашему дѣлу только что поселившихся въ Москвѣ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, управлявшихъ крупными банками, Л. В. Сырвинта и И. Г. Когана, съ которыми я имѣлъ продолжительныя бесѣды по нашему вопросу. Приступили мы къ организаціи комитета.

Отъ того какъ сорганизуется Московскій комитетъ въ значительной степени зависѣла организація въ другихъ городахъ Россіи. Московское еврейство пользовалось авторитетомъ, считалось самымъ богатымъ въ Россіи.

Весьма важно было отношеніе сіонистовъ къ нашему вопросу. Сіонистская партія играла крупную роль въ Москвѣ. Многіе изъ сіонистовъ смотрѣли на наше предпріятіе, какъ на нежелательное. По ихъ мнѣнію, евреи должны стремиться въ Палестину, гдѣ основывался тогда политехникумъ. Отвлеченіе средствъ и энергіи на дѣло не связанное съ Палестиной, казалось имъ вреднымъ. Очень часто происходили засѣданія, на которыхъ дебатировался вопросъ объ орагнизаціи комитета.

Въ предсѣдатели нужно было выбрать лицо, не примыкавшее рѣзко ни къ одной изъ партій и въ то же время авторитетное. Удалось завербовать Д. В. Высоцкаго. Вскорѣ Д. В., не отказываясь отъ работы въ комитетѣ, ограничился очень небольшимъ, по сравненію съ его состояніемъ, годичнымъ взносомъ, а отъ объѣзда богачей евреевъ уклонился. Тѣмъ не менѣе подписка въ Москвѣ дала въ первое же время свыше 70-ти тысячъ ежегодныхъ обязательныхъ взносовъ. Намъ было важно начало. На первый годъ мы полагали достаточнымъ имѣть около милліона рублей изъ Россіи, а затѣмъ мы были увѣрены, что на такое хорошее дѣло придутъ на помощь изъ Западной Европы и Америки.

26-го мая 1914 года состоялось общее собраніе членовъ московскаго отдѣленія въ квартирѣ Д. В. Высоцкаго. На этомъ собраніи я сдѣлалъ докладъ о поѣздкѣ моей въ разные города, объ открытыхъ мною комитетахъ. Послѣ этого собранія я уѣхалъ въ разные города по этому же вопросу,

а въ Москвѣ стали работать люди давно зарекомендовавшіе себя какъ общественные дѣятели.

Наша идея нашла горячее сочувствіе и сторонниковъ среди харьковской еврейской интеллигенціи. Родители, дѣти которыхъ тогда кончали среднее учебное заведеніе, рѣшили немедленно готовить дѣтей къ отъѣзду за границу, надѣясь на свой харьковскій комитетъ. Особенно заманчиво было для матерей то, что за-границей будутъ приняты мѣры, чтобы являющаяся туда еврейская молодежь не чувствовала себя какъ на чужбинѣ. Съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное мною въ Харьковѣ.

Уже во время европейской войны я узналъ, что въ Харьковѣ началъ работать мѣстный комитетъ и что сочувствіе къ нашему дѣлу стала проявлять и народная масса. Легче, хотя не особенно легко, удалось мнѣ открыть комитетъ въ Кіевѣ.

Изъ Кіева мы съ Е.В. поѣхали въ Екатеринославъ, Симферополь и Севастополь.

Изъ Севастополя мы на пароходѣ отправились въ Одессу.

Въ прекрасное майское утро мы пріѣхали въ въ южную Пальмиру. Съ Одессой связаны у меня воспоминанія юности. По окончаніи гимназіи въ 1871 году, я впервые пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ отецъ мой только что тогда поселился и гдѣ онъ преждевременно умеръ.

Въ день пріѣзда погода была чисто южная, Одесса была нарядная, въ оосбенности бульвары, — всецѣло и благоухало.

Въ домѣ Г. Э. Вейнштейна, члена Госуд. Совѣта, устраивались собранія. На нихъ бывалъ и принималъ участіе въ преніяхъ поэтъ Бяликъ, общественныя дѣятельницы Надежда Львовна Сакеръ и ея сестра.

На собраніяхъ я дѣлалъ доклады, выяснялъ

программу нашей дѣятельности; организованъ былъ комитетъ и приступили къ составленію подписного листа обязательныхъ взносовъ. Подписка не обѣщала блестящихъ результатовъ. Одесскіе богачи, повидимому, не привыкли щедро жертвовать на обще-еврейскія дѣла! Меня это обстоятельство не тревожило. Вейнштейнъ, Сакеръ и другіе обѣщали энергично работать. Я былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Вейнштейнъ обѣщалъ поѣхать въ Херсонъ и нѣкоторые другіе города и тамъ агитировать въ пользу нашего дѣла. Дѣйствительно, спустя недѣли двѣ я получилъ отъ него телеграмму изъ Херсона, въ которой онъ сообщаетъ о большомъ сочувствіи нашему дѣлу, какъ въ Херсонѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Радовало вдумчивое отношеніе многихъ къ нашему дѣлу. Привлекли мы къ нему двухъ ученыхъ математиковъ — приватъ-доцентовъ мѣстнаго университета, — С. О. Шатуновскаго и В. Ф. Кагана, которые часто бывали за-границей, хорошо были знакомы съ положеніемъ русской учащейся молодежи и на засѣданіяхъ рисовали это положеніе, доказывая необходимость энергично работать въ этомъ серьезномъ вопросѣ.

Былъ я на могилѣ отца и на братской могилѣ жертвъ погрома. Помню, что подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною отъ вида братской могилы, отъ разсказовъ о жестокости погромовъ, я рѣшилъ посѣтить выразителей думъ и печали еврейскаго народа, писателей Абрамовича, Фруга и Бялика. Такъ пріятно вспомнить о посѣщеніи мной этихъ писателей, что нахожу возможнымъ прервать разсказъ объ организаціи одесскаго комитета и поговорить объ этихъ писателяхъ.

Съ Абрамовичемъ (Мендель Мойхеръ Сфоримъ) я познакомился въ Женевѣ, — не помню, въ 1906 или 1907 году, — у проживавшаго тамъ извѣстнаго писателя Рабиновича (Бенъ-Ами). Высо-

кій, стройный, убѣленный сѣдиной Абрамовичъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе. Старикъ Абрамовичъ бесѣдовалъ съ нами о Россіи, о русскихъ евреяхъ, объ освободительномъ движеніи 1905 года, объ искупительной жертвѣ, которой всегда является еврейскій народъ. Въ свѣтлое будущее народа Абрамовичъ вѣрилъ и на эту тему онъ со мной бесѣдовалъ въ Одессѣ. Онъ вполнѣ сочувственно отнесся къ нашей задачѣ, но, конечно, активнаго участія онъ не могъ принимать изъ-за своего очень преклоннаго возраста.

Фруга я давно зналъ. Когда онъ жилъ въ Петербургѣ въ 80-хъ годахъ, онъ записался, чтобы имѣть право жительства, въ лакеи къ покойному Варшавскому. Когда я пришелъ къ Фругу, онъ спалъ. Узналъ я, что онъ вслѣдствіе болѣзни ужъ нѣсколько мѣсяцевъ не встаетъ съ постели. Познакомился я съ его женой. Она хотѣла разбудить Фруга, но я воспротивился и ушелъ. Въ тотъ же день я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ высказывалъ сожалѣніе по поводу несостоявшагося свиданія. Къ моему большому огорченію, черезъ два года, будучи на Кавказѣ, я узналъ, что Фругъ умеръ въ крайней бѣдности, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Я собралъ нѣсколько тысячъ для образованія фонда на изданіе его сочиненій.

Отъ Фруга я направился къ Бялику. Необычайная скромность. Онъ,какъ въ бесѣдахъ со мной,такъ и на собраніяхъ у Вейнштейна, высказывалъ свое горячее сочувствіе къ нашей задачѣ и обѣщалъ свое личное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Изъ Одессы мы уѣхали въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ состояться съѣздъ делегатовъ вновь открытыхъ комитетовъ. На съѣздѣ были представители Москвы, Риги, Кіева, Екатеринослава. За отъѣздомъ Винавера предсѣдательствовалъ Г. Б.

Сліозбергъ. Засѣданія съѣзда происходили въ домѣ М. А. Гинзбурга. Съѣздъ, одобривъ нашу дѣятельность, просилъ насъ всѣхъ продолжать нашу работу, ручаясь за горячее сочувствіе всего еврейскаго народа къ нашему дѣлу.

Изъ Петербурга я съ женой поѣхалъ въ Минскъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда ѣхать въ Варшаву и Берлинъ.

Минскъ! Какъ много это слово говоритъ мнѣ. Учился я въ Мозырской гимназіи Минской губерніи. Минскъ былъ для насъ столицей. Изъ Минска пріѣзжали губернаторъ, окружной инспекторъ и другія власти. Въ Мозырской гимназіи было много минчанъ, и моя первая платоническая любовь была связана съ Минскомъ.

Среди моихъ товарищей по классу самымъ интимнымъ другомъ моимъ былъ Цукерманъ.

Онъ намъ очень много говорилъ о своей кузинѣ, показывалъ намъ ея карточку. Я и всѣ мои товарищи по классу (былъ я тогда въ 4-мъ классѣ) влюбились заочно въ его кузину, въ особенности я пылалъ къ ней пламенной любовью. Я все мечталъ побывать въ Минскѣ и увидѣть ее.

Въ 1875 году я проѣздомъ былъ въ Минскѣ, видѣлся съ Цукерамномъ, окончившимъ къ тому времени Петербургскую медицинскую академію. Хотѣлъ я повидать и его кузину, но ея тогда въ Минскѣ не было. Такъ я ее и не увидѣлъ.

Въ Минскѣ на вокзалѣ насъ встрѣтили два старца, Г. Я. Сыркинъ и Д. М. Мейчикъ.

Г. Я. Сыркинъ принялся энергично хлопотать объ организаціи комитета: устроены были собранія, какъ въ квартирѣ Г. Я., такъ и на дачѣ виднаго общественнаго мѣстнаго дѣятеля Рогова. На этихъ собраніяхъ обсуждалась программа нашей дѣятельности. Всѣ болѣе или менѣе видные общественные дѣятели Минска обѣщали свое содѣйствіе, а орга-

низацію подписки взялъ на себя Роговъ. Я уѣхалъ въ Варшаву, убѣжденный въ успѣхѣ нашего дѣла въ Минскѣ.

⁂

Польскіе евреи всегда стояли въ сторонѣ отъ русскаго еврейства. Русскихъ евреевъ, которыхъ называютъ литваками, польскіе евреи не любятъ. Смотрѣли они на нихъ, какъ истые поляки. Они видѣли въ нихъ представителей Московіи, насаждающихъ русскую культуру, русскій языкъ и все русское, которое такъ несимпатично не только христіанамъ - полякамъ, но и польскимъ евреямъ, этимъ «полякамъ Мойсеева закона». Мнѣ приходилось бесѣдовать съ нѣкоторыми судьями поляками. Я старался выяснить причину бойкота, объявленнаго евреямъ со стороны поляковъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ интимной бесѣдѣ они объяснили мнѣ роль русскихъ евреевъ въ Польшѣ. «Самые лучшіе изъ евреевъ — это наши враги», — сказали мнѣ судьи: «русскіе евреи, наводнившіе Варшаву, Лодзь и другіе крупные центры Польши, являются проводниками несимпатичной намъ русской культуры и не понимаютъ, что этимъ они творятъ злое дѣло по отношенію къ намъ, къ Польшѣ». Бесѣдовавшіе со мною по этому вопросу удивлялись преданности русскихъ евреевъ угнетавшей ихъ Россіи. «За что они любятъ Россію? Почему они увлекаются русской литературой? За погромы? Вѣдь ни одинъ изъ русскихъ писателей ни единымъ словомъ не обмолвился за человѣческія права евреевъ. Сравните Пушкина и Мицкевича. Какіе еврейскіе типы у Пушкина и у Мицкевича. А Толстой, — какъ реагировалъ на жестокости по отношенію къ евреямъ? — говорили поляки. Умѣлъ же Толстой возвысить голосъ въ пользу дукоборовъ.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ, судьи-поляки указы-

вали на слѣдующія явленія: «Въ Польшѣ никогда не было еврейскихъ погромовъ. До переселенія русскихъ евреевъ въ Польшу мы шли рука объ руку съ нашими евреями. Послѣдніе принимали большое участіе въ нашемъ движеніи 1831 и 1861 годовъ, когда мы хотѣли сбросить съ себя московское иго. Съ переселеніемъ же русскихъ евреевъ, вліяніе ихъ вредно отразилось на нашихъ евреяхъ и мы боремся теперь со всѣми евреями Польши».

Такихъ же взглядовъ на роль евреевъ въ Польшѣ держались мѣстные евреи - ассимиляторы, «поляки Мойсеева закона». Обще-еврейскіе вопросы мало интересовали евреевъ въ Польшѣ, въ особенности нашъ вопросъ. Польскіе евреи ближе живутъ къ Западной Европѣ. Своихъ дѣтей имъ легче было посылать за-границу, чѣмъ русскимъ евреямъ, и поэтому наша идея не могла встрѣтить у нихъ такого сочувствія, какъ у евреевъ черты осѣдлости, и организовать комитеты въ Польшѣ было гораздо труднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Остановился я въ гостинницѣ «Полонія». Тамъ я имѣлъ возможность познакомиться и близко сойтись съ выдающимися писателями: Шоломъ-Алейхемъ, Леономъ Перецомъ, Эльяшевымъ и др. Съ Шоломъ-Алейхемомъ (Рабиновичъ) я раньше былъ знакомъ. Живя съ нимъ въ одной гостинницѣ, мы часто встрѣчались и проводили вмѣстѣ время. Къ нашему дѣлу онъ отнесся крайне сердечно, считая, что еврейскій народъ долженъ быть вооруженъ высшими знаніями, что безъ этого оружія онъ погибнетъ.

Въ Варшавѣ, какъ я сказалъ, я познакомился и съ другимъ выдающимся писателемъ Лео Перецомъ. Перецъ приходилъ часто къ Шоломъ-Алейхему, у котораго собирались всѣ видные еврейскіе журналисты и писатели. Очень часто бывалъ извѣтсный критикъ д-ръ Эльяшевъ «Балъ-махшо-

войсъ». Бывая у Шоломъ-Алейхема, Перецъ заходилъ къ намъ и мы очень съ нимъ сблизились.

Въ 1915 году, во время міровой войны, мы въ Лондонѣ узнали о смерти Переца. Мнѣ пришлось въ большомъ собраніи въ «Уайчеплѣ» сказать о Перецѣ нѣсколько словъ.

Все, что возможно было сдѣлать въ Россіи за такой короткій срокъ, было сдѣлано. Грандіозная задача, которую мы себѣ поставили, не могла, конечно, быть выполнена въ первый же годъ. Главное было сдѣлано. Заложенъ былъ фундаментъ. Въ крупныхъ городахъ основаны были комитеты. Послѣдніе стали составлять анкеты для оканчивающихъ среднія учебныя заведенія, а также собирать средства.

Я имѣлъ въ виду на обратномъ пути изъ Западной Европы побывать въ Вильнѣ,посѣтить Кавказъ, а также Сибирь по этому дѣлу. Но предварительно необходимо было узнать, что сдѣлано и что можно было сдѣлать по нашему вопросу на Западѣ.

Съ такими широкими планами я оставилъ Россію и въ іюнѣ 1914 года пріѣхалъ въ Берлинъ.

Типографія «ВОЛЬТЕРЪ», 4, Passage Alexandrine
П А Р И Ж Ъ.